

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ
ВОСПОМИНАНІЯ

АРТИЛЕРІЙСЬКАГО ОФІЦЕРА.

СОЧИНЕНІЕ.

Е. Р. Ш — О В А.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ
ВОСПОМИНАНІЯ
АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Р. Ш—ОВА.

ВЪ СЕМИ ТЕТРАДЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 14 Ноября 1857 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАВА ОТДѢЛЪН. КОРП. ВНУТРЕН. СТРАЖИ.

Посвящается

Александру Васильевичу

ДРУЖИНИНУ.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

Прїездъ. — Первое посѣщеніе бастіоновъ.

Я самъ напросился въ Севастополь, — и говорю безъ преувеличенія: день, въ который я узналъ, что ѣду на мѣсто военныхъ дѣйствій, былъ едва ли не счастливейшимъ въ моей жизни. Что-то непреодолимое влекло меня къ Севастополю. Я былъ очень и очень молодъ, — я еще не сознавалъ той великой истины, что настоящій военный человѣкъ никуда не просится, ни отчего не отказывается, а тихо дѣлаетъ свое дѣло, вездѣ, гдѣ придется. По моимъ юношескимъ понятіямъ я не могъ не рваться къ Севастополю всей душой моею.

Быть тамъ, участвовать въ знаменитыхъ дѣлахъ, видѣть настоящую войну, о которой я съ дѣтства такъ много читалъ и думалъ, все это ставило меня высоко передъ собственными же глазами. — И прощанья, и тягостный день отъезда, и холодъ, и утомительная дорога, все было скрашено мыслью о томъ, что я ѣду въ Севастополь.

Съ трепещущимъ сердцемъ, весь отдавшись какой-то непонятной радости, охватывавшей весь составъ мой, и въ которой не могъ я дать себѣ отчета, съ самодовольствіемъ почти дѣтскимъ, но все-таки возвышающимъ душу, каждую минуту говоря себѣ, что вотъ скоро, скоро на самомъ дѣлѣ я буду дѣйствующимъ лицомъ величайшей военной драмы, — подѣвжалъ я къ Севастополю въ глухую декабрьскую полночь. До-сихъ-поръ радостно мнѣ вспомнить объ этой ночи, хотя я прожилъ много съ того времени, видѣлъ крови больше, чѣмъ могъ ожидать, — и, конечно, навсегда отдалился отъ первыхъ впечатлѣній моей порывистой молодости.

Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали слышны, отчетливо доносились по вѣтру перека-ты каждая выстрѣла; нрѣдко въ одно время съ ними слышался въ воздухѣ глухой трескъ лопнувшего разрывнаго снаряда. Бомбы, кидаемыя нрѣдка, падуцею звездою обозначались на черномъ фонѣ ночной дали, а въ слѣдъ за тѣмъ быстрая вспышка огня на мгновеніе загоралась въ томъ или другомъ направленіи.

Это была настоящая война, это были настоящія бомбы, убивавшія людей и сдѣланныя Богъ знаетъ гдѣ для такой цѣли.

Жаднымъ взоромъ и слухомъ слѣдилъ я за ними, невольно приподымаясь на телегъ, вытягивая шею, стараясь все разслышать и разглядѣть, съ ощущеніемъ невѣроятнаго душевнаго волненія.

По мнѣ—меня окружала дивная поэзія.—Я никогда не считалъ себя храбрѣе другихъ людей, и дальнѣйшій мой рассказъ покажетъ, что не всегда видъ опасности пробуждалъ во мнѣ чувство дѣтскаго восторга. Но въ эту ночь оно было такъ: мало того, что я не думалъ о ранахъ, о смерти, обо всемъ горь,—но я не повѣрилъ бы ни во что худое для меня собственно. Даже мысль о томъ, что я могу быть убитъ завтра, въ своей квартирѣ, при первомъ обходѣ укрѣпленій, меня не касалась. Увидѣть Севастополь, примкнуть къ ряду его защитниковъ — и тотчасъ же быть убитымъ — какой вздоръ! Неужели для этого я въхалъ такъ долго и кончаю мой путь такъ весело?

И такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый Севастополь, о которомъ думаетъ Россія,—Европа,—весь свѣтъ даже! этотъ Севастополь, думалъ я въ восторгъ,—въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня; я вижу молніи отъ выстрѣловъ, я слышу отдаленный говоръ русскихъ, французскихъ, англійскихъ пушекъ! Не далѣе, какъ завтра я

самъ проснулся въ городѣ, пойду по бастіонамъ, сдѣлаюсь въ самомъ дѣлѣ участникомъ защиты Севастополя,—нѣтъ, все это мнѣ кажется, какъ послѣ разговора о пышнѣйшей войнѣ, бредомъ восторженнаго мальчика, всю жизнь свою игравшаго въ солдатикн! И я благодарилъ судьбу за то, что я не сплю, что Севастополь не во снѣ мнѣ приснился.

Медленно тащила мою повозку тройка, съ трудомъ подаваясь впередъ, по глубокой тонн грязи, не смотря на то, что я былъ одинъ и вся поклажа заключалась въ чемоданъ, складной желѣзной кровати, да касачномъ ящикѣ.

Хотя и по дорогѣ, по можно сказать—бредли мы на удаую, во мглѣ темной ночи и по совершенной слякоти, съ рытвинами и ямами, въ которыя лошади уходили по самую грудь.

Зловоніе, отъ лежащей по сторонамъ надали,—слѣдствіе немовѣрно дурной дороги,—въ ннхъ мѣстахъ было нестерпимо. Зажавши носъ и сдерживая дыханіе, надо было провзжать пространство, зараженное вредными міазмами.

Ящикъ мой равнодушно покуривалъ себя коротенькую трубочку, время отъ времени постегивая свою усталую, залыленную грязью, жалкую тройку, — безъ колокольчика даже.

Проѣхавши лагерь на Бельбекъ и нѣсколько меньшихъ у начала сѣверной стороны, завидѣлись парусные балаганы, сквозившіе свѣтомъ.

Мы въѣхали на самую сѣверную.

Теперь ясно слышался даже трескъ лопавшихся бомбъ и гранатъ, а выстрѣлы казались какъ-бы чащ.

«А нонче супостатъ больно поналѣгъ; знать порѣшеніе какое задумываетъ,» проговорилъ мой ямщикъ, запрягая трубку въ голенищи. Ямщикомъ моимъ на этотъ разъ былъ русскій мужичокъ, съ клинообразной русой бородкой.

Выведенный изъ раздумья его замѣчаніемъ, я хотѣлъ поразспросить его кой о чемъ,—но онъ снова заговорилъ, обратясь ко мнѣ:

— «А куды ваше благородіе захватъ-то? На станцію что-ль, аль къ маркитану? На станціи-то, прибавилъ онъ, очень плоховато;—почитай что и окошки повывбиты.»

Впрочемъ, и самъ я не могъ вывести хорошаго заключенія о севастопольской почтовой станціи, зная по опыту, какъ отъ непомѣрнаго гона разстроены онъ все съ самаго Перекопа, а подъ Севастополемъ приведены въ совершенно-жалкое положеніе.

Ѣхавши въ сторону къ Севастополю, начп-

ная со второй или третьей станціи передъ Симферополемъ, можно было получить лошадей, или какимъ-то чудомъ, или же по особому какому ухищренію; напримѣръ: тайкомъ давая деньги обратному ямщику; хотя ямщикамъ, по случаю большаго разгона, строжайше запрещено было брать съдоковъ.

Часто многіе проѣзжающіе, соскучившись сидѣть нѣсколько дней на одной станціи, отправлялись въ путь, нанимая воловъ, татарскихъ клячъ, и даже верблюдовъ; при чемъ постоянный экипажъ былъ—татарская двухколесная арба или маджара.

Подъ пронзительный скрипъ этой колесницы и отвратительные голоса пары верблюдовъ, пронутешествовалъ и я цѣлыхъ двѣ станціи, за тройные, противъ настоящихъ, прогоны.

Вскорѣ доплылъ мой ямщикъ, по грязи, къ большому парусному балагану, больше всѣхъ свѣтившемуся издали путеводною звѣздою, между лабиринта палатокъ, землянокъ, балагановъ, складовъ и т. п.

Это былъ балаганъ перваго маркитанта на сѣверной сторонѣ, купца Серебряникова. У него-то мы и остановились.

Меня приняли привѣтливо, указавъ мнѣ для ночлега другое маленькое отдѣленіе балагана,

съ прилаженною въ немъ небольшою чугуною печью.

Тамъ спали уже трое прїѣзжихъ: двое офицеровъ и одинъ докторъ, расположась въ новалку на подосланномъ на сырой землѣ коврѣ.

Сырость и промозглость тогдашней декабрьской крымской ночи казались въ балаганѣ ощутительнѣе, нежели на самомъ дворѣ.

Отъ Москвы и до теперешняго своего правила, довелось мнѣ почевать только два раза, и то одѣтымъ. Теперь мнѣ невыразимо-прїятно бы было—раздѣвшись, лечь въ чистую, мягкую постель.

Это представлялось мнѣ высшимъ блаженствомъ, казалось почти волшебной мечтою, одною изъ тѣхъ грезъ, которыя хотя и не отражаютъ въ сокровенной глубинѣ чловѣка, но постоянно считаются чѣмъ-то фантастическимъ.

Я такъ усталъ, что, не смотря на крайній для меня интересъ Севастополя, — мнѣ было не до разспросовъ. Недавнее чувство восторга и бодрости смѣнились полнымъ изнеможеніемъ. Глаза мои закрывались сами собою.

Наскоро проглотивъ стаканъ теплаго чая съ виномъ, не раздѣваясь, въ промокшихъ и грязныхъ сапогахъ, улегся я возлѣ спавшихъ офи-

церовъ, дрожа отъ пронимавшей меня сырости, но скоро это неприятное ощущеніе исчезло.

Глаза мои слѣпились, въ головѣ промелькнула мысль о томъ, что я не соглашусь раскрыть ихъ ни за всю сокровища міра. Потомъ я какъ-то льниво подумалъ: «а вѣдь я въ Севастополь», и за тѣмъ заснулъ какъ убитый.

И пріятность ночлега, и все эти различныя по-видимому, мелочи, но цѣнныя очень въ дорогѣ, — пойметъ всякій, кому, какъ мнѣ, приходилось сдѣлать до трехъ тысячъ верстъ, и не все по шоссе, а по скверной, грязной дорогѣ, съ прочими неудобствами пути, при разстроенныхъ станціяхъ.

Ужасный шумъ и говоръ въ другомъ отдѣленіи, за живою парусной перегородкой, или, лучше, завѣсомъ, разбудили меня поутру.

Тамъ толпа офицеровъ, закусывала, пила чай, вино, завтракала, лакомилась. Босвымъ рассказамъ не было конца. Въ числѣ посѣтителей находилось человекъ пять раненыхъ съ перевязками на головѣ и подвязанными руками.

Съ невольнымъ почтеніемъ глядѣлъ я на расквашковъ, къ раненымъ же я просто ощущалъ благоговѣніе, невыразимое словомъ.

Быль часъ одиннадцатый утра; пора была

собираться на южную сторону — къ своему новому батарейному командиру.

Я хотѣлъ было нарядиться пощеголеватѣе, затянуться въ полную парадную форму, какъ вообще это дѣлается въ Петербургѣ; но меня остановили, замѣтивъ, что здѣсь, въ Севастополь, не принято церемоній, не подходящихъ къ здѣшнему положенію. Офицеры—было мнѣ сказано — и ходятъ, и являются просто, въ здѣшней боевой формѣ: сърой, солдатскаго сукна шинели и длинныхъ сапогахъ, потому что грязь стоитъ ужаснѣйшая. Я надѣлъ все, сообразно указанію, но отъ длинныхъ сапоговъ отказался съ непривычки: дико какъ-то казалось являться въ подобной формѣ. Навязавши новенькій темлякъ на саблю, надѣвъ новыя перчатки и фуражку, отправился я на пристань, осторожно ступая въ тоненькихъ сапогахъ со шнорами и въ маленькихъ щегольскихъ калошахъ. Нѣсколько минутъ я ступалъ осторожно и выбиралъ мѣста посуше.

Кончилось однако тѣмъ, что, добравшись до пристани, очутился я забрызганнымъ и перепачканнымъ въ грязи, почти по колѣна, едва перастерявши калоши, часто увязавшія въ клейкомъ неподъ грязи.

Пробираясь такимъ образомъ, я въ душѣ за-

видоваль встрѣчнымъ офицерамъ, которые, не разбирая, спокойно шагали по улицѣ въ своихъ длинныхъ сапожищахъ.

У пристани народъ кишмя кишилъ: и люди, и скоть, и повозки, немилосердо мѣсили грязь. Казалось, огромная ярмарка стояла въ самомъ разгарѣ. Набережныя сѣверной стороны кишѣли работою; шла постоянная нагрузка вещей, отсылаемыхъ на южную.

По бухтѣ непрерывно сновали разныя суда: весельныя большія и малыя, парусныя и паровыя, съ бездною разнообразныхъ предметовъ.

На палубахъ транспортныхъ судовъ видѣлись пѣхотныя партіи, рогатый скоть на убой, возы сѣна, бочекъ, кулей, туровъ, лошади, орудія, крѣпостныя станки, рѣзанное сырое мясо въ окровавленныхъ мѣшкахъ, женщины и торговый людъ, дѣти и раненыя.

При мнѣ причалило съ южной два баркаса съ грузомъ до верху наложенныхъ, простыхъ, неокрашенныхъ гробовъ, съ тѣлами опочившихъ на полѣ чести.

Съ благоговѣніемъ снялъ я фуражку и перекрестился.

Южная сторона Севастополя, всѣмъ возможнымъ снабжаемая съ сѣвера, въ свою очередь, въ замѣнъ того, надѣляла сѣверную сто-

рону лишь негоднымъ для себя: убитыми, ранеными, подбитыми станками и орудіями, да издыхающими лошадьми.

Долго еще простоялъ я на пристани съверной стороны, не сядя въ военный катеръ, или въ одинъ изъ толпившихся у берега вольныхъ яликовъ, не смотря на зазыванія владельцевъ послѣднихъ: «Вотъ пожалуйста! вотъ ко мнѣ! вотъ лихо доставлю! вотъ на Графскую!».

Съ жаднымъ любопытствомъ всматривался я въ открывшуюся предо мною панораму укрѣпленій, съ выющимися по воздуху бѣлыми, густыми клубами пороховаго дыма.

Прямо предо мною видѣлась на южной, раздѣляемой множествомъ бухтъ, Графская набережная, съ аркою и изящнымъ гранитнымъ виходомъ, съ каменными по бокамъ караульными домпками; отъ набережной вправо, по берегу, уходила, загибаясь къ городу, длинная, каменная Николаевская батарея, съ чернѣвшимися на морь двойнымъ рядомъ амбразуръ; не много влѣво, высился бульваръ, съ щегольскимъ на немъ павильономъ и памятникомъ Козарскаго. По берегу, по-подъ бульваромъ, видѣлось адмиралтейство съ высокой своей надъ воротами входа каланчею; бѣлѣлась

неоконченная, съ лѣсами еще, новая церковь прекраснаго стиля, съ высоко взлетѣвшимъ надъ легкимъ куполомъ золотымъ крестомъ, и рядомъ, старая, небольшая; обѣдня отходила, и благовѣсть звучалъ надъ городомъ, чудно смѣшиваясь съ гуломъ и перекатами раздающихся вокругъ выстрѣловъ. Городъ, весь каменный, раскидывался амфитеатромъ; на крайней точкѣ величественно подымалось прекрасное зданіе бібліотеки Черноморскаго флота.

По лѣвую отъ меня руку, по сѣверной сторонѣ, видѣлись, между различныхъ складовъ, палатокъ и проч., нѣсколько каменныхъ казенныхъ зданій, гдѣ были госпитали и помещалось управленіе главнокомандующаго; — уходилъ въ даль рейдъ, развѣтвляясь на разныя бухты; по немъ разбросанъ былъ повсюду нашъ черноморскій флотъ; Корабельная слободка красовалась доками и большой морской казармой, а тамъ, въ отдаленіи, новыдвинувшись впередъ между другими постройками, громоздилась масса Малахова кургана.

Всего однакоже не перескажешь о томъ, что увидѣлъ я, стоя у моря. Помню, между прочимъ, о томъ чувствѣ, съ какимъ увидѣлъ я линію военныхъ кораблей, поперегъ сильно зыблущейся бухты, на водѣ мутно-свинцоваго

цвѣта, казавшеюся еще болѣе темной отъ тучъ, глядящихся въ ея поверхность.

Далѣе къ морю, изъ воды глядѣли верхи мачтъ. То были суда, нами затонувшія.

Видъ на морѣ былъ вообще грустенъ. Солнце изрѣдка выглядывало изъ-за тучъ, но не болѣе, какъ на минуту. За линіей боловъ, съ небольшими пѣнистыми водоворотами около перемычекъ, какъ-то безотрадно глядѣлъ просторъ безиредельнаго моря. На сумрачномъ горизонтѣ ясно обозначались даже рен непріятельскихъ блокировавшихъ кораблей, и затѣмъ отсюду висѣла непріязненная свинцовая мгла, придающая такую сердцесжимающую суровость всемъ морскимъ видамъ въ зимнее время.

Я сѣлъ наконецъ въ катеръ. Большое волненіе широкой зыбью расколыхало бухту; нашъ катеръ бросало во все стороны и въ это время странно было смотреть на едва покачивающіяся стройныя громады линейныхъ кораблей.

Гораздо правѣе Малахова кургана слышалась частая пальба.

«Видишь, какъ онъ понапустился на четвертый», говорили гребцы между собою. «Что такое четвертый?» спросилъ я. «Баксіонъ», отвѣчали они, съ ласковой снисходительностью

старого солдата, говорящаго съ молоденькимъ офицеромъ.

Причалили мы къ Графской. По командѣ мохнатого боцманмата: «*крюкъ!*» всѣ двадцать четыре весла, разомъ поднявшись, потомъ уложились по бортамъ; одинъ изъ матросовъ ловко выскочилъ на самый носъ катера, и въ то мгновеніе, когда, казалось бы, судно должно было стукнуться о гранитъ набережной, движеніемъ багра задержалъ толчокъ и пособилъ пристать къ берегу.

На ступеняхъ и площадкахъ, кучами навалены были чугунные *орьхи* всѣхъ возможныхъ родовъ—отъ самого меньшаго номера картечи и до пяти-пудоваго калибра бомбы.

Въ пространствѣ между набережной и близълежащимъ угломъ Николаевской батареи, закруглявшимся башнею, расположилась, словно на Сѣнной въ Петербургѣ, цѣлая толпа продавцовъ—мужчинъ и женщинъ—все почти матросокъ, и даже дѣтей. Постоянно раздавались: «сбитень горячій» и всевозможныя приглашенія на разное съѣстное.

По выходѣ изъ-подъ арки Графской пристани, бросались въ глаза сейчасъ же, по обѣ стороны разбросанные, разные боевые припасы: крепостныя лафеты, разныхъ калибровъ

чугунныя пушки, на станкахъ и безъ станковъ, лафеты, брусья, и опять кучи бомбъ, ядеръ, гранатъ и картечи.

По правой рукъ желтълся бывшій когда-то дворець Екатерины, нарочно постросный для прѣзда этой Императрицы; далѣе раскидывалась перерѣзываемая каменной баррикадою съ небольшими карронадами въ амбразурахъ, обширная Николаевская площадь, съ бездною разнообразныхъ предметовъ, съ зеленѣющимъ на ней артиллерійскимъ паркомъ легкой батареи, и именно, какъ я узналъ, самой той, въ которой состоялъ я теперь на службѣ.

Пока проходилъ я мимо дома собранія, обращеннаго въ главный перевязочный пунктъ, мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть раненыхъ. Нѣсколько окровавленныхъ носилокъ остановилось передъ большими лакированными дверьми этого дома. Я съ непростительнымъ любопытствомъ заглянулъ въ однѣ носилки; тамъ лежалъ какой-то пѣхотный солдатикъ-егерь; и судьба зло проучила меня, на первый разъ: взглянувши на раненаго, я содрогнулся, похолодѣлъ и зажмурилъ глаза. Осколкомъ гранаты было изуродовано все лицо несчастнаго, клочками висѣло мясо, а чудомъ уцѣлѣвшій одинъ глазъ, смотрѣлъ невыразимо-страшно.

✓ Кровь душила раненаго, онъ храпѣлъ и метался. Сердце мое, казалось, разорвалось на части отъ тоски и состраданія.

Со мною сдѣлался нравственный переворотъ: меня разомъ оставили всѣ радужныя мечты поэзіи, всѣ одуряющія картинны боя, такъ привлекательныя *вдали*, отъ дѣйствительныхъ ужасовъ войны. Мнѣ стало жутко, больно, страшно за себя, стыдно за свою праноричью восторженность. Молча, какъ бы съ застывавшимъ сердцемъ, прошелъ я мимо дома страждущихъ героевъ.

Но далѣе, за баррикадой, со мною повстрѣчались такія будничныя, довольныя, занятыя собою фізіономіи, щеголи офицеры, торговцы и разношники, нарядныя дамы и дѣвѣны, щегольскія пролетки, играющія дѣти, вся обстановка обыденной жизни, что первое непріятное впечатлѣніе стало сглаживаться, сглаживаться и наконецъ сгладилось совершенно.

— Телятишкову привезли новыя матеріи. Пойдемъ посмотрѣть, лепстала одна дѣвица съ узенькими ножками, пробираясь по камышкамъ къ тротуару.

— Наѣдемся шеколаду у Томаса, говорилъ одинъ офицеръ встрѣтившемуся товарищу.

— Хорошая была игра у С*, рассказывалъ

какой-то адъютантъ, пробирась въ гурьбѣ другихъ офицеровъ,—чертовски валпло хозяину—выигралъ тысячи четыре.

Другіе прохожіе таинственно разсуждали про какую-то Осьнку. А кругомъ гудѣли выстрѣлы; за известной чертой разыгрывалась грозная драма,—вслась иная совершенно жизнь.

Отъ всей этой противоположности, отъ этой смѣси житейскихъ заботъ съ войною, я почувствовалъ себя какъ-будто вывпхнутымъ

~~.....~~

дирь. Зеленый, казенный ящикъ у одного окна, съ артиллеристомъ на часахъ, и походный фургонъ, въ сторонъ, указывали квартиру начальника отдельной части.

Огромный бульдогъ, съ громкимъ лаемъ, бросился ко мнѣ, но признавъ, видно, знакомую артиллерійскую форму, улегся, тихо бурча и поколачивая хвостомъ о землю.

Часовой сдѣлалъ на караулъ; но я ему махнулъ рукою, а онъ, взявъ тесакъ въ лѣвую руку, опять заходилъ у ящика.

Изъ кухни—особаго флигеля—неслись веселые, мужскіе и женскіе голоса: кто-то брячалъ на гитарь, припѣвая: «Ай что-ты, что-ты, д'ай гдѣ ты, гдѣ ты, д'вотъ какъ ты, какъ ты» и т. д.

— Подполковникъ ушли-съ на баксіонтъ. Такиими словами встрѣтилъ меня выбѣжавшій деньщикъ, живо отнявъ ото-рта трубку и закладывая ее, вмѣстѣ съ лѣвой рукою, за спину.

— Онъ скоро-съ будутъ ; столь уже накрыть-съ, прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на меня.

«Чтожъ это, однако, подумалъ я, онъ такъ утвердительно говоритъ о возвратъ своего господина, какъ-будто бы тотъ отправился на гулянье, въ совершенно безопасное мѣсто.»

По настоящему, удивляться здѣсь было не-

чему; все было дѣломъ привычки, о томъ, кто возвратился вчера, да позавчера, да третьяго дня, ужъ и не думалось какъ-то, чтобъ онъ не вернулся сегодня.

Я остался дожидаться прихода батарейнаго командира.

Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ; въ обѣихъ было по складной деревянной кровати, чисто, аккуратно поставленныхъ. Съ батарейнымъ командиромъ стоялъ на квартирѣ, по его приглашенію, старшій офицеръ въ батареѣ.

Убранство первой комнаты, принадлежавшей штабсъ-капитану, приспособлено было на походную ногу, изобличая стараго бывалаго служаку, любившаго однако нѣкоторый комфортъ и не пренебрегавшаго внѣшностью. Тутъ не было ничего излишняго; хоть сейчасъ забирайся на вьюки. Взглядъ мой съ удовольствіемъ останавливался и на коврикъ надъ кроватью, и на походныхъ вьюкахъ, удивительно прилаженныхъ и вмѣстительныхъ, и на красивомъ сѣдлѣ, съ приборомъ, положенномъ на спинку стула, и на прочихъ мелочахъ, симметрически разложенныхъ на столикѣ.

На обѣихъ подоконникахъ въ этой комнатѣ лежали осколки, иные въ $1/2$ пуда вѣсу даже,

расплюснутыя и сохранившіяся штуцерныя пули, различныхъ сортовъ: круглыя, цилиндрикоконическія, съ полушарнымъ дномъ коническія, съ однимъ и нѣсколькими наръзами, съ чашечками, со стерженькомъ и проч.; корпусъ и отвинченный восьми-гранный, темнаго обожженный хвостъ французской ракеты, и не разорвавшаяся ударная цилиндрико-коническая, тяжелаго калибра англійская бомба, выпущенная вѣроятно изъ ланкастерскаго орудія. Въ одномъ углу стоялъ огромный мѣшокъ подковъ для орудійныхъ лошадей.

Другая комната, помѣщеніе батарейнаго командира, казалась суровѣе первой и глядѣла не такъ уютно.

Книги бумагъ навалены были на окнахъ, на письменномъ столѣ, не было ничего галантерейнаго, кромѣ бомбовыхъ трубокъ разной величины, мѣдной пороховой мѣрки, для мортиръ и нѣкоторыхъ иныхъ принадлежностей артиллерійской лабораторіи.

Мебель вся была красивая, на пружинахъ.

Отъ нечего дѣлать, я все разсмотрѣлъ, и кромѣ того, прочелъ лежащій на столѣ печатный списокъ о наградахъ за Пикерманское сраженіе; изъ него я увидѣлъ, что почти все офицеры нашей батареи были кавалерами.

— Послать просить господь на обѣдъ, слышался въ сѣняхъ отрывистый, мужественный голосъ, вмѣстѣ съ топаньемъ и шарканьемъ ногъ, съ которыхъ обтирали грязь.

— Новый офицеръ ожидаетъ-съ вашего высокоблагородія, доложилъ ему деньщикъ.

— А, а, тѣмъ же тономъ замѣтилъ батаре́йный командиръ, входя уже въ комнаты.

Я всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

Командиръ мой былъ плотный и бодрый мужчина средняго роста, съ открытымъ, но вмѣстѣ строгимъ лицомъ: длинныя, русыя усы его, висѣвшіе книзу, придавали всемъ чертамъ его, до самой макушки, еще болѣе суровости; но голова его шла лысна. Солдатскаго сукна шинель съ георгиевскимъ крестомъ за 25 лѣтъ, и длинныя, какъ у всѣхъ, сапоги, довершали его костюмъ. Лѣвая рука висѣла на черномъ шелковомъ платкѣ, завязанномъ на воротникѣ.

— Балаандишь, трубку! крикнулъ онъ, выслушавъ меня.

— Садитесь, сказалъ онъ мнѣ потомъ, самъ помѣстясь на небольшой диванчикъ.—Вы когда пріѣхали?

— Вчера ночью.

— О васъ есть уже бумага; васъ перевели къ намъ, кажется, по собственному вашему

желанію? продолжалъ батарейный командиръ, закуривая поданную трубку, и смотря на меня.

— Да, отвѣчалъ я,—мнѣ захотѣлось побы-
вать въ дѣлѣ...

— А! прервалъ онъ меня,—то есть, отли-
читься? и онъ опять взглянулъ на меня, сквозь
окружающіе его клубы дыма.

Но въ это время замѣтилъ онъ своего фельд-
фсбеля, давно уже вытянувшагося у дверей
другой комнаты; рослаго бакенбардиста, съ
пряжкою орденовъ во всю грудь, и не дожи-
даясь моего отвѣта, сталъ отдавать различныя
приказанія.

Пришелъ и штабсъ-капитанъ, небольшой че-
ловѣчекъ довольно полный, съ большими чер-
ными бакенбардами, съ лихо выющпмся ры-
жеватыми отъ табачнаго дыма усами; и не-
большими, бѣгающими глазками.

Онъ обходительно познакомился со мною,
засыпалъ меня разговорами о Севастополь, и
весело улыбался, тѣшась надъ моимъ жаднымъ
вниманіемъ.

Объ этомъ штабсъ-капитанъ напечатано бы-
ло въ газетахъ, что, когда во время одного
сраженія съ Турками въ настоящую кампанію,—
перебило всю прислугу у одного орудія, онъ

самъ заряжалъ его, и самъ, собственноручно, стрѣлялъ въ непріятеля.

Вскорѣ послышался въ стѣнахъ сильный стукъ и топотъ, вслѣдъ за которымъ ввалились четыре челоуька артиллерійскихъ офицеровъ, настоящихъ моихъ товарищей.

Не прирывая разговора съ фельдфебелемъ, батарейный командиръ привѣтливо раскланялся съ ними.

Говоръ и шумъ пошелъ повсюду комнатамъ, Я сейчасъ же сошелся съ новыми товарищами; какъ это обыкновенно водится въ артиллеріи, гдѣ по небольшому числу офицеровъ въ батареяхъ, они всегда живутъ дружно — своей семьей.

У офицеровъ нашей батареи была одна общая квартира; съ первыхъ словъ они тотчасъ же пригласили меня къ себѣ, съ истиннымъ радушіемъ.

Сегодня жарко было на четвертомъ, сказалъ батарейный командиръ, покончивъ полную тарелку борща и утирая усы салфеткой, — на англійской батарее въ лошницѣ, противъ 4-го бастиона открылись еще три новыя амбразуры. Мы-такъ ихъ сбили, ну и затѣялась потѣха! прибавилъ онъ съ веселою улыбкою. (Видно было, что разговоръ объ артиллерійскихъ дѣ-

лахъ былъ его сферою.) Одна бомба, продолжалъ онъ,—лопнула на воздухъ, прямехонько надо мною. Я поприжался къ брустверу, а бѣднаго лейтенанта задѣла—такъ она въ руку!

— И изъ людей зацѣпила кого-нибудь? спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Двухъ матросовъ тяжело ранила, отвѣчалъ командиръ,—а одного положила на мѣсть, головы и теперь не сыскали.

Морозъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ; все же прочіе выслушали это хладнокровно, какъ обыкновенное происшествіе; а штабсъ-капитанъ даже что-то сострилъ, къ полному удовольствію батарейнаго командира.

— Чья очередь на бастіонъ? спросилъ послѣдній, обращаясь къ офицерамъ.

— Моя, отозвался одинъ молодой подпоручикъ.

— Смотрите же, будьте на сторожъ. Будетъ вылазка въ 11-мъ часу ночи, и какъ разъ съ вашего фаса. На ночь зарядите картечью; да возьмите еще однорогъ изъ четвертаго взвода; фейсверкерамъ держать огонь въ почникахъ. Раненыхъ, коли будутъ, отсылайте не медля, чтобъ скорѣе замѣнить убыль. Впрочемъ, я и самъ къ вамъ понавѣдаюсь.

— А по сколько зарядовъ картечи взять съ собою ?

— Полный комплектъ и съ запасными.

Восхитителенъ былъ для меня боевой разговоръ.—Онъ опять унесъ меня въ мiръ военной поэзіи.

Это не была та рѣчь, что въ мирное время: о шагистикѣ, ремешкахъ, да наступныхъ и отступныхъ порядкахъ.

«Вы заходите ко мнѣ завтра, часу въ восьмомъ утра;—пойдемъ вмѣстѣ на бастіоны» — сказалъ мнѣ батарейный командиръ , когда , послѣ обѣда, мы съ нимъ попрощались.

Офицерская наша квартира состояла изъ трехъ комнатъ: въ двухъ жили офицеры, въ третьей деньщики. Мебель была преразнообразная: рядомъ съ штофнымъ диваномъ, хотя и поиздержаннымъ , красовались деревянные простые табуреты , диванчики и даже кровати. — Все ставилось безъ разбора , все добывалось по мѣрѣ надобности изъ различныхъ мѣстъ.

Я захотѣлъ пройтись по Севастополю, и все товарищи вызвались сопутствовать.

Пройдя чрезъ бульваръ, на который вела съ нашего двора особая калитка, чтобъ не дѣлать лишняго обхода, спустились мы прямо на Ека-терининскую улицу, къ церкви.

Много замѣтилъ я домовъ, годившихся бы даже въ лучшую нстербургскую улицу.

Въ многочисленныхъ , различныхъ лавкахъ кипѣла полная торговая дѣятельность. Деньги, по собственному выраженію туземныхъ торговцевъ, «рукой загребали».

Лишь иногда влекомое вдоль улицы на бастионъ толною солдатъ и матросовъ тяжелое, крѣпостное орудіе, или проносимыя окровавленные посылки , да еще гулъ дальнихъ выстрѣловъ напоминали собою о суровой дѣйствительности.

При видѣ посылокъ , со стонущей въ нихъ жертвой , проходящія дамы восклицали , съ истиннымъ состраданіемъ:

«Ахъ, бѣдняжкѣй!» — «Господи , какъ онъ мучится!» «Бѣдняжка! — и какой молоденькѣй еще!» и слезы сожалѣнія невольно навертывались на глазахъ ; но , проносились посылки, и прежнее впечатлѣніе уступало мѣсто новому — не столь печальному.

Словомъ—въ это время , о которомъ я говорю , осажденный Севастополь еще рѣзко раздѣлялся на двѣ половины: совершенно мирную, съ тихими ея привычками, — и совершенно военную—грозно-боевую.

Иду на вылазку; на бастионъ; на работу въ

траншею? въ ложементы и т. д.,—говорилось такъ же равнодушно, какъ : отираюсь къ такому-то, на вечеръ; собираюсь въ карты поиграть, схожу въ кондитерскую и т. д.

Равно: раненъ, убитъ, контуженъ, произошло какъ: онъ боленъ лихорадкой; простудился немного, страдаетъ головою болью, насморкомъ.

Разительно выказывалось странное смѣшеніе жизни обыденной съ жизнью боевою и лагерною.

Странно, говорю, было видѣть людей, заботящихся о благахъ и удобствахъ жизни; дамъ дѣвицъ,—нарядныхъ, спокойно прогуливающихъ; дѣтей, бѣгающихъ и весело играющихъ въ войну рядомъ съ настоящей войною, въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ смерти, со всеми ея ужасами.

Голова моя просто шла кругомъ,—съ непривычки конечно, и я заключилъ, что лучше ужъ не умствовать много, — «не думать», — какъ выражаются военные, говоря про тяжелый мигъ опасности, — и забываться пока можно, въ коловратъ будничной, доступной еще пока намъ, севастопольцамъ, жизни.

Такъ оно и случилось. Особенно помню я, что передъ наступленіемъ вечера, зайдя въ кондитерскую весьма хорошо устроенную, я, самъ

не зная почему, на короткое время вообразилъ себя въ одной изъ столицъ , посреди полной тишины, можетъ быть, за одинъ день до развода, парада, отпуска и такъ далѣе.

А когда мы все пришли домой и, выпившись чаю, составили между собою партію ералаша, — минуты разсѣянности стали показываться чаще, и хотя я никогда не былъ страстнымъ игрокомъ, но на этотъ вечеръ, сидя за игрой, забылъ я даже, что нахожусь въ Севастополь.

Около полуночи неожиданно загрѣмѣли частые орудійные выстрѣлы, и полилась вмѣстѣ съ ними непрерывная трескотня ружейной пальбы. Я вскочилъ, полагая, что настала рѣшительная часъ для Севастополя.

«Вамъ ходить», замѣтилъ мнѣ мой партнеръ, не пошевельнувшійся съ мѣста, какъ и все прочіе.

«Это такъ только, — часто случается, — пустая тревога, вѣроятно;» пояснилъ онъ мнѣ, видя мое изумленіе.

И дѣйствительно, вскорѣ все угомонилось: живая перепалка, замѣнилась обычною, — рѣдкою, но постоянною пальбою, — той пальбой, къ какой, въ теченіе сутокъ, уши мои давно привыкли.

— Ну, что, подумалъ я, отправляясь къ

своему батарейному командиру утромъ , на другой день, въ назначенное имъ время,—что, ежели убьютъ меня сегодня же? вѣдь очень возможное дѣло. Почему-то мысль эта постоянно вертелась въ моей головѣ.

«Не успѣлъ оглядѣться,—думалось дальше,—не только что отличиться на гордость себѣ и старушкѣ матери,—какъ ужъ какой нибудь кусочекъ свинца сотретъ тебя съ лица земли и канешь ты въ вѣчность такъ, какъ бы и во все тебя не было. Никто о тебѣ не подумаетъ и фамилія твоя лишь окажется въ прибавившейся общей цифрѣ убитыхъ.»

Командиръ мой встрѣтилъ меня какъ вчера — радушно , но безо всякихъ краснорѣчивыхъ привѣтствій. Молча вышли мы изъ домика , и молча пошли рядомъ. Добравшись до половины «Морской» улицы, взяли мы направо, въ гору,—подъ самый бастионъ, и тутъ уже мнѣ пришлось нѣсколько разъ ступать по врывшемуся въ землю чугуну артиллерійскихъ снарядовъ.— Сюда залетали уже ядра и бомбы; здѣсь многіе дома были полуразрушены и необитаемы , развѣ квартировалъ въ домъ какой-нибудь военный человекъ, давно уже присмотрѣвшійся къ неожиданностямъ осады.

Далье и далье двигались мы, пробираясь на

пятый бастионъ, еще нѣсколько сажень и пули зажужжали на всѣ лады; нѣсколько ядеръ шлепнулось не вдалекѣ, воронкой разбросавъ брызги грязи, другія ядра съ визгомъ проносились направо и налево, должно быть очень въ недалекомъ отъ насъ разстояніи, потому что на меня пахнуло раза два какимъ-то легкимъ духомъ.—И надъ нами, въ воздухъ, совершалось что-то необыкновенное: слегка посвистывая, прокружилось надъ нашими головами нѣсколько бомбъ. Медленный и почти пріятный на видъ, полетъ ихъ, казалось, не сулилъ никакой опасности,—только по сторонамъ, послѣ ихъ паденія и взрыва, съ визгомъ и звономъ, урчали разлетавшіеся во всѣ стороны осколки или «черенки», какъ называютъ ихъ солдатики.

Я шелъ довольно бодро возлѣ батарейнаго командира; но сердце какъ-то невольно сжималось и сильнѣе билось, иногда даже до болезненной степени.

Почему-то всё мнѣ чудилось, что ядро или пуля сейчасъ ударитъ мнѣ прямо въ лицо,—а бомба въ то же самое время упадетъ на мою голову.

Силой воли старался я отгонять подобную слабость.

При близко пролетѣвшей пулѣ или ядрѣ, приходило на мысль: переменить направленіе,

взять немного въ сторону, или ускорить шагъ; но, черезъ мгновеніе, когда пуля или ядро пролетали, бомба же невредимо для насъ разрывалась въ отдаленіи, мнѣ вдругъ становилось веселье, — и опущенная голова вдругъ гордо подымалась.

Люди ходили здѣсь ускореннымъ шагомъ; но съ такимъ спокойнымъ выраженіемъ лица, что, кажется, всякое чувство страха и опасности должно было считаться чѣмъ-то неестественнымъ, фантастическимъ и неумѣстнымъ.

Мы проходили мимо многихъ орудій, молчавшихъ или выпускавшихъ зарядъ съ оглушительнымъ гуломъ, брустверовъ, траверзовъ, офицеровъ, землянокъ, погребковъ, солдатъ и матросовъ курящихъ, расхаживающихъ, занимающихся работами и даже играющихъ въ карты; казалось, ужасный хаосъ существовалъ на мѣстѣ бастіона; все понагромождено было безъ цѣли, въ грязи, и какъ-бы изъ прихоти стѣснено на самомъ небольшомъ пространствѣ.

Я не умѣю утаивать своихъ впечатлѣній и потому признаюсь откровенно, что во время прогулки по бастіону, теперь описываемой мною, былъ болѣе похожъ на неопытнаго туриста, озадаченнаго небывалымъ зрѣлищемъ,—

нежели на артиллериста, сколько-нибудь знакомого съ своей спеціальностью.

Все металось и путалось предъ моими глазами, я ничего не понималъ и не разобралъ, находясь словно подъ вліяніемъ лихорадочнаго пароксизма. Кровь била въ разгорѣвшуюся голову, о чемъ я думалъ — и самъ не помню, но я не слышалъ даже свиста различныхъ снарядовъ, летающихъ поминутно.

Мы обошли весь пятый бастионъ, побывали на Шварца редутъ (къ которому въ то время не было еще блиндированнаго хода), а потомъ, спустившись въ лоцину, пошли вдоль не высокой, каменной стѣнки, съ присыпанныю къ ней снизу землею. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насъ легко было замѣтить непріятелю; и дѣйствительно, штуцерныя пули скоро засвистѣли предъ самымъ моимъ носомъ. Не перемѣняя походки, прежнею мѣрною поступью, провелъ меня батарейный командиръ чрезъ это дѣйствительно опасное пространство. Совершенно не вдалекъ, саженьяхъ въ семьдесятъ отъ насъ, вспыхивали огоньки, съ вырывающимися въ слѣдъ бѣлыми клубами дыма — это и была ближняя непріятельская траншея, изъ которой теперь по насъ цѣлили, замѣтилъ батарейный командиръ, и потомъ прибавилъ: «Экъ ихъ строчать; да

только пуль кланяться не надо: она не любитъ этого. Да и толку тутъ нѣтъ: которой пули полетѣ слышишь—та, значить, давно уже позади. А пули или ядрá, которое въ васъ попасть захочетъ, вы и не услышите.» Тутъ подполковникъ усмѣхнулся, а у меня сердце опять сжалось.

Вообще, весь переходъ подъ штуцерными пулями показался мнѣ страшно длиненъ. «А на бастионѣ гораздо лучше», подумалъ я про себя, совѣстясь однако за свое сужденіе.

Мы вышли прямо на правый флангъ 4-го бастиона и остановились у одной мортирной батареи, устроенной немного позади переднихъ орудій.

Я успѣлъ осмотрѣться и водворить порядокъ въ своемъ наблюденіи. Брустверь, около котораго мы находились, былъ прорѣзанъ семью амбразурами, въ амбразуры же выглядывали два бомбовыхъ 3-хъ пудовыхъ орудія, одна морская 68-ми фунтовая карронада и четыре 36-ти фунтовыя пушки, наконецъ позади ихъ, какъ я выше упомянулъ, поставлена была мортирная батарея.

Все это, считая съ прислугой и прикрытіемъ, тѣсно мѣстилось между двумя огромными траверсами, на самой небольшой площадкѣ.

Офицеръ, взросшій на книгахъ и слѣпо слѣдующій правиламъ фортификаціи, ужаснулся бы отъ всего сердца, при видѣ такихъ узенькихъ мерлоновъ, такихъ причудливо-неправильныхъ фронтовъ укрѣпленій, устроенныхъ вдохновеніемъ Тотлебена, какъ бы на перекоръ всякой рутши, всѣмъ преданіямъ состарѣвшейся науки.

Бруствера росли и утолщались съ такой же прихотливостью: тамъ брошено было лишь нѣсколько туровъ, насыпанныхъ землею; въ другомъ мѣстѣ громоздились стѣны изъ бочекъ, деревянныхъ брусевъ, мѣшковъ съ землею, съ обшивкою изъ туровъ, фашишки, и такъ далѣе. Все строилось, все создавалось по мѣрѣ настоящей потребности, не для щегольства или симметріи, конечно.

На каждой батарее непременно былъ образъ, а иногда два или три, съ кисейнымъ или даже шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчей теплилось у каждаго, особенно по вечерамъ.

Морякъ-лейтенантъ, командиръ батареи, почтительно встрѣтилъ моего спутника. Какъ помощникъ начальника артиллеріи, нашъ подполковникъ имѣлъ вліяніе на бастіонахъ; да сверхъ того, каждому было невозможно не уважать его за истинное мужество и неутомимую дѣятельность, соединенную съ мастерскимъ зна-

ніемъ своего дѣла. Утромъ и вечеромъ постоянно ходилъ онъ на бастіонахъ, дѣльно и съ любовью хлопоталъ по своей части. И теперь, чтобы вывѣрить заряды на разныя дистанціи для пяти-пудовой мортиры, отдалъ онъ приказаніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ для пробы.

Съ радостью подскочила прислуга. «А вотъ пошлемъ ему гостничикъ», заговорили солдаты. Мигомъ дѣло сдѣлалось и пяти-пудовой гостиницецъ отправился къ неприятелю; за нимъ другой и третій. Комендоръ * выскочилъ на банкетъ и съ радостью, одушевившею суровыя черты лица его, вскрикнулъ оборотаясь къ намъ: «есть!»

— Въ первую канаву ** угодилъ, пояснилъ другой матросикъ, также смотрѣвшій, куда угодить *ему* бомба.

— Да, да, подтвердилъ лейтенантъ, въ подзорную трубу слѣдившій за наденіемъ снаряда.

Стоя возлѣ нихъ на банкетъ, приложившись глазами въ ружейную амбразуру, слѣдилъ я— не за полетомъ бомбъ: я глядѣлъ на пространство за брустверомъ нашимъ, занятое непріа-

* Такъ называютъ моряки орудійнаго фейерверкера.

** Траншею.

телемъ, — *имѣ*, какъ говорятъ солдаты: ни души тамъ не было видно, только взрыта была въ разныхъ направленіяхъ земля, да за версту почти высились валы осадныхъ батарей, откуда мелькали огоньки, застилаемые дымомъ; въ слѣдъ за симъ громко раздавалось у насъ «пу-шка!» или «мар-ке-ла!» оглашаемое дежурнымъ сигнальщикомъ на каждой батарее.

На пущенныя нами бомбы непріятель отвѣчалъ тремя ядрами, изъ которыхъ два врезались въ брустверъ, а одно, съ рикошета, вырвало двухъ людей изъ недалеко стоявшей кучки.

— Ишь, осерчалъ! замѣтило нѣсколько солдатъ оттуда же.

— Носилки! крикнули другіе, быстро, но безъ замѣшательства кидаясь къ упавшимъ товарищамъ. *Собрать* убитаго считалось на бастионахъ святымъ дѣломъ.

Сердце мое снова забило тревогу при видѣ крови и лицъ, обезображенныхъ страданіемъ; но волненіе мое уже не имѣло въ себѣ ничего невыносимо-тяжелаго, какъ при видѣ изуродованнаго егеря близъ дворянскаго собранія.

Осмотрѣвши весь 4-й бастионъ, вышли мы по направленію къ городу, съ лѣваго фаса.

Часа четыре уже бродили мы съ батареей-

нымъ командиромъ, подъ непрерывнымъ огнемъ. «Порядочное полевое дѣло выдержалъ я», подумалъ я не безъ некотораго самодовольствія.

Подъ 4-мъ бастіономъ, также, какъ и подъ 5-мъ, видны были женщины — все почти матроски, торговавшія разными съѣстными припасами.

Но торговали онѣ не изъ барышей, а для *Севастополицевъ*, по спламъ принося дань общему дѣлу, и объ ихъ посильной заслугѣ не слѣдуетъ забывать тому, кто хочетъ описывать событія знаменитой осады.

Въ Севастополь, между прочимъ, была даже одна батарея, называемая «Дамскою» (солдаты ее какъ-то иначе еще называли). Землю на эту батарею послали городскія женщины сами, въ корзинахъ, платкахъ и передникахъ.

Проходя по Театральной площади, батарейный командиръ едва успѣлъ сказать мнѣ: «А здѣсь опасно бываетъ...» какъ пуля сорвала мнѣ часть козырька у фуражки.

Я невольно приостановился и, должно быть, поблѣднѣлъ, потому-что батарейный командиръ посмотрѣлъ на меня улыбаясь, и остановился на минуту. Пули дѣйствительно визжали по-

минутно. Мнѣ казалось, что онѣ летали не поодиночкѣ, а какъ-будто роями.

Мы ускорили шагъ, но въ это время еще одна пуля, жалобно взвизгнувъ, пробила полушпнели у батарейнаго командира.

— Ничего, молодой человекъ, на первый разъ хорошо, смѣясь замѣтилъ онъ мнѣ; затѣмъ уже продолжалъ весело разговаривать до самой квартиры.

Когда мы вышли наконецъ изъ-подъ выстрѣловъ, мнѣ сдѣлалось невыразимо-весело. Каждая вещь, казалось, теперь иначе смотрѣла. Какая-то порывистая радость, какое-то чувство наслажденія жизнью заставили кровь мою обращаться скорѣе. Удивительно! думалъ я:— сколько разъ жужжали пули у самыхъ моихъ ушей; на нѣсколько линій только подайся я впередъ, или прими немного въ сторону, и все было бы кончено со мной!

Какія же въ-самомъ-дѣль могутъ быть разсужденія, умствованія, предосторожности? Пособятъ ли въ этомъ дѣль какія-нибудь заботы о самосохраненіи? Нѣтъ, мои товарищи правы: здѣсь именно не надо *думать*, а идти куда слѣдуетъ, съ довѣріемъ на Всемогущій Промысль, безъ котораго *не упадетъ и волосъ съ головы нашей!*

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ.

*

Первое дежурство на бастіонѣ. — Первая встрѣча съ непріятелемъ. — Новый годъ въ Севастополѣ. — Январь мѣсяцъ и Лейтенантъ Т*.

Черезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ моемъ въ Севастополь, прпшла и моя очередь отпраплять-ся на бастіонъ—на дежурство.

Какъ бы это выразпться! готоваясь идти на опасный постъ, подъ пули и ядра, я не оцущалъ особой робости — нѣтъ; но какое-то, не совсѣмъ однако веселое, весьма смутное и тревожное чувство, непріятно настроивало меня. Обыкновенная неохота идти въ должность, вставать до свѣта, — играла тутъ большую роль. Но она, какъ я увидѣлъ послѣ, сильна была лишь сначала, въ неохотѣ моеѣ сказывалось дѣйствіе разнѣженности — привычка къ совершенно-праздной жизни, съ мелкими ея веселостями и комфортомъ. Самое передвиженіе—и особенно подъемъ съ мѣста, тяготили меня болѣе, чѣмъ предстоящая опасность, о которой, признаться, я мало и думалъ.

Не совсемъ пріятно было оторваться отъ будничной, обыкновенной жизни, отъ отдыха послѣ дороги и отправляться, куда же еще? на бастионъ.

У товарищей по батарее нашелъ я нѣсколько книгъ и журналовъ, а такъ какъ я всегда любилъ чтеніе, то и не мудрено, что я послѣ дороги и первыхъ дней въ Севастополь, принялся за книги съ необычайнымъ удовольствіемъ. Въ эту ночь я не ложился спать, а сидѣлъ и читалъ съ великимъ усердіемъ, позабывши даже, что нахожусь въ осажденномъ городѣ.

— Взводъ готовъ-съ, ваше благородіе! громкимъ голосомъ доложилъ вошедшій въ комнату, дежурный по батарее, фейерверкеръ, вытянувшись въ струнку у дверей.

Дѣйствительность вмгъ предстала предо мною.

— Хорошо, сейчасъ буду, отвѣтилъ я, неохотно подымаясь съ мягкаго дивана и, вмѣсто удобнаго халата, надевая солдатскаго сукна шинель.

Прощаясь съ товарищами, я никакъ не могъ отогнать безпокойной мысли: что, можетъ быть, жму руку имъ въ послѣдній уже разъ. Досадно мнѣ было за это на самого себя.

Не смотря на обыкновенную и довольно будничную мою жизнь въ Севастополь, я совершенно успѣлъ свыкнуться съ мыслью, что пріѣхалъ сюда не для радостей и веселья.

— Что за вздоръ! что за малодушіе! думалъ я, стараясь вытѣснить неотвязчивую грусть; и вскочивъ въ сѣдло, поскакалъ въ паркъ батареи, на Николаевскую площадь. Взводъ собрался, словно на ученье; таже опрятность и точность фронта, таже спокойствіе и бодрость на лицахъ.

Я командовалъ, орудія тронулись; прислуга, снявъ фуражки, набожно начала креститься; невольно и я послѣдовалъ ихъ примѣру.

Уже совершенно смеркалось; полный мѣсяцъ давно плавалъ дозоромъ по небу, надъ враждебно-размежеваннымъ пространствомъ у Севастополя.

Море, окутанное мракомъ ночи, глухо плескалось справа. Далеко на немъ видѣлась линия огоньковъ на непріятельскомъ флотѣ. Глухо отдавались выстрѣлы въ влажномъ, сыромъ воздухѣ.

Артиллерійскій огонь былъ рѣдокъ, только по временамъ, въ темной вышинѣ, надъ бастіонами, свѣтящимися во мракъ звѣздами пролетали бомбы, то перекрещая полеты, то одна

одну нагоняя, оставляя за собою длинную огненную полосу, онъ взносились стрѣлой, потомъ плавно подымались до крайней высоты своего полета; гдѣ, на нѣсколько мгновений, будто задерживались, словно выбирая себѣ мѣсто паденія. Вслѣдъ за тѣмъ, едва замѣтно уклоняясь со стороны въ сторону, онъ опускались все быстрее, и быстрее, и наконецъ стремглавъ слетали на земь, и глазу было уже трудно слѣдить за ихъ паденіемъ.

Я вхалъ у головного орудія, закутавшись въ надѣтую сверхъ солдатской шинели, другую прежнюю, изъ такъ-называемаго, стро-нѣмецкаго форменнаго сукна.

Отъ скуки я завелъ разговоръ съ уноснымъ фейрверкеромъ, виднымъ изъ себя мужчиною, съ довольно облагороженною наружностью. Знакъ военнаго ордена и венгерская медаль красовались у него на груди.

— Что,—обратился я къ нему, съ первымъ пришедшимъ мнѣ на умъ вопросомъ,— жутко въ Севастополь, а?

— Никакъ-нѣтъ, ваше благородіе! словоохотно заговорилъ онъ: право слово, ничего. Какъ мы шли—сюда-съ, такъ и нивѣсть что наговорили, просто такіе страхи; а покамѣсть—благодареніе Господу! ничего-съ.

Мы оба помолчали немного, и фейерверкеръ онять началъ:

— По крайности, ваше благородіе, однимъ заобидно, что, пзволите видѣть, идемъ, примѣрно, теперича, и въ насъ знай жучать; а мы молчимъ. Да и на баксонъ—постоимъ, постоимъ, день, другой, да такъ и уйдемъ. Ничего не сдѣлали, гарматы одной не вышустимъ; а смотришь, либъ орудію подбили, либъ недо-считались кого изъ своихъ-съ. Э-эхъ! не изъ-за стѣнъ бы, ваше благородіе, стрѣлять-то нашему брату, полевому-съ.

— Да, машинально проговорилъ я, думая совершенно о другомъ.

Принявъ это за одобрителный отзывъ, собесѣдникъ мой крикнулъ и, покрутивъ усы, заключилъ такими словами:

— Сидятъ, вишь, въ землѣ, точно кротъ; носа не кажетъ. На штурму-съ, небось, не кшетсяя.

Мы подходили уже подъ пятый бастіонъ; пули чаще и чаще зажужжали намъ на встрѣчу.

И говорунъ фейерверкеръ мой, и весело балагурившіе солдатики снуствясь на тонъ ниже, стали какъ-бы посерьознѣе, изрѣдка лишь позволяя себѣ прибаутки, постоянно одинако-

выя, постоянно встречаемыя однимъ и тѣмъ же смѣхомъ, будто самая забавная новость.

Я нарочно изслѣдовалъ теперь себя, замѣчалъ за собою. Второй разъ приходилось мнѣ быть на бастионѣ.

Опасность понималъ я теперь сознательнѣе; не было уже, какъ въ первый разъ, какого-то увлеченія — страннаго тумана въ головѣ, соединеннаго съ невольнымъ, тревожнымъ любопытствомъ.

Отъ силы невѣдомыхъ, новыхъ ощущеній, смѣшаннаго страха и гордости, ужаса и самолюбія, кровь не кидалась мнѣ въ голову. Поззія войны и опасность трогали меня слабѣе.

Спокойно, съ яснымъ взглядомъ на свое положеніе, вѣхалъ я около взвода. Кто спорить! во сто кратъ пріятнѣе было бы находиться въ безопасномъ мѣстѣ; но я уже вѣрплъ себя, не допуская въ душу излишней тревоги, зная очень хорошо, что стумбю не уронить званіе русскаго офицера. И мысленно призвавъ на помощь Того, въ чьей власти все на свѣтѣ, я довольно успѣшно устранялъ въ себѣ даже незначительное внутреннее волненіе.

Взобравшись нѣсколько въ гору, взѣхали мы на 5 * бастионѣ, съ праваго фланга,

* Bastion centra!

и прошли на вторую, съ лѣваго фланга; батарею.

Снявшись съ передковъ, орудія помѣстили у траверза.

Переложивши заряды въ отведенный для насъ погребокъ, я отослалъ лошадей съ передками обратно къ батареѣ.

Въ то время, пока я управлялся, морякъ-офицеръ, командиръ батареи, подошелъ ко мнѣ и дружески пригласилъ къ себѣ, въ свою «кануру», какъ онъ выразился.

Это была небольшая ниша въ траверзѣ, ограждаемая отъ выстрѣловъ съ трехъ сторонъ и сверху самимъ траверзомъ. Четвертая сторона состояла изъ составленныхъ картечныхъ жестянокъ, поддоновъ и просто кусковъ плитняку, накиданныхъ наскоро.

Небольшая дверца, съ отверстіемъ въ ней, въ видѣ сердечка, была прилажена очень искусно. На доскахъ устроенная постель и небольшой столикъ возлѣ, занимали все пространство *кануры*; такъ что, войдя въ нее, непременно надо было садиться на постель.

Артиллерійская прислуга моя, не разъ бывавшая на бастіонѣ, размѣстилась по канурамъ у знакомыхъ матросовъ.

Черезъ нѣсколько времени пальба вдругъ

усилилась; чаще стали рваться бомбы, по всемъ направленіямъ, разметывая урчащіе осколки. Одна даже такъ близко отъ насъ лопнула, что горѣвшая на нашемъ столѣ свѣча потухла, и нѣсколько небольшихъ камней застучало по двери. Трое рядовыхъ уже выбыли изъ фронта нашей батареи, въ числѣ ихъ мой одинъ артиллеристъ — старый бомбардиръ. Небольшой осколокъ засѣлъ у него въ плечъ.

— Ничего, братъ Скрѣба, дастъ Богъ, скоро оправившись, сказалъ я, подойдя къ раненому, который самъ лежалъ въ носилки, хотя боль была сильная, и онъ весь похолодѣлъ отъ страданія.

— О-охъ, ваше благо-ро-діе! съ трудомъ заговорилъ онъ; Божья воля на все! многимъ и ва-амъ до-воль-ны. Ай, братцы! смерть тошно идти-тъ во шпи-таль; и горькія слезы, собственно отъ печали разлуки, заструились по его суровому лицу.

Русскій солдатъ, вообще, неохотно отправляется въ лазаретъ: при малѣйшей возможности, всегда предпочитая оставаться при своей части.

— Э!... да *пріятели* никакъ раскутились! замѣтилъ наконецъ мой хозяинъ—лейтенантъ, додѣлывая себѣ папирску и, закуривши ее,

вышелъ со мною на батарею, то-есть мы сдѣлали два шага впередъ отъ постели, на которой сидѣли все время.

— Послать комендора и прислугу къ бомбической! крикнулъ онъ.

«Есть», по старой морской привычкѣ отозвался комендоръ и нѣсколько человекъ мигомъ подбѣжали къ указанному орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью? спросилъ лейтенантъ.

— Бомбой, на *стропкѣ*! *

— А наведено куда?

— На верхнюю шести-пушечную.

— Ну, валяй!

Трехъ-пудовое бомбовое орудіе — чугунная машина въ 300 пудовъ слишкомъ, разомъ отпрыгнуло назадъ, съ тяжелымъ своимъ станкомъ **; клубы горячаго пороховаго дыма охватили и насъ, и прислугу, затѣмъ грянулъ ударъ, почти невыносимый для непривычнаго уха, и, въ одно время съ выстрѣломъ, что-то полетѣло съ нашей стороны, шипя и гудя по

* Т. е. съ веревочкой, чтобъ при случаѣ обратно достать бомбу изъ канала орудія.

** Зарядъ для 3-хъ пуд. бомб. пушки, подъ бомбу 16 фунтовъ пороха.

воздуху. И вслѣдъ за тѣмъ, отвѣтное ядро отъ него, сейчасъ же взвизгнуло и пронеслось надъ нашими головами.

— Вишь, злодѣй, въ долгу никогда не останется! заговорилъ лейтенантъ, бросая докуренную папироску и затаптывая ее ногой; непременно отвѣтитъ, и всегда двумя выстрѣлами на нашъ одинъ.

Дѣйствительно, опять раздался остерегающій возгласъ сигнальнаго, и граната, шурша своею горящею трубкою, ударилась въ гребень бруствера, прорикошетировала по траверзу, у котораго мы стояли, и отправилась въ городъ: *разрѣшатся*, какъ выразился кто-то изъ стоявшихъ въ нашей кучкѣ.

Изъ секрета дали знать, что у него въ траншеяхъ работаютъ.

— Болтута! слазалъ лейтенантъ комендору у мортиры, выпали * по ближней траншеѣ темной **, пали черезъ каждые $\frac{1}{4}$ часа, пока я не прикажу перестать; да послать на Бѣлкина люнетъ, попросить, чтобъ палили также, имъ будетъ и сручье.

* Вместо стрѣлять, моряки говорили—палили:

** Темной или холодной картечью, называемой такъ въ различіе отъ *светлой*, т. е. гранатной картечи.

Съ четвертаго бастіона послали въ это время, должно быть также по работамъ въ траншеяхъ два *капральства* *. Гранаты ** букетомъ свѣтлыхъ звѣздъ разсыпались надъ непріятельскою траншею; съ перекатнымъ трескомъ стали тамъ лопаться. Показалось ли мнѣ, или это такъ было въ самомъ дѣлѣ, — только слѣдомъ за паденіемъ снарядовъ, до насъ донесся крикъ непріятелей.

— Это самый губительный снарядъ для траншейныхъ рабочихъ, замѣтилъ мнѣ мой лейтенантъ.

— Что, Михайло Васильевичъ, потышаетесь? вдругъ раздался голосъ за нами. Это былъ командиръ первой отъ насъ батареи, на 4 бастіонѣ. А я къ вамъ въ гости, продолжалъ онъ: — напоите чаемъ, мой самоваръ разбила сегодня проклятая *лахматка*; *** донесаютъ злодѣи!

Всѣ мы трое вошли въ кануру и неминуемо усѣлись на постели.

У дверей привѣтливо пыхтѣлъ самоваръ, за-

* Такъ прозвали гранатную картечь.

** Въ пяти-пудовую мортиру кладется 24 6-ти фунт. граната, или 36 3-хъ фунт.

*** Такъ прозвали солдаты бомбу, пускаемую непріателемъ изъ гаубицъ.

тягивая пѣсню на разные тоны? трубу самовара замѣнялъ корпусъ французской ракеты... Напившись чаю, хозяинъ мой ушелъ съ гостемъ, предложивши мнѣ свою постель: я мало сплю, пояснилъ онъ.

Я поспѣшилъ принять радушное предложеніе и растянулся на постели, хотя и не чувствовалъ особенной сонливости. Мнѣ было ясно слышно какъ перекликались бастіоны говоромъ артиллерійскаго огня; какъ штуцерныя пули, рѣяли роями. Иногда, при нѣсколько усиливавшейся стрѣльбѣ, я вставалъ съ постели и подходилъ къ батарее. Прикрытіе наше: двѣ роты егерей, размѣстилось довольно покойно по банкетамъ батареи, матросы сидѣли у своихъ орудій. Никто почти не спалъ. Люди курили и разговаривали въ полъ-голоса. Пѣхотные офицеры постоянно обходили и повѣряли свои ряды. — Во рву, въ амбразурахъ, на наружной покатости бруствера, всюду дѣятельно работали и копали землю. Носилки требовались довольно рѣдко, хотя батарея была набита народомъ; можно сказать, что по укрѣпленіямъ все было тихо.

Мнѣ не хотѣлось спать и я очень обрадовался, когда увидалъ выглядывавшую изъ-подъ подушки книгу—одинъ изъ современныхъ жур-

наловъ. Офицеры севавтопольскаго гарнизона, особенно моряки и артиллеристы, читали много и слѣдили за новостями литературы. Въ городъ легко было достать все журналы и газеты.

Не долго однако продолжалось мое чтеніе. Въ исходъ 11 часа, поднялась противъ 4 ба- стіона сильная перепалка. Выстрѣлы, казалось, близились и къ намъ; я вышелъ на батарею.

Возлѣ дверей, на землѣ, сидѣла кучка матросовъ, изъ которой часто слышались сдерживаемый смѣхъ и энергическіе возгласы, отъ прорывавшагося наружу восторга. Одинъ матросикъ рассказывалъ сказку, слушатели помѣщались гдѣ могли, и многіе солдатки, сидя на банкетѣ, свѣшивались головами книзу, чтобъ лучше слушать.

— Такъ вотъ, братцы вы мои, Ярусланъ-то царевичъ, какъ поймаетъ ее за блу-руку, какъ учнетъ ее... тутъ голосъ рассказчика прервался, потому что я спросилъ:—подойдя къ кучкѣ: гдѣ идетъ пальба? сказочникъ быстро отвѣтилъ:—никакъ на четвертомъ, наши пошли къ нему на батарею; вылазка, значить;—прибавилъ онъ, будто желая говорить съ неопытнымъ прапорщикомъ какъ можно вразумительнѣе.

Я опять усеяся на постель и развернул свою книгу. Едва успелъ я прочесть нѣсколь-ко строкъ, какъ вдругъ раздася на батарее громкій вскрикъ: «къ орудіямъ!» — и съ послѣднимъ замправшимъ звукомъ сего, загремѣль, потрясши самую землю подъ ногами нашими, залгъ цѣлой батарее, съ ясно-разслышавшимся изъ-за гула и грома сего, пронзительнымъ свистомъ выпущенной картечи *.

Съ банкетовъ сгерея также открыли безирывный ружейный огонь, вскорѣ слившійся въ одинъ рѣзкій и довольно плавный стукъ, сходный съ трескомъ барабанной дроби.

Первымъ моимъ дѣломъ было броситься къ своимъ орудіямъ.

Прислуга моя, по распоряженію, предварительно отданному мною, на случай тревоги, вскатывала уже ихъ, по ашарелямъ, на указанные барбеты.

Мои орудіями усиливались нѣкоторыя слабыя части батареи. Стрѣлять намъ приходилось черезъ банкъ; и поэтому мы, конечно, подвергались гораздо большей опасности, чѣмъ

* Въ картечную жестянку, для 3-хъ пуд. бомб. пушки, помещается 280 пуль, среднимъ вѣсомъ почти полуфунтовыхъ.

моряки-артиллеристы, которые находились на самой батарее, притомъ еще и углубленной.

Все, что перелетало, несло прямо на насъ. Я позабылъ опасность и жадно выглядывалъ черезъ банкеть, надясь увидѣть ряды непріятеля, наступленіе, —однимъ словомъ нѣчто похожее на настоящій бой. Ничего не было замѣтно. И мы, и непріятель изъ траншеи перестрѣливались съ усердіемъ и все это была одна пустая тревога.

— Хороша иллюминація? куря напроску спросилъ меня лейтенантъ мой, указывая на безчисленные, поднимающіяся и опускающіяся, свѣтлыя точки бомбъ.—Да! прибавилъ онъ, — пригласилъ бы я сюда, на иллюминацію-то эту, кого-нибудь изъ столичныхъ молодцовъ, въ особенности разочарованныхъ.

— Скажите, что за причина тревоги? спросилъ я его.

— Наши хотѣли отрѣзать французскій секреть; а непріятель, вѣроятно, принялъ это за вылазку.

Молча простояли мы нѣсколько мгновений. Пальба видимо стихала; посоветовавшись съ лейтенантомъ, чтобъ не терять даромъ потерн, я приказалъ было уже скатывать орудія, какъ шальное продольное ядро ударило по го-

ловамъ двоихъ изъ моей прислуги, и скользнуло по тарелкѣ шестаго орудія, приплюснувши ее совершенно.

— Вотъ и вамъ прибыль, проговорилъ лейтенантъ.

Мы находились въ двухъ шагахъ отъ катастрофы.

Папшескимъ ужасомъ обдало меня, когда я почувствовалъ на себѣ брызги теплой крови. Я даже замѣтилъ, что и лейтенантъ какъ бы отшатнулся немного, и уперся рукой на правило орудія, у котораго мы стояли. Чрезвычайнымъ усиленіемъ воли, подавилъ я въ себѣ невольный ужасъ, и началъ ободрять своихъ артиллеристовъ. Но къ удивленію моему, я не замѣтилъ въ нихъ ни какой особенной перемены, лишь нѣкоторые перекрестились только, за упокой павшихъ сотоварищей. Съ непривычки, я такъ былъ восхищенъ ихъ мужествомъ, что сказалъ нѣсколько приветливыхъ словъ, по всей вѣроятности, не очень складныхъ, хотъ можно было поручиться, что они исходили отъ сердца. Потомъ я далъ старшему фейерверкеру денегъ на покупку вина всей командѣ, по смѣнѣ съ дежурства.

Къ утру перепалка укротилась, горячка прошла; по прежнему лѣниво заговорили бастіоны,

Съ ослабленіемъ огня мнѣ показалось (какъ послѣ перваго обхода бастіоновъ), что всякая опасность миновалась, чуть не на вѣчное время. Дремота одолевала меня,—нервы раздражаемые столько времени, не раздражались болѣе. Канура лейтенанта и его досчатая постель показались мнѣ армидинымъ ложемъ. Умирая отъ усталости, не думая о завтрашнемъ днѣ и даже о слѣдующей минутѣ, я заснулъ завиднымъ сномъ военнаго человѣка.

Утро прошло безъ приключеній. На другой день вечеромъ меня смѣнили; но не вся моя смѣна, прибывшая на бастіонъ въ такомъ бодромъ состояніи духа, возвращалась теперь къ батарее. Нѣсколькихъ храбрыхъ солдатъ мы недосчитывались.

По приходѣ съ бастіона, на слѣдующее утро, пришлось мнѣ видѣть плѣнныхъ непріятелей.

Это былъ *«первый непріятель»*, съ которымъ я стоялъ лицомъ къ лицу.

Съ удивительно-страннымъ чувствомъ смотрѣлъ я на плѣнныхъ; точно въ эту минуту находились теперь передо мною не подобные мнѣ люди, а какіе-то сверхъестественныя чудовища, персоны особливаго покроя.

Ни чуть не бывало! Французы и Англичане были тѣ же Французы и Англичане, какъ и въ

магазинахъ на Невскомъ проспектъ, но только въ военной одеждѣ.

Причиною же страннаго настроенія, съ которымъ я глядѣлъ на нихъ, были законы войны, налагающіе запретное состояніе, которое и окружаетъ для насъ все какою-то торжественностью.

Плѣнныхъ было пять человекъ: два Англичанина и трп Француза, изъ нихъ одинъ зуавъ—унтеръ-офицеръ; удивительно стройный мужчина, высокаго роста, съ красивыми русыми усами, небольшою французскою бородкою, дававшею лицу его особенное мужественное выраженіе. Красная феска съ толстою, синею кистью—чрезвычайно шла къ его мужественной фигурѣ. Стройный станъ охватывала синяя, суконная, распашная куртка, надѣтая сверхъ какого-то нагрудника также синяго; куртка эта была вышита въ некоторыхъ мѣстахъ красными шурками. Широкій, голубой поясъ стягивалъ талию. Алые широкіе турецкіе шаравары запрятывались въ особаго рода сандалін. Нога, у щиколотки, плотно обмотана была тонкимъ, кожанымъ ремнемъ; отъ чего, при слишкомъ широкомъ исподнемъ платьѣ, казалась чрезвычайно тонкою въ этомъ мѣстѣ. Глядя на зуава, я словно смотрѣлъ на человека, когда-

то со мной встрѣчавшагося; такъ приучили насъ къ этому роду войскъ французскія гравюры и иллюстрированныя изданія. Два прочихъ француза: одинъ пожплый, съ черною курчавою бородою и волосами съ просѣдью, а другой — почти мальчикъ, оба солдаты какого-то линейнаго полка, закутаны были въ широкіе, длинныя синіе плащи съ капшонами. У пожилаго капшонъ былъ наброшенъ на голову, отчего онъ смотрѣлъ какимъ-то капуциномъ.

Зуавъ и пожилой солдатъ линейнаго полка были угрюмы, глядѣли на насъ недружелюбно, неохотно отвѣчали на разспросы и даже ободрительныя выраженія русскихъ офицеровъ. Напротивъ того, мальчикъ-солдатъ смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и наивнымъ добродушіемъ, его видимо интересовали видъ непріятеля, ласковая рѣчь непріятельскихъ офицеровъ. Много воинственнаго придавала послѣднему красовавшаяся на его головѣ небольшая, красная шапочка, обшитая тонкимъ золотымъ галуномъ и заломленная напередъ, съ четвероугольнымъ козырькомъ, немного вздернутымъ кверху.

Англичане молодцы по росту, имѣли, впрочемъ, видъ настоящихъ откормленныхъ быковъ, тупо вокругъ озиравшихся; зуавъ, самъ чрезвычайно высокій, глядѣлъ дитятѣй въ сравне-

ни съ ними. Круглая, черная шапочка, котелкомъ, безъ козырька, съ мѣднымъ полковымъ номеромъ, странно мѣстилась на огромной, толстой головницѣ каждаго. Красныя куртки Англичанъ, разительно выказывали ихъ атлетическіе станы. Ручища каждаго, право, не вошла бы въ каналъ шести-фунтоваго орудія. Маленькіе наши пѣхотинцы—егеря глядѣли на нихъ очень внимательно, изрѣдка говоря между собою: «пшъ его вытянуло! головница-то, головница какая.»

У одного Англичанина, скулы порой судорожно двигались, и мнѣ все казалось, что онъ жеваль жвачку.

Я заговорилъ съ зуавомъ, и между прочимъ спросилъ: имѣеть ли онъ близкихъ родныхъ во Франціи. Что-то помѣшало нашему разговору, и такъ кончилась моя первая встрѣча, съ первыми непріятелями.»

Вотъ уже и канунъ новаго, пятьдесятъ пятаго года; послѣдній день бурнаго, для многихъ тяжелаго года!

Что сулитъ судьба Севастополю! много кровавыхъ дней; это вѣрно.

Много... но сколько? Точный конецъ, все-

же отрада! Но и онъ подъ непроницаемой пеленой будущаго. Долго ли придется намъ перестрѣливаться съ непріятелемъ, глядѣть на его медленное приближеніе, ронять на эту медленность и прямо глядѣть въ глаза смерти?

Да, правда! Кто примкнулъ къ рядамъ защитниковъ Севастополя, тотъ записалъ свою жизнь на жертвенникъ отечеству, и не властенъ уже рассчитывать на нее. Сохранить судьба—хорошо!

Нашъ старый годъ былъ законченъ счастливою вылазкою *, распространившей совершенное смятеніе у непріятели. Хотя все мы достаточно понимали, что отъ небольшой вылазки, болѣе или менѣе удачной, судьба осады зависѣть не можетъ, но не взирая на то, было весело слушать и говорить о ней наканунѣ новаго года.

Смѣшной, при этомъ выдался случай:

Наши солдатики захватили въ англійской траншеѣ какое-то существо, закутанное въ шерстяныя одѣяла, мычавшее и кусавшееся все время, пока его несли. Раскутавши эти, новаго рода, пеленки, наши солдаты не безъ удив-

* Подъ командою: подполковника Маркова и лейтенантовъ: Астахова и Бирюлева.

вленія увидали въ нихъ толстаго англичанна-оффцера. Бѣдняжка истинно проспалъ свою свободу, но вольно-жъ ему было устроить себѣ домашнюю постель передъ самымъ носомъ осажденныхъ?

Оффцеры нашей батареи захотѣли встрѣтить новый годъ какъ можно торжественнѣе. Все мы, сложившись, заказали у Томаса великолѣпный ужинъ, а потомъ, en masse, хотѣли пригласить къ себѣ нашего добраго, всеми любимаго командира. Къ сожалѣнію, онъ былъ отозванъ уже къ генералъ-маіору Тимофѣеву. Нѣсколько моряковъ и пѣхотныхъ оффцеровъ, коротко съ нами познакомившихся на батареяхъ, дополнили нашъ дружескій кружокъ. За *хозяйку*, какъ постоянно бывало въ подобныхъ случаяхъ, трудился одинъ нашъ подпоручикъ, очень молодой еще человекъ, но рано испытавшій особую немощь природы, чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ надѣлившей его лысной въ полъ-головы.

Много думъ завѣтныхъ тѣснилось на сердцѣ у каждаго, въ ожиданіи таинственнаго двѣнадцатаго часа.

Невольно мысль переносилась къ близкимъ сердцу, къ роднымъ и друзьямъ.

Но еще у всехъ была одна мысль — о загадочной будущности окруженнаго врагами го-

рода. Всякій изъ насъ хорошо зналъ, что въ эту минуту мысли всѣхъ, къ нему близкихъ, сосредоточились на немъ, и я зналъ, что теперь, передъ Новымъ Годомъ, вдали отъ меня, вспоминаютъ мою особу всѣ люди, любимые мною.

Около двѣнадцати часовъ я живо вообразилъ себя отсутствующую и плачущую обо мнѣ матушку, мысль, что она теперь возсылаетъ къ небу молитвы и о Севастополь, и о сынѣ, находящемся между севастопольцами—эта мысль не отходила отъ меня...

Пробилъ таинственный часъ полночи, кончился старый годъ. Улыбаясь и надѣясь, поздравляли мы другъ-друга съ Новымъ Годомъ, даже съ *новымъ счастьемъ*; но намъ бы шло скорѣе сказать: «съ новымъ горемъ,» потому что оно висѣло надъ нами даже въ эту самую минуту.

Поздравляя другъ-друга, каждый изъ насъ навѣрное думалъ: «придется-ли то дожидаться новаго года?» Другъ на друга посматривали мы, точно стараясь угадать тѣхъ, кому не было суждено дожидаться такого же вечера передъ первымъ январемъ, чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ!

Ужасная темень глядѣла въ наши окна; съ-

верный вѣтеръ бушевалъ по улицамъ, жалобно завывая въ трубъ нашей комнаты. Мелкій снѣгъ крутился и пзръдка стучалъ въ окна; слабо долетали до насъ рѣдкіе звуки отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Вся сцена имѣла въ себѣ что-то нерадостное, скорѣе зловѣщее, чѣмъ привѣтливое. Правда, бесѣда казалась довольно оживленною, — но только на время. Всѣмъ скоро захотѣлось спать и мы разошлись.

Я рано проснулся поутру.

Пасмуренъ и угрюмъ казался первый день Новаго года, вѣтромъ разносило падающій сильный снѣгъ.—Сѣрыя, мглицыя облака застилали небо, и гудящая даль Чернаго моря—грозише чернѣлась, перекатывая мрачныя свинцовыя волны.

Машинально вышелъ я на улицу и побрѣлъ по городу. — Былъ часъ десятый въ исходѣ. Унылое, похоронное пѣніе и музыка слышались въ отдаленіи, потомъ приблизились мнѣ на встрѣчу; поналась похоронная процессія, мимо меня пронесли два розовые гроба. Хороши двухъ недавно убитыхъ офицеровъ. Одинъ, еще мальчикъ, лишь нѣсколько дней успѣлъ пробыть въ Севастополь; другой покойникъ былъ пожилой человекъ, подполковникъ по

чину. Рѣдко когда ощущалъ я такую потребность молитвы, какъ въ эти минуты. Звонили уже къ достойной; я направился къ церкви. При первыхъ слышанныхъ звукахъ священнаго пѣнія, на душѣ просвѣтлѣло и мнѣ удалось помолиться такъ, какъ рѣдко молятся люди, не вѣдающіе тревогъ и опасности.

Январь начался большею частію пасмурными холодными днями. Обычная дѣятельность жизни и смерти кипѣла въ Севастополь. Цѣлыми толпами передавались къ намъ непріатели, страдавшіе отъ голоду и холоду. Нерѣдко попадались они съ отмороженными руками и ногами, вызывая на истинную жалость и сожалѣніе. Они голодали и холодали въ своихъ лагеряхъ, а между тѣмъ, за нѣсколько верстъ отъ нихъ — въ Балаклавѣ и Камышѣ — гнили громадныя склады всевозможныхъ запасовъ. Траншейныя работы замедлялись, стрѣльба шла вяло, — и эти признаки утомленія въ непріатель, — странное дѣло! — отразились на насъ, молодыхъ офицерахъ, довольно необыкновеннымъ образомъ. Намъ стало скучно. Опасность уменьшилась, жизнь пошла правильнѣе, — нервы менѣе возбуждались, разговоры стали дѣлаться однообразнѣе. Для главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, интересъ ея конечно все возвы-

шался и возвышался,—по мы, хористы и статисты, утомлялись днями отдыха.

Не скрою, что воспоминанія мои о времени протекшемъ до втораго бомбардированія города—и смутны и холодны. Много расстроиться о нихъ я не въ состояніи.

Въ Январь рѣшилась и участь корабельной стороны—*корабелки*, какъ вообще ее называли.

15 этого мѣсяца, прибылъ къ союзникамъ изъ Парржа генераль Ніэль, присланный самимъ Наполеономъ III, для обзора осадныхъ дѣйствій. По его предложенію, принять былъ Канроберомъ новый планъ осады; непріатели заключили: сосредоточить свои главныя дѣйствія противъ восточной части Севастополя, и Малахова кургана * въ особенности.

До этой поры главною мѣтою врага былъ 4 бастіонъ: *, противъ котораго на землю и подъ землю истощалъ онъ все средства осады и все усилія ума человеческого. Въ половинѣ января мѣсяца, наши минеры улышали непріательскія подземныя работы, въ 26 саженьяхъ впереди четвертаго бастіона, и самою собой разумется, уничтожили галлерей, ими открытыя.

* Bastion de la tour.

** Bastion du mâât.

Пріѣздъ Великихъ Князей оживилъ и занялъ Севастополь. Они жили въ небольшомъ каменномъ домикѣ, на Сѣверной сторонѣ—въ сѣверной балкѣ. Юные предводители Царственной Семьи русской не покидали своихъ вѣрныхъ воиновъ, на равнѣ раздѣляя съ ними все труды и опасности.

Однѣ вылазки съ нашей стороны шли своимъ чередомъ, доставляя предметъ для разсказовъ и сужденій. Смѣлыя предпріятія нашихъ удалцовъ повторялись безпрерывно; и только чрезъ нихъ отчасти разнообразилась монотонность осады, за это утомительное долгое время.

Въ одну изъ подобныхъ вылазокъ сильно былъ раненъ, хорошій нашъ знакомый, молодой лейтенантъ Т*. Товарищи его передали намъ все подробности происшествія. Т*, въ полномъ смыслѣ слова, храбрый, испытанный севастополецъ, съ самаго начала осады не покидалъ бастіона. Съ успѣхомъ участвовалъ уже онъ въ нѣсколькихъ вылазкахъ; но передъ послѣдней имѣлъ какое-то недоброе предчувствіе.—Боязнь смерти, до тѣхъ поръ незатрогивавшая ни разу его молодую, но закаленную душу, пришла ему на мысль съ особенной ясностью. Рокъ увлекалъ его и самъ же онъ напро-

сился на вылазку. Коротко знавшіе Т*, удивлялись внезапной его переменѣ, и самые невѣрующіе печально посматривали на него.

Его мужество всеѣмъ было извѣстно; тутъ не могло быть никакого сомнѣнія.—А между тѣмъ, предъ вылазкой, Т* былъ какъ бы потерянный; сдѣлался задумчивымъ, разсѣяннымъ. Нѣсколько разъ прощался онъ съ одними и тѣми же, забывалъ разныя вещи; не слушалъ того, что ему говорили, ходилъ какъ-будто въ туманѣ. Даже по выходе уже съ командою изъ бастіона, онъ позабылъ что-то взять съ собою и почти съ половины дороги вернулся за своею шашкою—широкій и тяжелый клинокъ которой, сдѣланный изъ косы, былъ остеръ, какъ бритва. Безъ этой шашки, по словамъ лейтенанта, онъ никогда не могъ идти въ дѣло.

Предчувствіе Т*, къ несчастію, вскорѣ оправдалось на немъ; и его, тяжело раненнаго въ грудь, принесли на плащахъ.

Первымъ бросился онъ въ непріятельскую траншею, и грудь съ грудью столкнулся, въ темнотѣ, съ высокимъ французскимъ офицеромъ, выросшимъ какъ бы изъ земли. Французъ въ упоръ выстрѣлилъ въ Т* изъ пистолета, заряженнаго двумя пулями.

Внѣ себя съ горячки, какъ бѣшеный, ки-

пулся Французъ на нашихъ солдатъ, съ разряженнымъ пистолетомъ; «ажно зубамъ закрепишь, разбойникъ», говорилъ намъ матросъ, находившійся при Г* за ассистента и первый передавшій все случившееся на вылазку. Француза схватили и вмѣстѣ съ Г* принесли на бастионъ.

Французъ бился и бѣшено рвался, кусая даже руки державшихъ его солдатъ. Нашлись вынужденнымъ бросить его на грязную землю и кто-то изъ матросовъ заблагоразсудилъ вылить ему на голову ведро воды, Французъ вскочилъ, какъ встрепанный.

— *Où, suis-je donc?*... спросилъ онъ, безсмысленно на всѣхъ озираясь.

— Вишь! дивится чему-то! замѣтилъ кто-то изъ солдатиковъ.

— Какъ не дивиться, изъ Францыи пріѣхалъ! замѣтилъ въ отвѣтъ кто-то изъ толпы матросовъ.

— Вы нашъ плѣнникъ, въжливо сказалъ плѣнному, подошедшій въ это время командиръ батареи, и взявши его за руку, повелъ въ свой блиндажъ, гдѣ лежалъ несчастный Г*, которому дѣлали необходимую первоначальную перевязку.

Французъ-офицеръ, былъ высокій, немного

сутуловатый, сухощавый мужчина, довольно ножилыхъ лѣтъ, съ лысною и рѣдкими волосами на вискахъ и затылкѣ.

Тоска и досада ясно выражались на его лицѣ, очень выразительномъ и прорѣзанномъ нѣсколькими морщинами.

При взглядѣ на раненаго, онъ какъ бы вдругъ вспомнилъ что-то, закрылъ глаза руками, вскрикнувъ громкимъ голосомъ: «ah! c'est horrible,—ah! je m'en souviens... ah, c'est l'officier russe!» и кинувшись къ лейтенанту, предался всѣмъ порывамъ страшнаго отчаянія.

Видя непритворную горестъ Француза, его стали увѣщать, говоря между прочимъ, что всему виною война, печальная необходимость ея законъ.

Но Французъ ничего не слушалъ, и взглядывая на раненаго отъ его руки Т*, грустно качалъ головою, приговаривая: «Dieu! que la guerre est une horrible chose!...» и по его щекамъ текли даже слезы. «Il pourrait être mon fils; j'en ai un, de son âge a peu près», повторилъ онъ разъ десять, указывая на Т*.

Всѣ были разстроены этою сценою и видомъ страданій Т*, дѣйствительно ужасныхъ.

Вылазка, впрочемъ, стояла названія «блестательной» и вполне достигла своей цѣли.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ.

Масляная. — Главныя дѣйствія за февраль. — Дѣло съ 11-го на 12-е февраля. — Библіотека. — Великій постъ и свѣтлые праздники. — Второе усиленное бомбардированіе. — Смерть нашего батарейнаго командира.

Настала и наша сѣверная масляная, — время разгульнаго веселья по всему раздолью матушки-Руси. Масляница и на насъ словно наложила обязанность веселиться на распашку, оставляя всѣ труды и занятія, и отстраняясь отъ всякаго рода заботъ. По возможности веселились и Севастопольцы, — блины забирались даже на бастіоны. Осколки изъ *черепковъ* переименовались даже на это веселое время въ *блины*; солдатики, пробираясь по землѣ, имп усьянной, говорили какому-нибудь рекруткѣ: «вотъ-те блиновъ напидали — подымай съ полу да и тѣшь на здоровье!»

Не зная еще этого, разъ я былъ удивленъ, когда на спросъ мой одного солдата: «чѣмъ раненъ?» тотъ отвѣтилъ: — блиномъ, ване благородіе.

Офицеры нашей батареи каждый день на масляной провали съ пѣхотными офицерами нашей дивизіи; жили мы съ ними очень дружно, и на службѣ и въ городѣ, сходясь какъ истинные пріятели.

Въ пѣхотѣ офицеры вообще любятъ хорошо попить и покушать, совершенно придерживаясь пословицы: «не красна изба углами, а красна пирогами»; у кого были средства, тотъ занимался хлѣбосольствомъ въ полномъ смыслѣ; артиллеристовъ же они всегда любили. Въ особенности же привязанъ былъ каждый полкъ къ своей батарее, какъ разделяющей съ нимъ и труды и славу, да и вообще сближенной съ ними не черезъ одну трудную минуту осады. Неприхотливость, умѣнье сживаться съ походной жизнью, наконецъ полное сознаніе цѣны покою, вотъ причины той удивительной способности пѣхотинцевъ, вмигъ, всюду, будто у себя дома, основываться. На бивуакъ ли, на постоянной ли квартирѣ, въ незадолго отнятомъ у непріятели лагерь или городѣ,—всюду сразу расположится онъ такъ, словно въкъ здѣсь стоялъ. У него все скоро поспѣетъ, у него все мигомъ устроится, и черезъ полчаса послѣ прихода на новое мѣсто, смотришь, ужь

какой-нибудь усатый Микатюкъ или Карнаухъ, состряпаль объѣдъ на славу.

И теперь, въ Севастополь, также какъ и всегда, радушіе пѣхотныхъ хлѣбосоловъ не понесло никакого измѣненія. Война не нанесла никакого ущерба гостепріимству. Положимъ, приглашаетъ насъ на блины, хотя капитанъ Г* полка, ротный командиръ перваго баталіона. Истинно обрадовавшись, нѣсколько разъ пожимая объ ваши руки, привѣтливо проговоритъ онъ свое обычное, чрезвычайно идущее къ его простому, открытому лицу :

— Здоровенько, здоровенько; наконецъ-то заглянули!

Послышатся при появленіи знакомыхъ артиллеристовъ, дружескіе вскрики присутствующихъ : *Артиллерія!* и пойдутъ привѣтствія. Наконецъ, кто-нибудь замѣтитъ, что: «артиллерія на лицо, такъ не мѣшало бы того,» — и къ дѣлу!... на что нѣсколько суетящійся хозяинъ добродушно отвѣтитъ : «одну минуточку! сейчасъ должны приспѣть блинчики». Еще нѣсколько разъ, самъ онъ, юнкеръ его роты, и еще кто-нибудь изъ молодыхъ офицеровъ, ему подсобляющихъ, юркнутъ промежъ тѣсной кучки гостей, кто съ бутылкою, кто съ тарелкою, и наконецъ появится торжественное

шествіе деньщика и вѣстовыхъ, съ разнообразною закускою и грудами дымящихся блиновъ. Угощенія подобнаго рода и бесѣды, ихъ сопровождающія, могли казаться однообразными, но за то они всегда были обильны веселостью. Однополчане хозяина, стоя и въ этомъ случаѣ за честь своего полка, все также непрерывно стараются угощать *гостей*, то-есть насъ—артиллеристовъ; а балагуръ и весельчакъ, штабсъ-капитанъ того же Т⁺ полка, подпывая гостю вина, процитируетъ извѣстный стихъ Грибоедова:

Ну вотъ великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина,
Ученость, вотъ чума....

и улыбаясь, дѣлаетъ удареніе на словъ «ученость», указывая при этомъ на такъ-называемый *ученый канти* нашего артиллерійскаго воротника.

Также гостепріимный хозяинъ, все угощая, хотя совершенно уже сытыхъ гостей, будетъ извиняться «въ скудости угощенія», съ тою только теперь разницею, что прибавитъ: «на осадномъ положеніи, господа, не взыщите», и потирая руки, лукаво улыбнется, вспомнивъ о едва уничтоженной, громадной закуске и грудяхъ блиновъ.

Но вотъ все поприбирается, раскладываются

столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и хозяйинъ, ловко разламывая въ одной рукѣ издѣліе Александровской Мануфактуры, приглашаетъ желающихъ,—по его выраженію: «гнуть карту»; а не то : «въ коммерческую», прибавляя, что не надо терять золотого времени, что въ девятомъ часу вечера, онъ долженъ будетъ идти съ ротою на бастіонъ.... Бастіонъ.... да ! и немного непріятное чувство воспоминанія , о забытой было дѣйствительности , опять приходитъ вамъ на мысль.

Также сытно , какъ на всей Руси , хотя по бивуачному, подъ пулями и ядрами, проводилъ Севастополь масляную.

Еще съ третьяго февраля дѣятельно принялись Французы за восточную часть Севастополя, взявъ на себя все по осаднымъ дѣйствіямъ съ этой стороны , кромъ одного третьяго бастіона, который предоставленъ былъ Англичанамъ, истощеннымъ въ числительной своей силѣ, пагубнымъ для нихъ, Инкерманскимъ сраженіемъ...

— Grand redan — pour la Grande Bretagne, приведу здѣсь слова, сказанныя мнѣ въ послѣдствіи, однимъ французскимъ офицеромъ.

Бѣдная, мирная Корабелка! и тебѣ предстоитъ страшная опасность бомбардированія. Уже ли подвергнется разрушенію и этотъ скромный

домикъ, съ своею уютною комнаткою, обитою голубыми обоями, съ покойною, хотя и простенькою мебелью, гдѣ часто, часто находили мы истинное радушіе и дружбу, гдѣ отдыхали и тѣломъ и душой; гдѣ за круглымъ чайнымъ столомъ, порой совершенно забывались и отъ рокота вокругъ гудящихъ выстрѣловъ, и отъ самой смерти, которая, быть можетъ, ждала насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ гостепріимнаго порога.

Въ противодѣйствіе новымъ затѣямъ врага, съ нашей стороны составили смѣлый и рѣшительный планъ, планъ почти небывалый въ лѣтонисяхъ какой бы то ни было старой или новой осады. Обороняющійся сталъ дѣйствовать наступательно!

Съ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, гораздо впередъ, повывдвинули новыя укрѣпленія. Первое изъ нихъ заложено въ ночи съ 9-го на 10-е февраля, на отлогости Санунъ-горы, образующей правый флангъ Киленъ-балки, и по имени полка, производившаго работы, названо Селенгинскимъ редутомъ. Еще впереди и, немного лѣвѣе, также соорудили потомъ Волынскій редуть. Изумленный непріятель пытался—было попрепятствовать намъ, и всякій разъ былъ отбрасываемъ назадъ съ большимъ урономъ.

Мѣстность отъ Малахова Кургана шла къ сторонѣ непріятеля понижаясь, до небольшого изволока, отъ котораго, опять возвышаясь, заканчивалась небольшимъ пригоркомъ *. Разстоянія было 290 сажень.

Этимъ-то пригоркомъ и намѣревались овладѣть Французы; но наши, предвидя все ихъ замысли, опять устроили здѣсь новое укрѣпленіе, назвашное Камчатскимъ люнетомъ, и заложеное съ 26-го на 27-е этого мѣсяца. Случайно довелось мнѣ быть зрителемъ дѣла, противъ перваго изъ этихъ укрѣпленій, начавшагося въ два часа ночи, съ 11-го на 12-е февраля.

Въ этотъ день, передъ вечеромъ, поѣхалъ я съ однимъ офицеромъ нашей батареи на корабельную сторону, и возвращаясь уже за полночь, встрѣтили на пристани знакомаго намъ лейтенанта съ парохода «Громоносець». По его приглашенію, мы поѣхали къ нему на пароходъ въ гости; тамъ подали ужинъ—мы все разговорились, и не замѣтно засидѣлись до ночи. Уже пробила не одна склянка, а мы все спдѣли и болтали: время было свободное, разставаться не хотѣлось, — а тотъ, кто бывалъ въ осажденномъ городѣ, вѣрно пойметъ всю

* Mamelon Vert.

пріятность нашего тихаго собранія. Внезапно, по направленію вновь возведеннаго редута, затрещалъ сильный ружейный огонь, и ясно долетѣло до насъ, по водѣ, русское ура, съ громкими непрерывными протяжными переливами.

Всѣ мы выбѣжали на палубу; нѣкоторые изъ числа экипажа взобрались на ванты. Въ полъ-оборота палъво, отлогость Сапунъ-горы, между Георгіевской и Килень-балкою, была опоясана огнями. Луна, привѣтно до-сихъ-поръ сіявшая на небѣ, какъ бы нарочно въ эти минуты закрылась тучами, «испугавшись кроваваго дѣла», какъ говорится въ романахъ.

Жадно глядѣли мы по направленію къ мѣсту боя, но надо признаться—больше слышали, чѣмъ видѣли.

Урывками стихала пальба, смѣняясь какою-то странною, мучительной тишиною. Казалось мнѣ, что иногда доносилось замиравшее эхостоновъ, командныхъ словъ, да ляскотня скрещивавшагося холоднаго оружія. Потомъ опять все заливалось частой дробью ружейной пальбы, похожей на стукъ града въ окна, и за ней снова опять гремѣли сердце возбуждающіе крики обвѣхъ бьющихся сторонъ, во время наступленія.

Мы все глядѣли, а уже нашъ пароходъ шп-

пѣлъ, ворочался, двигался. На палубѣ его люди хлопатали около огромныхъ орудій.

По данному сигналу, державшіеся подъ нарами, пароходы: Владиміръ, Херсонесъ и нашъ Громоносецъ, подлетѣли къ мѣсту боя, на картечный выстрѣлъ, и стали стрѣлять въ неприятеля. Пальба, какъ говорятъ, была до крайности удачна.

Я и не замѣтилъ, какъ все это сдѣлалось.

Мы все глядѣли (по-крайней-мѣрѣ я, оставшійся безъ дѣла). По мѣрѣ напряженія зрѣнія, предметы стали обозначаться яснѣе, да и разстояніе было теперь не велико.

Отъ сильнаго огня, порой совершенно все озарявшаго, можно было отличить массы сражавшихся. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по двѣ чернѣвшихся стѣны, напирали одна на другую, сталкивались, смѣшивались. Крѣпки каждой толпы, набѣгавшей впередъ, при каждомъ наступленіи, были полны энергіи,—но потомъ ослаблялись и покрывались наконецъ стонами и болѣзненными возгласами раненыхъ.

Французскій строй, своими синими мундирами, замѣтно отънялся отъ нашего, въ сѣрыхъ шинеляхъ. Видимо рѣдѣли тѣ стѣны, что казались чернѣе; колебались, сгущались, опять бросались; вслѣдъ затѣмъ, громче, сильнѣе

раздавалось русское ура-а-а-а!—отъ котораго, просто такъ и порывало вылавъ броситься къ мѣсту боя.

Съ удовольствіемъ разсказывали наши солдатики про это дѣло.

— Хоть разъ довелось потѣшиться, говорили одни; — перевѣдался съ *нимъ* на чистоту; прибавляли другіе. — Не все ему бить изъ-за угла, да изъ норъ, — подтверждали третьи разсказчики, послѣ боя.

У многихъ нашихъ было штыковыхъ ранъ до пятнадцати; не смотря на это, раненые смотрѣли бодро и весело. Нѣкоторые изъ нихъ сами приходили на перевязочный пунктъ. О Французахъ даже раненые отзывались съ нѣсколько комическимъ уваженіемъ.

— Молодець народъ драться; выражались иные солдатики: — да *великатны* оченно на штыки: царапаются только.

Дѣйствительно, раны отъ французскихъ штыковъ, которыя приходилось мнѣ видѣть, рѣдко имѣли опасный характеръ. Не могу сказать того же о ранахъ причиненныхъ нашими штыками.

На перемиряхъ и при уборкѣ тѣлъ послѣ штыковаго дѣла, Французы всегда жаловались на нашу манеру колоться штыкомъ. *C'est une abomination—c'est faire de la boucherie inutile,*

неразь повторяли они, глядя на ужасныя раны своихъ убитыхъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ было чрезвычайно странно смотрѣть на исковерканныя судорогами предсмертной агоніи—совершенно-искаженные лица людей, заколотыхъ штыками. Солдаты, убитые пулями, почти все лежали въ покойныхъ положеніяхъ, на ихъ лицахъ не выражалось особенныхъ страданій. Нечего и говорить о томъ, что сами раны были не такъ отвратительны, и крови около нихъ не было такъ много.

18-го числа уехали въ столицу высокіе гости изъ Севастополя; а чрезъ нѣсколько времени послѣ того долетѣла до насъ молва о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича.

Въ началѣ февраля прекратились дежурства нашей батареи на бастіонъ; и оттого намъ, офицерамъ, стало гораздо скучнѣе.

Погода по бѣльшой части стояла дурная, въ невольномъ бездѣйствіи нашемъ заключалось что-то томительное. Въ городѣ дѣлать было нечего, а ходить по укрѣпленіямъ «ради наблюдений» было бы весьма неловко, не имѣя на нихъ никакой определенной должности.

Однимъ изъ утѣшеній моихъ въ это доволь-

но тяжелое время , была севастопольская библиотека. Въ свободные часы , а ихъ теперь выпадало довольно часто, хаживалъ я туда.

Необыкновенно пріятно, даже обаятельно казалось мнѣ, послѣ разныхъ невзгодъ осаднаго положенія, перенестись вдругъ въ прекрасную залу, и сидя тамъ на покойномъ вольтеровскомъ креслѣ , слѣдить за своими и иностранными новостями, въ мірѣ политики и искусства. Тотъ не знаетъ всей цѣны подобному занятію, кто не бывалъ въ положеніи севастопольцевъ.

Изящное , трехъ-этажное зданіе библиотеки Черноморскаго флота находилось на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города , отстоящемъ на 135-ть футовъ отъ уровня моря.

По бокамъ парадной, мраморной лѣстницы, красовались на пьедесталахъ два огромные сфинкса.

Въ нишахъ нижняго этажа поставлены были двѣ статуи—Архимеда и Ксенофонта, вышнюю каждая въ 16-ть футовъ. Наверху зданія, на портикѣ, поддерживавшемся, съ параднаго входа, двумя іоническаго ордена колоннами, прежде стояло еще нѣсколько статуй , изъ бѣлаго каррарскаго мрамора , но во время осады они были сняты.

Чугунная, высокая рѣшетка окружала зданіе библиотеки, а возлѣ зданія находился неболь-

шой, хорошенькій садикъ, въ которомъ, съ первой весною, все разцвѣло и распустилось.

Парадный входъ былъ запертъ. Все ходили съ другаго, со двора. Фуражка и сабля непрерывно отдавались внизу швейцару.

Поднявшись вверхъ, по внутренней широкой лѣстницѣ, также мраморной, проходили въ небольшое отдѣленіе съ моделями разныхъ кораблей, вѣланными въ стѣну, и превосходными гравюрами морскихъ сраженій. Оттуда открывался ходъ въ огромную залу въ два свѣта, съ галлереею вокругъ, на чугунныхъ кронштейнахъ, съ чугунною же рѣшеткою.

На лѣво отъ входа въ эту залу стояла большая модель 120-ти пушечнаго корабля «Двадцать Апостоловъ». По стѣнамъ вокругъ, помѣщались большіе шкафы для книгъ изъ красного дерева. Прямо вела дверь въ другую залу, съ прекрасною кабинетною мебелью. Огромный столъ посрединѣ заваленъ былъ журналами : французскими , русскими , англійскими и нѣмецкими. По стѣнамъ висѣли все лучшія русскія ландкарты.

Непріятельскіе выстрѣлы не миновали этого великолѣпнаго зданія. Бомба, пробивши потолокъ въ первой залѣ, пролетѣла на $\frac{1}{4}$ аршина отъ модели корабля, разворотило нѣсколь-

ко квадратовъ паркета и разорвалась въ подвальному этажу. Отъ библіотеки на право, сейчасъ же шло мѣсто, обнесенное каменной оградой, гдѣ заложенъ храмъ во имя св. Владимира. Сюда, къ Лазареву и Корнилову, пріютили и Истомина, которому адмиралъ Нахимовъ уступилъ свое мѣсто.

О часахъ, проведенныхъ мною въ Севастопольской библіотекѣ, память во мнѣ сохранилась съ большою живостью. Трудно было придумать что-нибудь свѣжее, спасительнѣе этихъ періодовъ отдыха въ прохладныхъ залахъ библіотеки.

Наступили дни страстной недѣли и *многострадальный* Севастополь отбывалъ память страданій и крестной смерти Искупителя. Мнѣ безъ труда повѣрять, что подобной страстной недѣли я никогда не переживалъ,—и, безъ сомнѣнія, болѣе не увижу въ теченіе всей моей жизни. Непонятная торжественность нашего положенія сказывалась всякому, всякій молился и не мешалъ другимъ молиться. Простая, горячая набожность простыхъ солдатъ, благоговѣйная задумчивость начальниковъ, величавые обряды, совершаемые повсюду, при громѣ пушекъ и при свистѣ пуль—все это взятое вмѣстѣ, уносило душу въ области рѣдко ей до-

стушныя. Не забыть мнѣ никогда, наиримѣрь, тѣхъ высоко-умилительныхъ мгновений, когда со священнымъ пѣніемъ, подѣ вражескими выстрѣлами, нарочно иногда направляемыми въ нашу сторону, сановники и духовенство города выносили Плащаницу! — Въ ярко-освященномъ храмѣ и вокругъ него по всей улицѣ, множество молящихся съ зажженными свѣчами въ рукахъ, слушали божественное служеніе, дожидаясь радостнаго возглашенія: «Христосъ Воскресъ!» — Кто не молился съ жаромъ изъ числа всей толпы, окружавшей церковь, кто не помышлялъ о всемъ величій минуты, мною сейчасъ описанной?

Прямо изъ церкви, всѣ офицеры нашей батареи отправились съ добрымъ своимъ командиромъ разговляться къ нему на квартиру. Слѣдомъ за нами пришелъ и генералъ-майоръ Тимофѣевъ, давно подружившійся съ нашимъ подполковникомъ.

Всѣхъ насъ собралось теперь семеро; и кто могъ предвидѣть, что изъ этого числа семи человекъ, въ живыхъ останутся, къ будущимъ праздникамъ, только трое...

Даже первый день Свѣтлаго праздника не прошелъ спокойно для Севастополя. Мы давно знали, что около Святой Недѣли непріятель

*

готовился къ новому и страшному бомбардированію, давно уже принасяя громадныя средства.

Всѣ мы однако полагали, что хотя первые дни праздниковъ — «Великіе дни» — какъ говоритъ само ихъ названіе, пройдутъ по возможности покойно.

Ожиданія севастопольцевъ не сбылись однако ни въ одномъ, ни въ другомъ отношеніи. Общаго бомбардированія не было, но не было и покояствія. Пальба съ батареей осаждающаго шла безъ умолка, не дѣлая намъ особеннаго вреда, но раздражая почти каждого солдата, собиравшагося встрѣтить праздникъ по русски.

Посились у насъ слухи, что союзники, совѣщаясь вести огонь въ первые дни великаго праздника, насажали въ траншеи турокъ. Не знаю, справедливы ли были эти толки, но пальба дѣйствительно велась худо и нелѣпо.

Все это не помѣшало однако севастопольцамъ провести праздникъ съ обычной торжественностью и веселостью.

Женщины и дѣти, презирая опасность и явную смерть, шли на бастіоны подъ пулямъ, къ мужьямъ, отцамъ, братьямъ, сыновьямъ, похристоваться, снестъ освященной пас-

ли, и порадовать ихъ проблескомъ семейной жизни.

По долгу службы, пришлось мнѣ побывать въ этотъ день на третьемъ бастіонѣ, поутру, часу въ 11-мъ.

Все приняло праздничный видъ даже на бастіонахъ. Площадки усыпаны пескомъ, платформы пообтерли и почистили, станки немного подкрасили, люди приодѣлись въ лучшее платье; и право, кажется, позабыли, что находятся на бастіонѣ, не подъ обыкновенною случайностью смерти.

У одной мортиры толпилась густая кучка матросовъ и пѣхотныхъ солдатъ.

Я подошелъ къ нимъ посмотреть причину этого необыкновеннаго собранія, и невольно разсмѣялся.

Какой-то удалецъ раскрасилъ разряженную двухъ-пудовую бомбу въ родъ пасхальнаго яйца, а другіе готовилась послать этотъ оригинальный снарядъ неприятелю.

— Надо похристосоваться, — какже, нельзя. вотъ дружку и красное яичко, — замѣтилъ одинъ матросъ.

— Битка важная! — авось англичанъ лобъ-то подставить, — подхватилъ кто-то другой.

Не совсемъ ласково отвѣтили Англичане на

эту военную шутку, почти безвредную, если принять въ соображеніе, что крашенная бомба безъ разрывнаго заряда, не могла никого поразить осколками. Вскорь послѣ посланнаго нашими «краснаго яйца», прилетѣла на бастіонъ семи-пудовая бомба, наполненная разными гадостями, и вслѣдъ за нею съ подобною же начинкою, какой-то боченокъ.

Имѣя порученіе къ одному батарейному командиру, я зашелъ къ нему въ блиндажъ. Это была вырытая, подъ однимъ изъ траверзовъ, яма—почти въ сажень глубиною (считая съ вынутой частью траверза), шаговъ семь въ длину и нѣсколько менѣе въ ширину, раздѣленная земляною же стѣною, съ отверстіемъ въ ней для прохода, на два отдѣленія. Одно отдѣленіе назначалось для офицеровъ, а другое для матросовъ той батареи. Толстый накатникъ покрывалъ верхъ и поддерживалъ насыпь траверза. Входъ былъ общій, и спускаться надо было по двумъ доскамъ, съ прибитыми на нихъ поперечными брусками; эту лѣсенку солдаты также называли, по морскому: трапомъ.

Пробить подобный блиндажъ было почти невозможно самой тяжелой бомбой, но если двѣ бомбы большаго калибра, одна за другой, па-

дали въ одно и то же мѣсто поверхности, опасность отъ второй была большая. Оно не рѣдко и случалось, въ особенности за последнее жестокое бомбардированіе.

Въ спускающійся ходъ легко также могла спуститься бомба: что и случилось разъ даже съ описываемымъ мною теперь блиндажемъ. Осколки равно могли залетать отсюда, хотя рѣдко, *случайно*, какъ всегда говорится.

Полумракъ господствовалъ въ блиндажѣ даже днемъ; а потому свѣча горѣла тамъ постоянно.—Въ блиндажѣ, куда я вошелъ, зажжена была, въ офицерскомъ помѣщеніи, прекрасная карсельская лампа. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ «Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ», съ теплящейся серебряной лампадой.

Вдоль стѣнъ шли деревянныя прилавки, замѣнявшіе кровати. Два, три ковра и подушки, брошены были на нихъ. На небольшомъ столѣ, покрытомъ чистою, тонкою скатертью, стояла насхальная закуска. Все глядѣло, по возможности, опрятно въ этомъ земляномъ—боевомъ покоѣ.

На матросской половинѣ, посрединѣ, на столбахъ, утвержденныхъ концами въ полу и потолкъ, прилажены были двухъ-ярусные нары,

на которыхъ и теперь лежало нѣсколько матросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ забавлялись «въ носки»; кто-то пиллъ «камаринскую» на скрипицѣ,—а другой въ тоже время наигрывалъ на гармоникѣ: «по улицѣ...»

Отправляясь назадъ, мимоходомъ заглянулъ я изъ любопытства въ одну *курлыгу*, просте: фурлыгу. Такъ называли солдаты небольшую землянку, на двухъ—много на трехъ человекъ, и то тѣсно въ ней мѣстящихся. Курлыга состоитъ изъ небольшой ямы, съ навѣсомъ, прилаженнымъ изобрѣтательнымъ русскимъ умомъ. Нѣсколько вмѣстѣ сложенныхъ камней—*руб-ка*—по солдатскому выраженію, замѣняла печь.

Осколокъ рѣдко пробивалъ курлыгу; за то понавшая въ нее бомба, истинно погребала тамъ несчастныхъ обитателей, не успѣвшихъ остеречься.

Въ той курлыгѣ, куда я заглянулъ только, а не вошелъ, потому что какъ-то хитро, на четверенькахъ надо было туда вползать, одинъ солдатикъ, разваляся и задравши ноги къверху, читалъ по складамъ какую-то засаленную (сказать «замасленную», было-бы слишкомъ мягко); двое другихъ, сидя на корточкахъ и безсознательно смотря на тлѣющіе уголья, покуривали коротенькія трубочки—«нососвертки»,

иногда вздыхая, и часто поплеывая на сторону, какъ-то сквозь зубы, съ чрезвычайной ловкостью. Курившіе солдатки, казалось, слушали чтеніе съ необычайнымъ вниманіемъ.

Нужно было имѣть крѣчайшіе и вмѣстѣ привычные нервы, чтобъ высидѣть самое короткое время въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ, въ синемъ дымѣ «махорки» и угара отъ тлѣющихъ сырыхъ дровецъ.

Вечеромъ собрались къ намъ кой-кто изъ знакомыхъ намъ офицеровъ, и между прочимъ капитанъ Т* полка, — такъ радушно угостившій всехъ насъ блинами на масляной.

Голова его была повязана.

— Что это съ вами, капитанъ? почти въ одинъ голосъ спросили мы его, съ истиннымъ участіемъ.

— Пустое! небрежно отвѣтилъ онъ, — осколочкомъ немного задѣло (а на самомъ дѣлѣ, порядочно-таки пристукнуло — какъ рассказали его товарищи); — да и какъ разъ въ тотъ вечеръ — помните! послѣ моихъ блиновъ. Я ужъ насильно вырвался изъ лазарета; скучно стало! — А что-же, карту сломимъ? заключилъ онъ.

Долго засидѣлись мы, — и легли спать уже въ третьемъ часу утра, съ пріятною мыслію:

поспать по-крайней-мѣрѣ до полдня. Но предположенія наши не совсѣмъ удались, какъ сейчасъ увидитъ читатель.

Въ пять часовъ утра, заревѣло со всѣхъ концовъ новое, истинно адское бомбардированіе. Страшный свистъ, трескъ, гулъ, грохотъ раздались надъ самой нашей крышей и подняли всѣхъ насъ на ноги.

Ошеломленные деньщики наши бросились будить насъ.

Не совсѣмъ еще освобождаясь отъ сладкаго сна, свивавшаго такія светлыя, радужныя мечты и образы,—смутно угадывая дѣйствительность, лежалъ я еще съ полузакрытыми глазами.

Деньщикъ мой, полагая, что я все-таки сплю, изо всѣхъ силъ, сталъ тормошить меня за ноги, суетливо крича надъ самыми ушами:

— Бандировка, ваше благородіе! надъ самымъ домомъ ракеты лопаются.

Всѣ мы вскочили и побѣжали къ окошкамъ.

Даже въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Густой туманъ, смѣшанный съ неразсѣвавшимися отъ сырости клубами пороховаго ды-

ма, застилалъ непроницаемой мглой всю окрестность.

Зловще и тускло мелькали огоньки по всемъ направленіямъ семиверстнаго пространства укрѣпленій, опоясавшихъ Севастополь; въ воздухѣ стоялъ оглушающій, ревущій гулъ канонады, прерываемый иногда взрывомъ пороховыхъ погребовъ. Слушая этотъ бѣсовскій концертъ, я испыталъ подобное неловкое чувство, какъ въ день моего перваго обхода по бастионамъ. Служба моя начиналась въ самомъ дѣлѣ: все что я испыталъ и видѣлъ до этой поры — было лишь приготовленіемъ. Война во всемъ ея ужасѣ наконецъ глянула мнѣ въ лицо.

Наскоро одѣвшись, отправились мы въ паркъ къ своей батарее, въ трепетномъ, невольномъ ожиданіи чего-то заставляющаго сильнѣе биться сердце.

Бѣздовые съ орудійными и офицерскими лошадьми также прискакали сюда. Въ конюшню къ нимъ, на Морской улицѣ, уже залетѣли двѣ бомбы и ракета, въ особенности перенугавшая лошадей, своимъ шумнымъ полетомъ.

Къ счастью, большая часть лошадей въ это время была на утренней выводкѣ.

Жители толпами сбѣгались къ единственно-

му теперь у́бъжищу: Николаевской батарее, съдѣлавшейся теперь истиннымъ городомъ.

Забравшись въ безопасный пріютъ, когда первое впечатлѣніе ужаса поотлегло, мужчины, женщины, дѣти — усынали галлерей казармы, наслаждаясь грознымъ, но почти безопаснымъ теперь для нихъ зрѣлищемъ.

Цѣлыя драмы и комедіи разыгрывались между жителями. Какія разнообразныя группы видѣлись повсюду!

Вотъ передо мной трогательная сцена, въ родѣ той, что изображена въ послѣднемъ днѣ Помпеи у Брюлова.

Большаго старика-отца, принесли на рукахъ сынъ и дочь, безтрусенно пробрались они чрезъ грозное пространство,—но теперь, при концѣ подвига—силы оставили молодыхъ людей, они сами словно больны и едва держатся на ногахъ. За ними, безвредно припелася и старушка-мать. Кое-какъ вся семья помѣстилась въ углу въ корридоръ у казеннаго ящика съ бомбами.

Какія-то молодыя дѣвицы, довольно нарядно одѣтыя (неужели и теперь, въ это утро, взглянули опъ лишній разъ въ зеркало!!), оперлись на перила галлерей и, уже уснувши освоитья съ своимъ положеніемъ, беззаботно пе-

рекидываются любезностями съ кавалерами изъ военныхъ.

Въ сторонѣ отъ дѣвиць—трое русскихъ купцовъ, вѣрно завязіе гости, разговариваютъ между собою, почти шепотомъ, — крестятся иногда при близкомъ разрывѣ бомбы. Господи! Господи! Пресвятая Богородица! слышится изъ ихъ круга. «Хуже ада кромьшнаго!» прибавляетъ одинъ изъ нихъ, и въ эти минуты, далеко отъ нихъ главная цѣль ихъ пріезда, то-есть надежда на барышъ и выгодный сбытъ своихъ товаровъ.

По улицамъ безпрестанно проносятся посылки, — начальство проходитъ озабоченными спѣшными шагами, адъютанты суетятся, запоздавшіе офицеры бѣгутъ къ своимъ частямъ, вездѣ скачутъ ординарцы и адъютанты.

По площади и предъ казармой суета; и суета непонятная непривычному глазу. Тамъ скачутъ конные офицеры, тамъ передвигаются отряды солдатъ; двигаются повозки и фуры съ водой, турами, снарядами, со всеми разнообразными предметами, потребными для бастионовъ.

Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей, все сливается въ одинъ непрерывный гулъ, котораго описать невоз-

можно словомъ человѣческимъ. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ—тягостное ожиданіе на сердцѣ!

— Дивизионъ 2-й легкой на 4-й бастионъ, на правый флангъ! во весь голосъ, съ усиленіемъ, закричалъ нашему батарейному командиру прикакавшій ординарецъ отъ начальника артиллеріи. Подполковникъ, давно уже стоявшій на своемъ мѣстѣ, тотчасъ же распорядился.

— Отправитесь вы и вы, угрюмо сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ и къ поручику нашей батареи.

— 2-й дивизионъ! запрягай!.. скомандовалъ поручикъ.

— Осмотрѣть заряды! зажечь фитили, — прибавили мы оба, подходя къ орудіямъ.

Въ это время шлепнулось, у самыхъ нашихъ ногъ, ядро брошенное съ Сапунъ-горы, съ элевационнаго станка. Эти ядра * привыкли мы отличать, по ихъ равномерному, какъ-то стонущему полету. Грязь и мелкіе камешки закидали насъ будто изъ-подъ копытъ скачущей тройки.

Въ пять минутъ орудія были уже на передкахъ, съ выстроившейся по сторонамъ прислугою.

* Подобное ядро презвали жеребцомъ.

— Съ Богомъ! сказалъ батареиный командиръ, пожимая руки мнѣ и поручику. Я къ вамъ уже прїѣду! добавилъ онъ, будто жалвя отпустить насъ безъ себя. «До свиданья» прибавилъ онъ, ласково махнувъ рукою.

Дождь все не переставалъ, онъ билъ насъ справа и слева, лился къ намъ на голову, какъ изъ ведра. Въ самое короткое время все мы были промочены до послѣдней нитки, до костей, какъ говорится.

Нашъ дивизионъ ѣхалъ молча. *За грохотомъ* выстрѣловъ почти не было слышно какъ катились по камнямъ наши орудія. Туманъ, стоявшій на сушѣ и на морѣ, еще болѣе сгустился. Дождь, туманъ и пороховой дымъ задержали горизонтъ какъ занавѣсью. Только по приближеніи къ морю, можно было, по чернотѣ угадать дымъ военныхъ пароходовъ, застилавшій пространство надъ сильно разбурлившимся моремъ.

Мы знали, что громадный союзный флотъ строился противъ севастопольской бухты, болѣе ничего на счетъ флота мы не знали, — а видѣть его было нельзя. Казалось мнѣ, что вотъ, сію минуту, эта траурная занавѣсь прорѣжется безчисленными огнями, что изъ-за нея сейчасъ полетитъ множество огромнѣйшихъ бомбъ

и ядеръ. Флотъ однакоже, за сильнымъ волненіемъ, все время оставался въ бездѣйствіи, не покидая своего боеваго расположенія во все дни бомбардированія.

Едва успѣли мы повернуть за уголъ Морской улицы, какъ прилетѣвшая съ Херсонеса ракета, шумя, точно пароходъ, проѣхавшійся по воздуху, произзала выносъ восьмага орудія, высоко вскинувъ растерзаннаго вздоваго и страшно исковеркавъ лошадей, отъ которыхъ осталась лишь одна, смѣшанная съ грязью, безобразная кровяная масса.

Истинно непонятно, какъ добрались мы до четвертаго бастіона, какъ не были мы совершенно уничтожены на половинѣ дороги тучами чугуна и свинца, летящаго по всемъ направленіямъ.

Надъ нами, у ногъ, позади, спереди, направо и налево взвизгивали ядра, лопались бомбы, широко раскидывая осколки; шумя и фыркавая, пролетали огромныя конгревовы ракеты. Какъ заколдованные, прошли мы чрезъ нѣсколько опаснѣйшихъ мѣстъ, не испытавши особенно значительной потери. Ни какая фантастическая сказка не можетъ дать понятія объ ужасѣ описаннаго мной переѣзда, во мракъ, въ дыму и оглушающемъ шумѣ.

Даже лошади, вполне понимая всю близость опасности, фыркали и жались другъ къ дружкѣ, притупляя уши и по временамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Артиллеристы иногда шутили, перебрасывались другъ съ другомъ своими обычными замѣтками, но въ шутливости ихъ, если позволено будетъ такъ выразиться, видна была своего рода рутинна. Солдатикъ всегда не прочь поговорить, отпустить шуточку, сто разъ повторенную и всѣмъ извѣстную — засмѣяться при такой шуткѣ всякій слушатель считаетъ своимъ долгомъ. Такъ и теперь люди наши порой смѣялись, но смѣялись какъ-то машинально, по давно принятой привычкѣ. Впрочемъ, давно извѣстно, что разговоръ, какой бы онъ ни былъ, всегда отвлекаетъ умъ отъ тяжелыхъ помысловъ.

Наконецъ мы добрались до цѣли. Я почти не узналъ моей знакомой батареи. Грустная перемена съ нею продолжалась теперь въ моихъ глазахъ.

На площадку ея, гдѣ было столько народу, вещей, снарядовъ и всякихъ военныхъ предметовъ, безпрестанно падали бомбы и ядра, порой зацѣплявшія то человѣка, то какое-нибудь орудіе. Другіе неприятельскіе снаряды, били въ

брустверь , врывались въ амбразуры , визжа , свистя и шипя , пронизывая укрыленіе по разнымъ направлєніямъ .

Валь , отъ врѣзывавшихся въ него ядеръ , отъ зарывавшихся въ него гранатъ и бомбъ , страшно разворачивающихъ землю , осыпался безобразной грудой земли и камней , дробныхъ порой на мелкіе кусочки . Орудія — машины , изъ которыхъ установка каждаго занимала почти суточное время спѣшной работы , однимъ ударомъ , въ одну мгновеніе , приводились въ негодность . Щеки амбразуръ часто загорались , и тогда кто-нибудь изъ солдатъ и матросовъ , — иногда и офицеръ , перекрестившись , тотчасъ же бралъ мокрую швабру и влѣзалъ въ амбразуру , истинно засыпаемую снарядами . Не одинъ изъ подобныхъ смѣльчаковъ жизнью платилъ за мужественное дѣло , но на мѣсто убитаго всегда находился новый охотникъ . Люди , съ готовностью цѣлыми партіями кидались въ ту сторону , гдѣ отъ непріятельскаго огня повреждалось орудіе . Подъ пулями и ядрами шла непрерывная работа . Запасныя орудія были подготовлены заранѣе , а потому подбиваемыя перемѣнялись съ возможной скоростью .

Здѣсь не *задумывались* о смерти , да и некогда было , — гораздо умнѣе и короче казалось

всѣмъ; глядѣть ей прямо въ глаза , во всемъ
остальномъ положась на волю Божию.

При мнѣ, за короткое время, на батарее произошло множество случаевъ геройскаго безстрастiя,—никѣмъ не рассказанныхъ по причинѣ изобилiя въ самомъ героизмѣ. Одно ядро взвизгнуло неподалеку отъ меня , пролетѣвши чрезъ самую средину одной амбразуры ; здоровый, красивый матросъ , наводившiй орудiе, съ улыбкою что-то причитывавшiй къ будущему своему выстрѣлу, незамѣтно осѣлъ, съежился, согнулся—и медленно рухнулъ наземь; ядро снесло ему верхъ головы. Рядомъ стоявшiй товарищъ, быстро сорвавши съ себя шапку , поспѣшилъ нахлобучить ее на убитаго ; и молча, покойно замѣнилъ его мѣсто. Стоя на опаснѣйшемъ посту, на мѣстѣ, забрызганномъ кровью своего предшественника , онъ хладнокровно наводилъ орудiе, держась правой рукой за подъемный винтъ и командуя прочей прислугъ: влѣво , немного вправо , чуточку еще влѣво и т. п. Ни минуты не было потеряно, и отвѣтныи выстрѣлы загремѣли своимъ чередомъ.

Далѣе, вправо, семи-пудовая бомба упала на пороховой погребъ, разворотила насыпь ; другiя бомбы дождемъ посыпались по тому же

направленію , по кучка рабочихъ , вмнѣ подскочившая за матросомъ, надсмотрщикомъ погребѣ , засыпала воронку , не торопясь и не смущаясь.

Время шло очень скоро, да оно и не могло идти медленно. Въ полдень пришелъ къ намъ нашъ батарейный командиръ. Прежняя утренняя угрюмость его сгладилась ; но все-таки онъ смотрѣлъ суровѣе обыкновеннаго. Мы съ поручикомъ быстро вышли къ нему на встречу: въ подобныя минуты такъ радостно видѣть любимаго начальника! «Что, какъ у васъ?» обратился подполковникъ къ поручику и ко мнѣ. «Пока ничего, одно колесо разбито; трое людей ранено, одного на поваль убило.» — Вашему дивизиону счастье, замѣтилъ кто-то изъ пѣхотныхъ офицеровъ. Батарейный командиръ покрутилъ свой правый усъ , что означало у него тяжелое раздумье; и попрощавшись съ нами, пошелъ далѣе.

Черезъ часъ послѣ нашего свиданія, дошелъ до насъ слухъ о томъ , что нашъ командиръ, тяжело раненъ. Сперва мы не повѣрили слуху, но онъ въ скорости подтвердился.

При возвращеніи съ бастіона, почти у самой квартиры, осколокъ высоко разорвавшейся бом-

бы перебилъ ему руку и контузилъ въ животъ.

Горести, поразившей меня при этомъ извѣстїи, я описывать не въ силахъ. Всякій солдатъ нашей батареи горячо любилъ подполковника, имя его сто разъ повторялось при разсказѣ о блистательнѣйшихъ подвигахъ,

Онъ былъ честенъ и прямъ по сердцу, наружная суровость не вредила въ немъ ни начальнику, ни товарищу.

Переговоривши съ моимъ поручикомъ, кинулся я навѣстить раненаго. «Нѣтъ надежды», сказалъ мнѣ встрѣтившійся медикъ, «кншкн парализованы при контузиі!»

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several lines of a document or report.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several lines of a document or report.

Конецъ бомбардированія.—Похороны нашего батареинаго командира. — Сороконожка. — Боевой салютъ.— Главнйй характеръ непріятельскихъ дѣйствій въ апрѣлѣ — Посѣщеніе минныхъ галлерей.—Весна въ Севастополѣ.—Бульваръ и непріятельскія ракеты.—Исторія основанія Севастополя—Сборъ пуль.—Перевязочный пунктъ Благороднаго Собранія.—Новый батареиный командиръ.—Мой знакомый П*.

Восемь дней продолжалась самая усиленная канонада и бомбардированіе, вѣрно названное—адскимъ. Въ особенности 30-го марта огонь непріятеля былъ спленъ. Иногда до 30000 снарядовъ бросалъ непріятель въ сутки. Отъ 7000 до 8400 пудовъ пороху издерживалось съ обѣихъ сторонъ ежедневно, не включая сюда ружейныхъ зарядовъ, которыхъ мы выпускали въ сутки до 1650000; непріятель же, вѣроятно, гораздо болѣе.

Съ 5-го апрѣля огонь непріятеля сталъ видимо стихать и къ 9-му постепенно перешелъ въ обыкновенный.

Предприимчивая подобное бомбардированіе — «страшный судъ въ большомъ видѣ» (*en grand*) — по выраженію непріятелей, они, конечно, рассчитывали на рѣшительныя мѣры. Дѣйствуя своими орудіями, какъ демонтиръ-батареями, союзники намѣревались сбить нашу артиллерію — и броситься наконецъ на штурмъ.

Это бомбардированіе — бойня, въ полномъ смыслѣ слова, — не принесло непріятелю какихъ особенныхъ результатовъ; но ясно выказало, чего можетъ ожидать Севастополь отъ своихъ враговъ, властвующихъ средствами всѣхъ портовъ Англіи, Франціи и Турціи.

Яснѣе также поняли теперь союзники геройскій духъ защитниковъ Севастополя, и, съ тѣмъ всю трудность осуществленія дальнѣйшихъ своихъ замысловъ.

Въ отдельныхъ эпизодахъ я, передъ этимъ, сдѣлалъ послѣное описаніе бомбардированія.

Въ добавокъ, ко всемъ ужасамъ его, представьте себѣ, что цѣлыя сраженія давались за это время у твердынь Севастополя, гдѣ цѣлыя толпы бились на смерть, оспаривая каждый шагъ дорогаго клочка земли, гдѣ сходились они, лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, на штыки и сабли; и смерть отъ холоднаго

оружія присоединялась къ ревущей и рвущей смерти отъ свинца и чугуна.

Непріятель дѣйствовалъ большею частью разрывными снарядами, даже прицѣльно. Частый вертикальный огонь, поддержанный ровнымъ, какъ дробь, огнемъ пушекъ, былъ чрезвычайно губителенъ какъ для гарнизона, такъ и для земляныхъ укрѣпленій Севастополя. Впрочемъ къ утру, за ночь, все поврежденія предъидущаго дня постоянно исправлялись. — Иногда порядочной кучкѣ рабочихъ приходилось скопиться въ какой нибудь сильно поврежденной амбразурѣ, и вдругъ, эту почти сплошную массу живаго тѣла пронизывала граната или ядро, кровавымъ слѣдомъ запечатлѣвая свой губительный полѣтъ.

Большаго труда стоила установка орудій, въ особенности тяжелыхъ калибровъ. Сначала нужно было устанавливать подъемную машину, и осторожно, съ осмотрительностью, подымать и накладывать на лафетъ, чугунную машину; въ подмогу прислугѣ, созывалась иногда большая часть прикрытія батарей; и все-таки случалось, что работа продолжалась съ ранняго вечера, какъ только смеркалось, вплоть до утра.

Въ это время бомбардированія, большее вниманіе непріятеля обращено было на четвертый

бастіонъ—постоянную мѣту Капробера,—и на наши контръ-апрошіные верки: редуты Селенгинскій, Волинскій * и, въ особенности, *Камчатскій* монетъ, какъ сильно выдавшійся къ врагу.

Помнится, за нѣсколько времени до этого бомбардированія, было объявлено въ одной англійской газетѣ, что снарядами, назначаемымъ для него, можно бы выкласть всю площадь земли, которую занимаетъ Севастополь; что готовящееся бомбардированіе *сбръетъ* Севастополь. Словомъ, Англичане выпустили *утку*; но многіе, кажется, повѣрили ей.

Въ послѣдствіи, въ оправданіе своей неудачи, союзники всю вину сложили на дурную погоду и дождь, разъигравшій въ этомъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ, роль мороза 12-го года.

Слободки Артиллерійская и Корабельная, какъ самыя приближенныя къ бастіонамъ, сильно пострадали; развалины ихъ, съ торчавшими голыми трубами, съ садиками и дворами, на которыхъ ни души не было видно, представляли въ лунную ночь что-то фантастическое.

Ураганъ разрушенія проникъ и до половины

* Редуты Селенгинскій и Волинскій назывались у Французовъ: *ouvrages Blancs*.

Екатерининской улицы. Вообще остальная часть города, къ северу, пострадала менѣе. Какъ бы то ни было, прежняя торговая и обыденная дѣятельность не уменьшились; на улицахъ еще можно было встрѣтить порядочныхъ дамъ и дѣтей; что же касается до шляпокъ средней руки и скромныхъ платковъ, то они видѣлись въ изобиліи.

Многихъ изъ своихъ храбрыхъ героевъ—защитниковъ лишился Севастополь въ это бомбардированіе; многимъ отвели вѣчно, покойное помѣщеніе въ одномъ изъ быстро-разроставшихся кварталовъ северной стороны.

Докторъ былъ правъ: мы должны были лишиться нашего добраго батарейнаго командира и скоро отдали послѣднюю, прощальную почесть Николаю Ивановичу Розенталю.

Послѣдній день онъ былъ въ забытьи;—лишь за нѣсколько минутъ до смерти пришелъ въ себя и спокойнымъ голосомъ проговорилъ: «звать господь.» Исновдался онъ и приобщился Св. Тайнъ еще наканунѣ.

Какъ ни торопились мы на зовъ, предчувствуя, что то былъ послѣдній призывъ командира, однакоже уже не застали его въ живыхъ—передъ нами лежалъ холодвющій трупъ.

Мы все очерעדовались у постели больного;

но на этотъ разъ случилось объденное время и при подполковникѣ не было даже очереднаго.

Мы всегда любили и уважали Николая Ивановича; но въ минуту смерти, на рубежъ вѣчной разлуки, чувства эти проснулись сильнѣе... Мысль, что у него есть жена, малютка дочь, что одна теперь вдовница, другая сирота, что онъ, какъ все люди, живутъ надеждой—снова увидеть его.... мысль эта погружала насъ еще въ большее уныніе и намъ оставалось утѣшаться лишь тѣмъ, что командиръ нашъ умеръ честно и храбро.

Непріятель, не довольсвуясь бомбардированіемъ съ сухаго пути и между тѣмъ, боясь ввести въ дѣло флотъ (будучи разъ уже проученъ, въ бомбардированіе 5-го октября), придумалъ средство, не много, впрочемъ, приносящее ему чести. Обыкновенно, въ глухую, темную ночь, держась отъ нашихъ береговыхъ батарей не ближе, какъ на 1000 сажений, непріятельскій параводъ-фрегатъ, какъ тать, торпливо давалъ по залпу съ обѣихъ бортовъ и тотчасъ же улепетывалъ назадъ, видъ нашихъ выстрѣловъ. При этихъ условіяхъ, конечно, не могло быть вѣрности въ стрѣльбѣ и снаряды эго большею частью падали въ бухту.

Наши цѣлили по огню, и наконецъ выстрѣ-

лы съ Константиновской батарееи задѣли его. Говорятъ также, что въ тороняхъ, непріятельскій фрегатъ цѣлымъ залпомъ угостилъ, вмѣсто нашего 10-го №, свою Херсонесскую батарею.

Ночной боязливый набѣгъ этого парохода-фрегата — *сороканошки* какъ прозвали его, приносилъ болѣе стыда врагу, нежели дѣлалъ вреда намъ.

Съ бульвара былъ прекрасный видъ, когда въ темную-темную ночь, фрегатъ разомъ пу-скалъ нѣсколько бомбъ. Гудящая, мрачная, бездонная даль надъ моремъ, прорѣзывалась вдругъ широкой, огнистой полосой, выбрасывавшей изъ себя нѣсколько огненныхъ шаровъ, свѣтлымъ букетомъ, быстро направлявших-ся къ городу, и доносился наконецъ по водѣ глухой, перекаточный грохотъ залпа цѣлымъ бортомъ.

17-го, въ день рожденія Государя Императора, Севастополь прогремѣлъ многолѣтне Его Величеству и всему царственному дому по своему: 101 боевымъ салютаціоннымъ выстрѣломъ.

Красивый видъ представлялъ въ этотъ день нашъ черноморскій флотъ, разукрасившійся безчисленными флагами и вымпелами.

По показаніямъ пльншихъ и перебъжчиковъ, у союзниковъ, между главнокомандующими : Канроберомъ и лордомъ Рагланомъ, произошла разладъ. Слѣдствіемъ этого было то, что первый сложилъ съ себя начальствованіе. Преемникомъ его назначенъ былъ маршалъ Пелисье, совершенно противоположный своимъ крутымъ, энергическимъ характеромъ—Канроберу, методическому и осторожному. И дѣйствительно, Пелисье выказался съ первыхъ же шаговъ.

Непріятель теперь видимо сталъ дѣйствовать предирѣчивѣе и рѣшительнѣе. Съ его стороны часто стали производиться мѣстныя канонады и бомбардированія. Упорнѣе началъ онъ вести свои подступы, и рѣшился на крайнія мѣры сопротивленія, по выводу нами новыхъ контръ-апрошей.

Я давно уже собирался побывать въ нашихъ минныхъ галлерейхъ, чтобы вблизи посмотрѣть нашу борьбу съ непріателемъ подъ землею, борьбу столь славную для насъ, въ которой мы постоянно имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ врагомъ. Лучшее тому доказательство то, что непріятель ни въ *одномъ* мѣстѣ не подкопался подъ наши бастіоны, ни одной батареей не подорвалъ у насъ, всюду останавливаемый, всюду предупреждаемый нами. Пелисье до того

былъ взбѣшенъ подобными неудачами своихъ минеровъ, что въ случаѣ новаго неуспѣха грозилъ разстрѣлять капитана, завѣдывавшаго минными работами противъ 4-го бастіона. Капитанъ этотъ передался къ намъ.

Улучивъ время, я нарочно пошелъ на Шварца редуть, гдѣ саперный офицеръ былъ мнѣ знакомый. Съ нимъ я отправился въ севавтопольское подземное царство. Прямо съ редута спустились мы, приблизительно по восемнадцати ступенькамъ, въ потерну, тянущуюся на протяженіи семнадцати сажени, до самаго эскарпа, въ который она и выходила. Насупротивъ, въ контръ-эскарпъ, начиналась галлерей не такъ уже просторная, фута въ $4\frac{1}{2}$ высоты; тутъ съ трудомъ могли идти два человека рядомъ.

Дневной свѣтъ мерцалъ слабѣе, мы погружались все болѣе и болѣе во мглу, насъ обдало могильною сыростью... Съ непривычки, я едва могъ различать предметы, не смотря на то, что здѣсь горѣли, не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, стеариновыя свѣчи, вставленныя въ особаго рода шандалы, воткнутыя въ земляную стѣну. Подаваясь впередъ, надо было идти уже припагнувшись, потому что галлерей, углубляясь впередъ, постепенно понижалась, и наконецъ достигла только трехъ футовъ высо-

ты. Отъ дневнаго свѣта насъ отдѣлялъ пластъ земли въ восемнадцать футовъ.

Я почувствовалъ нѣкоторое головокруженіе. Гробовая тѣснота, мракъ и сырость непонятной тяжестью давили грудь, возбуждая какую-то тревожную тоску. Чтобы пройти въ нижнюю галлерію, намъ нужно было опуститься еще на тридцать девять футовъ. Сорокъ ступенекъ вели туда. Пластъ известковаго камня шелъ до самой вершины галлерей, откуда начинался уже пластъ желтой глины.

Даже привычнымъ людямъ трудно было дышать. Вентиляторы непрерывно очищали воздухъ, который сильно портился отъ человѣческаго дыханія и горѣнія свѣчей. Время отъ времени вспрыскивали известковымъ молокомъ или окуривали хлоромъ. Свѣчи не могли здѣсь иначе горѣть, какъ наклонно. Во многихъ мѣстахъ просачивалась подъ ногами вода.

Я не могъ въ этомъ мѣстѣ оставаться долго, и послѣшилъ подняться въ первую галлерію; тамъ все-таки было не такъ тяжело. Мнѣ непременно хотѣлось добраться до головы работъ; а потому и вышелъ я въ ровъ, немного подышать свѣжимъ воздухомъ. Черезъ нѣсколько минутъ я опять отправился въ подземное путешествіе, пробираясь, подъ конецъ, на четве-

ренькахъ. Я попалъ, какъ разъ, на интересную минуту: слышно было, какъ работалъ непріятель.

Наши прошли галлереей на 25 саженой.

Непріятель слышался съ лѣвой стороны. Я приложился ухомъ къ одной изъ пробурованныхъ въ лѣвой стѣнѣ слуховыхъ дыръ, и едва-едва различилъ отдаленный, довольно слабый глухой гулъ. Саперы же отличали въ немъ даже стукъ инструментовъ и находили, что непріятель долженъ быть въ 7—8 саженьяхъ, не далье.

Новость положенія, неопредѣленный свѣтъ, спертый воздухъ, все это сильно дѣйствовало на воображеніе: порой казалось мнѣ, что я уже не выйду изъ этого землянаго гроба.... Признаюсь, въ первыя мгновенія, при вѣсти о заслышанныхъ работахъ непріятели, мнѣ стало жутко. «Нѣтъ, думалъ я: лучше получить двадцать пуль на бастионѣ, чѣмъ быть погребеннымъ за живо здѣсь подъ землей.»

Мысль эта промелькнула мгновенно, осмотрѣвшись и одумавшись, я ободрился и скоро былъ увлеченъ любопытствомъ.

При мнѣ вѣрно было приостановить наши работы и выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій врага, чтобъ дать ему потомъ камуфлетъ.

Передъ непріятелемъ мы имѣли теперь важное преимущество—самое главное въ подземной войнѣ: мы были ниже его.

Необыкновенно пріятное ощущение испытывашь, оставляя эти тѣсныя, могильныя подземелья; когда, добравшись до выхода, вдохнешь свѣжую струю неспорченного воздуха, когда глазъ, который не могъ примириться съ неопредѣленнымъ полу-мерцаніемъ и между тѣмъ уже успѣлъ отвыкнуть нѣсколько отъ нормального свѣта, снова увидить этотъ мягкій, ласкающій свѣтъ дня, — о, какая тяжесть спадетъ съ сердца, съ какимъ восторгомъ глубоко потянешь этотъ воздухъ грудью, съ какою жадностью начнешь всматриваться во все окружающіе предметы!

Комната офицера находилась въ потертѣ. Это просто была ниша, почти въ сажень высоты, шаговъ семь въ длину и немного меньше въ ширину, вся обшитая досками.

Надъ чисто поставленной складной железной кроватью, развѣшенъ былъ по стѣнѣ прекрасный коверъ. У складнаго столика стояло довольно изящное вольтеровское кресло, которое какъ-то странно смотритъ при такой обстановкѣ и въ такомъ исключительномъ мѣстѣ. У изголовья висѣла этажерка, полная книгъ.

На небольшомъ выступѣ, въ углу, помещалось все хозяйство: маленькій складной самоваръ, нѣсколько стакановъ и шкатулка съ чаемъ и сахаромъ. Двѣ стеариновыя свѣчи, горѣвшія постоянно, и днемъ, и ночью, довольно удовлетворительно освѣщали эту подземную квартиру. Хозяинъ ея, саперный офицеръ — мой спутникъ, угостилъ меня рюмкой отличнаго вина, не лишняго для меня теперь, послѣ непривычнаго вдыханія испорченнаго, подземельнаго воздуха.

Черезъ нѣсколько дней приходился день именинъ этого офицера и я получилъ приглашеніе на пирогъ, который хозяинъ хотѣлъ разделить съ гостями и запить шампанскимъ непременно въ своемъ подземельѣ.

Съ 27-го по 30-е апрѣля, непрерывно шелъ дождь, истинно благотворный. Южная весна принарядила своимъ убранствомъ даже Севастополь, кой-гдѣ зазеленѣвшій и разцвѣтшій. Екатерининская улица стала чѣмъ-то въ родъ натурального бульвара. Кромѣ деревьевъ, насаженныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по сторонамъ тротуара, — на нее выходили небольшіе садики, обнесенные палисадниками. Портики и колонны, балконы и навѣсы обвивались зеленою ползучихъ лозъ винограда и плюща. Перенко-

вые и абрикосовыя деревья, виноградъ и роскошные южныя цвѣты — все зазеленѣло, разцвѣло и заблагоухало.

Подъ четвертымъ бастіономъ, у конца Екатерининской улицы, по лѣвой ея сторонѣ, возлѣ полуразрушеннаго двухъ-этажнаго каменнаго домика, раскидывался по небольшому склону, порядочный садикъ; проходя мимо, нельзя было не замѣтить его. Не смотря на настоящее запустѣніе и разрушеніе, все въ немъ было такъ хорошо и уютно; такъ увлекательно мангла спрень и пахучая акація, подъ свою роскошную, свѣжую, благоуханную сѣнь.

И странно было здѣсь, предъ обновляющеюся, полной жизнью, природою испытывать страхъ смерти, ежеминутно напоминающей о себѣ, благодаря близкому сосѣдству бастіона.

Съ весною, невольно повѣяло на Севастополь живительной отрадой, стало привольнѣй и веселѣе. Самый рокоть выстрѣловъ, казалось, отдавался теперь не такъ угрюмо.

Подъ такимъ чуднымъ, голубымъ небомъ, предъ улыбающеюся природою, весь ужасъ возможности близкой смерти казался подъ часъ совершенной химерою. Но такая мысль не надолго овладѣвала человекомъ: непрерывно свѣ-

жую, молодую зелень, орошала свѣжая, теплая кровь.....

Съ началомъ хорошихъ, ясныхъ дней, устроились постоянныя гулянья на бульваръ, который примыкаетъ къ памятнику Козарскаго. Теперь имѣлся лишь одинъ этотъ бульваръ.

Въ мирное же время былъ другой, находившійся почти на мѣстѣ теперешняго 4-го бастіона и называвшійся: «большимъ», въ различіе отъ настоящаго, который носилъ названіе «маленькаго» или «мичманскаго».

Музыка играла у павильона и толпы гуляющихъ сновали до поздняго вечера, съ конца въ конецъ, отъ памятника до подъема къ библиотекѣ.

Въ особенности пріятно было гулять здѣсь, когда идущія по склону аллеи бѣлыхъ, душистыхъ акацій распустились и наполнили воздухъ благоуханіемъ, показавшимся самымъ нежнымъ и освежительнымъ для нашего обонянія, привыкшаго лишь къ запаху пороховаго дыма.

Случайная, залетная птичка, чиликала также порой, пугливо перенархивая, когда вдругъ успивался гулъ и рокотанье выстрѣловъ.

Всѣ эти проблески—обстановка жизни мирной, не насилуванной у природы, дѣтски радовали сердце, исполняя его тихой радости.

Гулянье постоянно было оживленное.

Разнородный людъ сѣшилъ придти на бульваръ — послушать музыку. Конечно, военныхъ сравнительно было гораздо больше. Здѣсь перемѣшались все чины. Можно, однако же, сказать, что по верхней площадкѣ, гдѣ играла музыка, вообще собиралось отборное общество.

Если же и забирались сюда писаря, или какой-нибудь солдатикъ да матросъ (юнкеровъ конечно, причисляю я къ офицерскому обществу), то это были уже люди, или *съ глубокимъ сознаниемъ собственного достоинства*, опрятно одѣтые, непременно съ перехватцемъ въ талии, и съ особенно *цивилизованнымъ* видомъ; или такіе, которые находились подъ особенно пріятнымъ настроеніемъ духа. Настроение это выражалось подъ видомъ какой-то развязности, что мнѣ, моль, море по колыни, что мы, моль, свое дѣло знаемъ.... Такъ, на примѣръ, если случалось, что трезвый товарищъ предупреждалъ, посредствомъ энергическаго подталкиванія подъ бокъ, подгулявшаго пріятели о приближеніи офицера, то подгулявшій выражалъ подобнаго рода разсужденія: «ну чтожъ, что офицеръ? офицеръ, такъ офицеръ и есть! — знаемъ, что офицеръ! его благородіе! да... и фуражку слѣдуетъ снять,

и фронтъ, значить, какъ слѣдуетъ, отдадимъ». За тѣмъ, становясь во фронтъ предъ мимо идущимъ офицеромъ, или снимая фуражку, гуляка, неизвестно къ чему, прибавить: «виновать, ваше благородіе!»

Большая часть черной публики разсыпалась по нижнимъ аллеямъ и между отдѣльными кустами акацій и сирени, разбросанныхъ тамъ и сямъ, по скату бульварнаго возвышенія. Оттуда слышался веселый смѣхъ и энергическія, но нѣжныя возгласы, сопровождаемые визгомъ и шскомъ.

Нѣсколько дамъ, большею частью изъ семействъ морскихъ офицеровъ, приходили также на бульваръ, послушать музыку и подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. И дамъ этихъ, помимо удивленія и уваженія къ нимъ за ихъ рѣшимость не разлучаться съ родными имъ людьми, до послѣдней возможности,—должны благодарить весь севастопольцы. Присутствіе женщины вездѣ и всегда вноситъ въ общество что-то милое и отрадное; въ Севастополь же въ особенности пріятно было видѣть женское личико. Какъ-то легче становилось на душѣ, и неволью скрадывался весь ужасъ окружающаго.

Всѣхъ цвѣтовъ камеліями, или новѣе—тра-

віатами , Севастополь , можно сказать , цвѣль въ достаточномъ количествѣ.

Простой рабочій классъ женщинъ доставлялъ Севастополю серьезную выгоду. При трудной службѣ осажденнаго города, помощь ихъ сказывалась виднѣе.

По-крайней-мѣрѣ можно было имѣть всегда чистое бѣлье—вещь не маловажная, необходимая, какъ свѣжій воздухъ. Даже начальство , видя всю пользу, должно было сквозь пальцы смотреть на присутствіе нѣкотораго числа рабочихъ женщинъ. Многіе солдатики , какъ говорится, были «словно у Бога за печкой», пообзаведясь *кумушкой*, которая его и кормила, и поила, и обмывала.

Какъ бы то ни было , женщинамъ необходимо дилась даромъ ихъ рѣшимость не покидать осажденныхъ : въ Севастополь можно было видѣть порой женщину безъ руки или на костыль ; равно какъ и дѣтей. Одна прехорошенькая дѣвица была ранена осколкомъ въ ногу, выше колѣна, и умерла, ни за что не согласившись на ампутацію.

Вскорѣ непріятель получилъ новый запасъ ракетъ и сталъ угощать ими городъ, поставя на военную ногу и мирныя части его. Но гулянья отъ этого не прекращались. Ракеты пу-

скались большею частью передъ вечеромъ, съ Сапунъ-горы и Херсонеса. Нужно отдать справедливость неприятелю, ракеты его были весьма хороши и летѣли на пять верстъ разстоянія.

Сила этого снаряда удивительная; нѣкоторыя ракеты, бросаемыя съ Сапунъ-горы, прилетая къ бульвару, врывались въ землю почти на два аршина. Я захотѣлъ имѣть экземпляръ ихъ и долженъ былъ порядочно заплатить за отрываніе. Отрытая ракета была съ зажигаемымъ составомъ, заключавшемся въ особомъ цилиндрическомъ колпакѣ, сдѣланномъ изъ такого же листового желѣза, какъ и ракетная гильза, привинченномъ спереди ея. Деревянный хвостъ, съ внутренней пустотой по оси его и наружными ложбинками или долами во всю длину его, также привинчивался.

Какъ сильно дѣйствіе этихъ ракетъ, видно изъ того, что одна ракета, съ Херсонеса, упавшая возлѣ самой Николаевской казармы, убила артиллериста, отбросивъ ногу его на крышу казармы!

Гуляя по бульвару, я часто любовался удивительнымъ видомъ, открывающимся отсюда. Однимъ взглядомъ можно было окинуть и Сапунъ-гору, бѣлющуюся своею обрывистою, известковою вершиною, охваченною сильными

непріятельскими батареями , между которыми грознее выказывался редутъ Викторін ; и линіи правофланговыхъ непріятельскихъ траншей, обозначавшіяся взрытою землею и безпрестанно выкатывавшимися оттуда небольшими, бѣлыми клубами дыма, отъ штуцерной перестрѣлки; и нашъ Малаховъ курганъ — третій бастионъ , почти вся наша оборонительная линія. А далье, на долго приковывало взоръ Черное море, съ рядами вражескихъ кораблей, повеселѣвшее съ приближеніемъ весны, отогрѣвающееся подъ голубымъ, свѣтлымъ небомъ, на южномъ солнцѣ. Невольно въ это время переносилась мысль къ первобытному Севастополю. По происхожденію своему, Севастополь чисто русскій городъ.

Еще въ послѣдніе годы ханскаго владычества, матросы пригнанныхъ къ здѣшней бухтѣ, позднимъ временемъ , русскихъ кораблей , получа позволеніе остаться на зимовку, основали здѣсь нѣсколько землянокъ. Въ послѣдствіи разрослась здѣсь небольшая деревенька. Мѣстность ея, состоящая изъ бѣлыхъ известковыхъ холмовъ, вѣроятно была поводомъ къ наименованію деревеньки татарами: *ахтіаромъ* (акъ-ярромъ), что значитъ: *бѣлый утесъ*.

По присоединеніи Крыма къ Россіи, ахтіарскій портъ найденъ былъ превосходнымъ и ,

седьмого мая 1783 года, эскадра вице-адмирала Клокачева первая введена была въ него для зимовки, и была сдана контръ-адмиралу Меккензи, который и положилъ основаніе Севастополю.

Нынѣшняя Маккензіева гора, получившая въ настоящее время такую большую извѣстность въ слѣдствіе своего стратегическаго положенія, подарена была Императрицею Екатериною II, въ числѣ прочихъ владѣній, адмиралу Меккензи, по имени котораго и была тогда прозвана. Густой лѣсъ покрывалъ ее; но теперь въ продолженіе осады, вырубался онъ по необходимости.

Знаменательное имя: «Севастополь», дано было городу, какъ говорятъ, самою Екатериною II. Оно составлено изъ двухъ словъ: *сево* или *севазалаи* — почитаю и *полисѣ* — городъ, то-есть почитаемый городъ, или, иначе, знаменитый городъ. Теперь, думалъ я, конечно, каждый признаетъ за нимъ это пророческое наименованіе.

Въ настоящее время говорятъ даже, что это новая Троя.

Не могу не вспомнить при этомъ шутивлаго замѣчанія, высказаннаго разъ къмъ-то изъ сева-

стопольцевъ, при сравненіи Севастополя съ Троей. «Это сказалъ онъ, *«Троя—второе.»*»

Съ оживившейся природой неминуемо оживилась и осада. Вліяніе этого отразилось и на нашей батарее; всѣ офицеры, кромѣ обыкновенныхъ своихъ служебныхъ занятій, получили новыя назначенія.

Между прочимъ, мы по очереди ходили въ адмиралтейство для приѣма собираемыхъ непріятельскихъ пуль и выдачи за нихъ денегъ. Эта была прекрасная мѣра со стороны нашего начальства. До 120 пудовъ пуль собиралось въ иной день. За каждый фунтъ положена была плата. Матросы и пѣхотные солдаты толпами приходили съ посылною находкою, и получаемыя ими за нея деньги были для нихъ истинной находкой. Ребятишки также часто приносили свою долю собраннаго свинца, когда-то несшаго съ собою смерть.

Разъ я былъ пораженъ благороднымъ видомъ одного мальчика лѣтъ 12-ти, притащившаго въ мѣшечкѣ четыре фунта собранныхъ пуль.

Я сталъ его спрашивать и узналъ, что онъ сынъ цейхвахтера, убитаго еще во время перваго бомбардированія 5-го октября, ядромъ; что мать очень больна и не встаетъ даже съ постели; а десятилѣтняя сестра сильно ушибле-

на, съ недѣлю тому назадъ, камнемъ, при разрывѣ бомбы, и также лежитъ теперь; наконецъ, что, хотя Государь, какъ онъ выразился, и прислалъ имъ денегъ чрезъ начальниковъ, но денегъ этихъ недостаточно для нихъ, а потому и рѣшился онъ добывать кой-что со сбора пуль.

— Развѣ же вы не боитесь быть убитымъ? спросилъ я его: вѣдь гдѣ болѣе излетъ пуль, тамъ и собираютъ ихъ.

— Нѣтъ, не боюсь, отвѣтилъ онъ, съ совершенно спокойнымъ, дѣтски простодушнымъ видомъ. Я бы и къ пушкѣ пошелъ; право, не боюсь! прибавилъ онъ.

— Да какъ же пускаетъ васъ матушка?

— Она не знаетъ; я не говорю ей.

Я сказалъ этому мальчику, что онъ, вѣроятно, ошибся; пуль оказалось не четыре фунта, а цѣлыхъ десять, и за прибавленное количество доплатилъ изъ своихъ денегъ.

Наша семья офицеровъ батареи вновь понесла потерю: поручикъ М* сильно былъ раненъ штуцерною пулею въ грудь. Мы часто навѣщали его, когда онъ лежалъ на перевязочномъ пунктѣ, въ домѣ Благороднаго Собранія. Потомъ рана его получила хорошій исходъ и его отправили на сѣверную сторону.

Прекрасное помѣщеніе Собранія, на роскошное убранство котораго всегда ронтали дамы, такъ какъ оно скрадывало своимъ великолѣпнымъ блескъ ихъ нарядовъ, — наполнено было теперь госпитальною мебелью, — известными зелеными кроватями и столиками. Не блестящая, нарядная толпа, вселнившаяся здѣсь когда-то, подѣ обаяніемъ звуковъ балльной музыки, но страдальцы — герои наполнили боковыя комнаты и пышную, даже въ теперешнемъ своемъ видѣ, залу, съ бело-мраморными стѣнами. Тяжелый госпитальный запахъ обдавалъ входящаго; стоны и крики ампутируемыхъ и перевязываемыхъ неприятно поражали слухъ. Присутствіе сестеръ милосердія было здѣсь истиннымъ небеснымъ благодѣяніемъ и видимо сказывалось во всемъ. Нужно было удивляться твердости духа, съ какимъ эти слабыя, по своей природѣ, существа переносили всѣ ужасы и труды по уходу за ранеными. Это — подвигъ и подвигъ высокій. Сколько чрезъ это сгладилось слѣзъ отчаянья, сколько облегчилось страшныхъ минутъ страданья!

Развѣ можно сравнить женскую материнскую заботливость и цѣжную женскую руку съ грубымъ обращеніемъ и ручищей солдата-фельд-

шера или его помощника? Безъ преувеличиванія можно сказать, что появленіе сестеръ милосердія—*сестрицъ*, какъ звали ихъ солдаты,—было для Севастополя истиннымъ благодѣяніемъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ того отраднаго вліянія, которое сестры милосердія оказывали на страждущихъ. Одному матросу приходилось дѣлать трудную, важную операцію. Бѣдному предстояли ужасныя мученія. Съ первыми дѣйствіями хирургическаго ножа, на лицѣ раненаго, сильнаго сложенія мужчины, выразилось невыразимое страданіе; сдерживая однако крикъ, невольно вырывающійся изъ тѣла, онъ понапиль возлѣ стоявшую сестру милосердія. «Сестрица, сказалъ онъ ей,—позвольте мнѣ вашу ручку;—всё будетъ полегче;» и крѣпко сжавши тотчасъ поданную ему руку, онъ терпѣливо перенёсъ всю операцію. Бѣдняга, быть можетъ, воображалъ, что сжимаетъ руку матери, сестры или жены, которыхъ оставилъ давно и далеко....

Невольно морозъ пробѣгалъ по кожѣ, глядя на отрѣзанныя руки и ноги.

Наконецъ, прибылъ къ намъ новый батареинный командиръ, капитанъ, молодой еще человекъ, высокаго роста, полный мужественной

красоты. Своимъ простымъ, открытымъ обращеніемъ онъ съ перваго раза понравился всемъ. Въ добавокъ, онъ былъ музыкантъ : часто подслушивали мы его превосходную игру на флейтѣ.

Гуляя однажды, послѣ объѣда, по бульвару, я замѣтилъ одного статскаго, щеголевато и изящно одѣтаго, чловѣка еще очень молодаго. Фигура его казалась мнѣ знакомою. Дѣйстви-тельно это былъ П*,—мой однокашникъ. Онъ служилъ въ конной артиллеріи, но по особымъ, домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку, передъ самымъ началомъ нынѣшней кампаніи. При первыхъ севастопольскихъ громахъ, онъ сейчасъ же подалъ просьбу о поступленіи на службу и, не дождавшись даже опредѣленія, прискакалъ изъ своего новгородскаго помѣстья въ Севастополь, чтобы, не теряя времени, примкнуть къ его защитникамъ хотя волонтеромъ. Еще болѣе удивился я, когда узналъ, что онъ — женихъ. Встрѣчь со мною обрадовался онъ тѣмъ болѣе, что не имѣлъ въ Севастополь никого знакомаго.

Мы условились съ нимъ вмѣстѣ отправиться на другой день къ генералъ-лейтенанту Хрулеву. Неотступно также просилъ меня П* немедленно свести его на одинъ изъ бастіоновъ;

но я отклонилъ его, представляя на видъ, что, можетъ быть, съ завтрашняго же числа получить онъ назначеніе на бастіонъ и вдоволь уснѣсть тогда наглядѣться на него и набратъся самъ сильныхъ ощущеній.

На завтра случился свѣтлый, ясный день. Раннимъ утромъ отправились мы съ П* на Малаховъ Курганъ, гдѣ жилъ генераль-лейтенантъ Хрулевъ.

Пройдя мостъ черезъ южную бухту, едва мы стали подыматься подъ гору, какъ двѣ бомбы, одна за другой, слетѣли совершенно не вдалекѣ отъ насъ, такъ что при паденіи каждая ясно обозначилась небольшимъ чернымъ шаромъ. Опасность была очевидная; — «ложитесь!» крикнулъ я П*, самъ носившию присѣдая на колено. Потерялся ли П* или не вполне сознавалъ опасность, только онъ промедлилъ нѣсколько мгновеній и опустился на земь уже мертвымъ.

Странно былъ онъ убитъ! разомъ двумя осколками. Одинъ врзался ему въ грудь, другой пронизалъ черепъ.

Надъ моей головой также проурчалъ огромный осколокъ, и не принагнись я, постигла бы и меня участь П*.

Я подошелъ къ убитому и освѣтилъ его крест-

нымъ знаменіемъ. Ни одинъ еще случай смерти не поражалъ меня такъ сильно, какъ смерть П*. До-сихъ-поръ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ гибели такого молодаго, полного свѣтлыхъ надеждъ, чело-вѣка.

Не меньше поражены были и всѣ мои това-рищи, когда, придя домой, рассказалъ я имъ о случившемся. Съ П*, образованнымъ, пре-краснымъ молодымъ челоувкомъ, познакомились они вчера, черезъ меня, и невольно приняли въ немъ большое участіе.

Люди и вещи П* переправились на южную сторону лишь только теперь. Съ грустью ото-слалъ я ихъ, сказавъ, что они могутъ вѣхать обратно, въ свою новгородскую губернію, но только безъ барина, который останется здѣсь навсегда...

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ.

Дѣло съ 10-го на 11-е мая, — Май мѣсяцъ въ Сева-
стополь. — Обзорѣніе непріятели съ обсерваторіи сева-
стопольской Библіотеки. — Краткое обзорѣніе Камчат-
скаго люнета и редутовъ: Селенгинскаго и Волин-
скаго. — Нѣсколько словъ о нашихъ ложементяхъ. —
26-е мая. — Уборка тѣль.

Противъ четвертаго бастіона непріятель по-
стоянно велъ ожесточенную атаку.

Противъ пятаго, въ особенности на простран-
ствѣ между кладбищемъ и карантинною бухтою,
непріятельскія работы стали подвигаться также
настойчиво.

Нашему правому флангу угрожала теперь опа-
сность; къ тому же онъ былъ слабѣ льваго,
усиленнаго цѣлой передовой оборонительной ли-
ніей; а потому генераль-лейтенанту Хрулеву,
ставшему уже душою знаменитой обороны, по-
ручено было, вмѣсто командованія лѣвой по-
ловиной, начальство надъ 1-мъ и 2-мъ отде-
леніемъ севастопольской оборонительной линіи.
Вдохновенно сообразилъ оцъ мѣры противудѣй-

ствія врагу, составивъ планъ новыхъ контръ-апрошей.

Выгоды отъ этого были большія: мы не давали врагу утвердиться на мѣстности передъ 5-мъ бастіономъ; значительно затрудняли его наступленіе на 4-й бастіонъ и освобождали отъ сильнаго огня наши траншеи и батареи, лежащія правѣе этого бастіона.

Словомъ, мы сокращали нашу правую оборонительную линію, и отдаляли врага, подобно тому, какъ противъ корабельной стороны.

Намѣреніе было превосходное, отлично соображенное. Главнокомандующій тотчасъ же одобрилъ планъ генераль-лейтенанта Хрулева, провѣренный генераль-маіоромъ Тотлебенемъ, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ севастопольскаго гарнизона не возможно было дать требуемаго по плану числа людей.

По мнѣнію же г.-л. Хрулева, траншеи слѣдовало намъ вывести въ одну ночь; а въ слѣдующую предполагалось уже повести атаку на наши траншеи, занятые непріателемъ въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля.

Настала туманная ночь съ 9-го на 10-е мая. Осторожно и тихо вышли наши войска изъ-за укрѣпленій и начали предполагаемыя работы.

Я также находился здѣсь, въ числѣ артил-

лерійскихъ офицеровъ, посланныхъ для ознако-
мленія съ мѣстностью.

Солдаты, какъ бы сознавая важность пред-
принимаемаго, работали живо и осмотрительно.
Впереди расположилась цѣпь. Секреты поползли
къ неприятелю какъ можно ближе, чтобъ за-
мѣчать малѣйшее его движеніе.

Приказанія отдавались тихо—шопотомъ. Г.-
л. Хрулевъ и съ нимъ генералы: Семякинъ,
князь Васильчиковъ и Тотлебенъ присутствіемъ
своимъ и распоряженіями, ободряя и ускоряли
работы, очень затруднительныя въ оказавшем-
ся каменномъ грунтѣ.

Было что-то таинственное въ этомъ молча-
ливомъ, ночномъ предпріятіи. Перестрѣлка съ
бастіоновъ шла обычная. Кое-гдѣ мигала въ
туманной, мглистой дали бомба, быстро про-
летала, описывая свѣтлую траекторію, лахмат-
ка; или грохотало дежурное орудіе, посылая
невидимое ядро, да трескотали неугомонные
штуцера. Я съ удовольствіемъ расхаживалъ по
мѣсту работъ, доступному теперь, но должен-
ствовавшему, съ разсвѣтомъ дня, перейти опять
въ запретное состояніе.

Настоящія работы наши производились на
скатъ хребта, обращеннаго къ неприятелю; а
потому непріятельскіе снаряды, пускаемые въ

этомъ направленіи, по нашимъ укрѣпленіямъ, перелетали черезъ головы работавшихъ.

Непріятель, конечно, не ожидалъ такого смѣлаго и рѣшительнаго шага осажденныхъ на этомъ пунктѣ; въ слѣдствіе чего, мы не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія и потеряли лишь одного человѣка раненымъ. *

Съ разсвѣтомъ, Французы съ удивленіемъ увидѣли передъ собою цѣлую линію траншей бастионнаго начертанія. День прошелъ, незаметно, въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ изъ вновь начатыхъ траншей.

Наступалъ вечеръ; слѣдовало ожидать нападенія непріятеля. Съ сумерками, г.-л. Хрулевъ приказалъ подкрѣпить штуцерныхъ, засѣвшихъ въ новыхъ полу-выведенныхъ траншеяхъ, цѣлымъ баталіономъ. Войскамъ, назначеннымъ для окончанія работъ предъидущей ночи, приказано было забирать туры, мѣшки и прочій рабочій инструментъ.

Въ девять часовъ, егерскіе—генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и Подольскій полки и 2 баталіона Житомирскаго егерскаго полка потянулись за оборонительную линію, по направленію къ новымъ траншеямъ.

* Донесеніе главнокомандующаго.

Непроницаемая темнота безлунной ночи раскинулась надъ осажденнымъ Севастополемъ. Совершенная тишина, вмѣстѣ съ темнотою ночи, распространилась по всему нашему правому флангу. Даже непріятельскія батареи утихли. Только на Селенгинскомъ редутѣ мелькали и слышались вдали рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

Вдругъ, по всему протяженію вновь заложенныхъ траншей, засверкалъ самый частый, бѣглый штуцерный огонь; послышалось: «vive l'Empereur!» и наше «ура-а-а-а!», по всемъ непріятельскимъ траншеямъ заиграли рожки и сигнальныя трубы.... Казалось, каждый ихъ тонъ звучалъ теперь торжественнѣе. Войска наши не успѣли дойти по назначенію, какъ выжидавшій непріятель предупредилъ ихъ, бросившись на полу-выведенныя наши траншеи.

Въ одинъ мигъ труды предъидущей ночи очутились въ рукахъ непріятеля, постоянно прибывавшаго.

Съ разу мы должны были выбивать его птыками. Чрезъ это объясняется значительная наша потеря въ этомъ кровавомъ бою.

Но и непріятель сдѣлалъ ошибку, подавъ боевой кликъ раньше, чѣмъ слѣдовало; поэтому онъ слишкомъ рано подвергся нашему баталь-

ному огню штуцерныхъ, находившихся въ атакованныхъ траншеяхъ.

Возобновляя свои нападенія съ величайшимъ упорствомъ, посившимъ на себя видимый отпечатокъ непреклонной воли Пеллсе, непріятель ввелъ въ дѣло до семнадцати баталіоновъ, въ числѣ коихъ, кромѣ двухъ баталіоновъ гвардіи, было два баталіона «Chasseurs de Vincennes» (Венсенскихъ стрѣлковъ) и два баталіона иностраннаго легіона.

Съ нашей стороны участвовало въ дѣлѣ лишь двѣнадцать баталіоновъ.

Бой достигъ чрезвычайнаго разгара. Нѣсколько разъ непріятель бросался въ штыки, но постоянно былъ опрокидываемъ. Баталіоны Подольскаго егерскаго полка, отбивши штыками нападающихъ, преслѣдовали врага даже до самыхъ его оконовъ, у передняго угла кладбища, и часть ихъ разорили.

Последнее ожесточенное усиліе непріятеля сокрушилъ неотразимый ударъ прибывшихъ на помощь къ сражавшимся войскамъ нашихъ баталіоновъ Минскаго пѣхотнаго и Углицкаго егерскаго полковъ.

Болье пяти часовъ продолжался кровопролитный бой. Наконецъ, съ разсвѣтомъ, непріятель, окончательно отбитый, отступилъ въ

своей окопы. Г.-л. Хрулевъ самъ водилъ войска въ штыки. Генераль-маіоръ Адлербергъ былъ убитъ въ головѣ колонны, направленной имъ на непріятеля, на штыки. Сынъ этого генерала, не участвовавшій въ дѣлѣ, но отправившійся въ него, для отысканія тѣла отца, также былъ убитъ.

При началѣ боя я находился въ числѣ зрителей, собравшихся на бульваръ, не смотря на то, что бомбы порой залетали и сюда.

Даль надъ бастіонами праваго фланга гудѣла и горѣла непрерывными огненными вспышками орудійныхъ выстрѣловъ, которымъ вторила перекатная ружейная пальба. Крикъ: «ура!» долеталъ порой по вѣтру. Раненыхъ безпрестанно приносили на носилкахъ и вели подъ руки. Отъ нихъ ничего нельзя было добиться о ходѣ дѣла. Это тоже отличительная черта русскаго солдата. Когда нашъ солдатикъ раненъ и не можетъ болѣе участвовать въ бою, ему уже кажется, что все потеряно, что непріятеля несметное число—*сила*. Вскорѣ я получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи одного генерала, участвовавшаго въ бою, и немедленно отправился къ нему, съ казакомъ. Благополучно пробрался на мѣсто.

Сплошное облако пороховаго дыма стояло

надъ сражавшимися. Позади съ бастіоновъ, гудѣла самая частая канонада по непріятельскимъ батареямъ, старавшимся, въ свою очередь, не допускать нашихъ резервовъ. Надъ нашими головами, взадъ и впередъ, съ ревомъ и гуломъ, двигалась чугунная туча. Изъ непрерывно пускаемыхъ бомбъ, съ батарей обѣихъ сторонъ, образовалась надъ полемъ битвы какая-то огненная шапка. Красноватый, матовый, колеблющійся свѣтъ отъ выстрѣловъ, освѣщаль битву. По разнымъ направленіямъ двигались чернеющіеся квадраты; то были полки, свернувшіеся въ ротныя колонны. Небольшими точками чернѣлись разсыпавшіеся застрѣльщики. Подъ ногами постоянно попадались раненыя и убитые. Въ темноту я наступилъ на одного раненаго, и должно быть на рану, потому что подъ моими ногами вдругъ раздался страшно болѣзненный вопль, невольно заставившій меня споткнуться. Падая, я уперся руками въ землю и попалъ во что-то теплое, липкое; это была свѣжая лужа крови. О помощи раненому нечего было думать: я спѣшилъ къ своему генералу, притомъ же раненыхъ было множество; ихъ не успѣвали даже прибрать. Вскорѣ я отыскалъ генерала и представился ему. Въ ту минуту онъ находился возлѣ г.-л. Хрулева,

руководившаго боемъ и, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ и распорядительностію, отдававшаго приказанія и выслушивавшаго адъютантовъ и ординарцовъ.

Нахлынувшая вдругъ которая-то изъ нашихъ колоннъ увлекла меня въ своємъ стремленіи. Съ трудомъ освободился я изъ этого стремительнаго потока и бросился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ генерала; но его уже не было тамъ; тщетно проискалъ я еще нѣсколько минутъ.

Дѣло, между тѣмъ, разгоралось сильнѣй и сильнѣй.

Въ оглушительномъ громѣ, среди криковъ, стоновъ и движенія, я не зналъ на что рѣшиться, что предпринять, и почти безсознательно бросился впередъ, въ самый разгулъ боя. Мимо меня, бѣглымъ шагомъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, промелькнуло нѣсколько колоннъ, стремившихся на помощь нашимъ. Офицеры, съ саблями наголо, были впереди и ободряли солдатъ, которые крестились и тихо разговаривали между собою. Нѣкоторые, пораженные пулями, падали и слышался ихъ жалобный голосъ: «прощайте, братцы!» или «отцы родные! не покиньте!»

Не останавливаясь, бѣжалъ я впередъ. Голова кружилась, я весь горѣлъ. Густой поро-

ховой дымъ ничего не позволялъ уже разглядѣть.

— Ишь валить! совсѣмъ попятилъ Подольцевъ! проговорилъ кто-то запыхавшійся, пробѣгая мимо, и скрылся въ дыму.

Я зналъ, что Подольскій полкъ былъ посланъ отбивать тѣ ложементы, гдѣ предполагалось вывести одну изъ главныхъ бѣтарей первой линіи, противъ кладбища; зналъ всю важность этого проекта, а потому бросился на высоту, гдѣ дрался этотъ полкъ, надѣясь принести какую-нибудь пользу въ общемъ дѣлѣ. Перепрыгивая черезъ тѣла раненыхъ и убитыхъ, побѣжалъ я туда. На встрѣчу мнѣ, отстрѣливаясь, отступала толпа нашихъ солдатъ. Подъ горой я успѣлъ остановить ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ солдатъ, выдавшіе меня на бастіонъ признали теперь, и кто-то изъ толпы закричалъ: «Ведите насъ, ваше благородіе; а то не знаемъ, что дѣлать, всѣ командиры побиты!»

Я скомандовалъ: «въ ротную колонну!» кое-какъ устроилъ эту безпорядочную, сборную дружинну; строго запретилъ стрѣлять при наступленіи, и, вѣлѣвъ ударить «наступленіе», бросился на гору.

Взойдя на гребень высоты, я увидѣлъ передъ собою, шагахъ въ пятидесяти, чернью-

щійся брустверь нашего ложементъ, увѣнчан-
ный земляными мѣшками. Едва показалась моя
колонна, весь гребень бруствера всныхнулъ,
какъ молнія, и самый частый ружейный огонь
засверкалъ намъ на встрѣчу, освѣщая красныя
шаночки съ горизонтальными козырьками и
козыи бородки французскихъ егерей, засѣвшихъ
въ ложементъ.

Разстояніе было такъ близко, что свиста
пуль не было слышно. Я только видѣлъ, какъ
вокругъ меня повалились мои сподвижники.
Минута была рѣшительная; я невольно взгля-
нулъ на небо, крикнувъ: «впередъ, братцы!»
и кинулся на ложементъ.

Оглушительный, радостный крикъ: «ура!»
раздался въ отвѣтъ на мое зазывное восклицаніе
и въ мгновеніе я очутился въ ложементъ
со своей временной командой.

Пальба здѣсь замолкла; вокругъ меня за-
стучали приклады, зазвенѣли штыки, слы-
шались вопли, ожесточенные крики и крупная
брань даже на гармоническомъ салонномъ фран-
цузскомъ языкѣ. Попавши въ самую середину
свалки, между непріятелей, я началъ рубить
на удачу передъ собою шашкой, поднятой
мною не задолго передъ этимъ на полѣ здѣш-
ней битвы; слышалъ удары клинка по чему-то

металлическому; раза два брызнуло мнѣ въ лицо чѣмъ-то теплымъ.

Передъ самыми моими глазами мелькали французскіе штуцерные кортики. Вдругъ эта рѣзня прекратилась и живой ружейный огонь посыпался уже съ нашей стороны. Ясно было, что Французы отступили.

Черезъ нѣсколько минутъ прибыли свѣжія войска и смѣнили насъ.

Я отправился на бастіонъ отыскивать своего генерала. Было около трехъ часовъ утра и начинало разсвѣтать. Непрiятель всюду былъ отбитъ, и всѣ линіи новыхъ траншей остались за нами, исключая нѣсколькихъ ложементовъ у карантинной бухты, въ которыхъ непрiятель удержался и продолжалъ отстрѣливаться.

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ....

Взошло солнце.... и освѣтило кровавую ниву...

Съ любопытствомъ взошелъ я на вышку 5 бастіона и взглянулъ на поле только-что прекратившагося сраженія.

Смотря на отбитый мною ложементъ, заваленный тѣлами, я, съ замираніемъ сердца, припомнилъ всѣ ужасы боя, испытанные мною въ эту ночь, всѣ невыразимыя, тяжелыя мгно-

венія, перенесенныя въ продолженіе ея, и невольно порадовался, что остался живъ и здоровъ.

Легкая только контузія въ правую руку пулю, и три пробитыя пулями отверстія въ полахъ моей сѣрой шинели, служили мнѣ видимымъ воспоминаніемъ боя, въ которомъ я въ первый разъ сошелся съ вооруженнымъ непріателемъ, какъ говорится: лицомъ къ лицу...

На слѣдующую ночь, въ тотъ же самый часъ, какъ и наканунѣ, упорствующій непріатель, не жалѣвшій видно людей, опять густыми массами накинудся на наши траншеи, столь безуспѣшно атакованныя имъ вчера. Занимавшіе ихъ два баталіона Житомирскаго егерскаго полка, по данному сигналу, отошли къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Наступающія же колонны непріателя подверглись сосредоточенной перекрестной нашей пальбѣ, и понесли при этомъ весьма большой уронъ.

Два ближайшіе къ кладбищу наши завала, были разрушены непріателемъ.

Соединительная же траншея съ 5 бастіоновъ осталась нейтральною.

Въ Севастополь опять настала обычная тишина.

Начались сильные жары; лѣнь и нѣга такъ

и наирашивались, такъ и обаяли съверную натуру русскаго чловѣка. Появились лѣтнія пальто-шинели, изъ самыхъ легкихъ матерій, и бѣлыя фуражки, которыя, по особому приказу главнокомандующаго, вѣрно было носить всѣмъ солдатамъ.

Быть разстегнутымъ и снимать галстуки, также позволялось.

На бастіонѣ солдатикки наши не столько заботились укрыться отъ пуль и осколковъ, сколько отъ зноя, сильно ихъ допекавшаго.

Зной и пыль замѣнили грязь, но трудно было рѣшить, что изъ нихъ лучше.

На праздникъ св. Троицы въ особенности было тихо по всей севастопольской линіи, казалось, не слышно было даже ружейной перестрѣлки, обыкновенно неугомонной.

На второй день праздника, завернувши въ библіотекку, я взошелъ на устроенную на верху ея обсерваторію; отсюда, какъ съ самой высшей точки въ Севастополь, далеко можно было обозрѣть, въ зрительную трубу, позицію непріятеля. При томъ же морскія трубы были превосходныя. Съ часъ, по-крайней-мѣрѣ, простоялъ я здѣсь, не отрывая глазъ отъ трубы.

Я пожиралъ взоромъ запретное для Севастополя пространство; тамъ, за его стѣнами, раз-

кидывались непріятельскія траншеи и батареи, желтѣвшія и бѣлѣвшія въ настоящую минуту мирными линіями и валами.

Съ обсерваторіи библіотеки ясно было видно даже какъ прохаживались часовые на валахъ осадныхъ батарей; какъ смѣнялись траншейные караулы, передвигались партіи непріятельскихъ войскъ. Вотъ , за батареями проѣхалъ какой-то всадникъ на сѣрой лошади , въ красномъ мундирѣ, должно быть Англичанинъ. По огромной свитѣ, проскакавшей за нимъ , можно судить , что это былъ одинъ изъ главныхъ начальниковъ.

Мнѣ досадно было , что эта кавалькада не видна ни съ одного изъ нашихъ бастіоновъ; а то , разсуждалъ я , славно бы пустить въ нее бомбочку.

Какъ артиллеристъ въ душѣ , я вычислялъ уже , для воображаемаго выстрѣла , и уголь возвышенія, и зарядъ, и время горѣнія бомбовой трубки ; живо воображая, замечтавшись и провожая взоромъ скрывавшійся за возвышеніемъ хвостъ кавалькады , тотъ эффектъ , который произвела бы бомба , попавши въ кучу ѣхавшихъ, и то, какъ разскакались бы они по всемъ направленіямъ отъ нежданнаго гостя.

На какомъ-то холмѣ , противъ 6-го бастіо-

на *, отчетливо рисуются силуэты непріятелей, обозрѣвающихъ наши укрѣпленія; замѣтно даже каждое движеніе ихъ рукъ. У ската, вожатые держатъ лошадей. Херсонесъ, карантинная бухта, маякъ, все пространство передъ 10 и 6 №№, не видны съ бульвара, съ этой точки совершенно открыты для взора.

Какъ я уже сказалъ, тихо было въ Севастополь; но это была тишь передъ бурей. 24 мая пришлось мнѣ побывать на Камчатскомъ люнетѣ и редутахъ: Селенгинскомъ и Волынскомъ. А потому и сдѣлаю небольшой очеркъ сказанныхъ укрѣпленій, предъ разсказомъ о бурь, разыгравшейся у нихъ, въ этомъ мѣсяцѣ.

Заложеніе Камчатскаго люнета, произведенное въ то время, когда сильныя непріятельскія батареи занимали всѣ главнѣйшія высоты, окружающіе Корабельную сторону, по истинѣ должно почитаться чудомъ инженернаго искусства и доблести нашихъ войскъ.

Сознавая всю важность этого укрѣпленія, непріятель громилъ его непрерывно.

Наружный видъ Камчатскаго люнета—*Камчатки*—какъ его прозвали, былъ дѣйствительно грозенъ. Оба длинныя боковыя фаса, изрѣзан-

* Bastion de la Quarantaine.

ные глубокими, издалика чернѣвшими амбразурами, постоянно сверкали молніями, посылая въ отвѣтъ непріятелю свои меткіе выстрѣлы. Амбразуры передняго фаса угрюмо молчали. Выглядывавшія въ нихъ дула орудій, казалось, ждали момента, когда появятся передъ ними, изъ ближайшей непріятельской траншеи, штурмовыя колонны, чтобъ встрѣтить ихъ картечью. Постоянный туманъ пороховаго дыма, разстилавшійся надъ люнетомъ, высоко, воронками, взбрасываемая земля отъ безчисленнаго множества лопающихся непріятельскихъ бомбъ и гранатъ, синеватые дымки неугомной перестрѣлки изъ ложементовъ, полукругомъ раскинувшихся впереди у подошвы холма, все придавало этому укрѣпленію грозно-босвой видъ.

Внутренность *Камчатки* была пересѣчена высокими, циклопической постройки траверсами, съ трудомъ, однако, ослаблявшими перекрестный огонь осадныхъ батарей. Картина непрерывавшейся дѣятельности внутри этого укрѣпленія представлялась взорамъ, во всякое время дня и ночи: перемѣняли подбитыя лафеты, пасти-лали платформы, таскали лѣсъ на блиндажи и погреба, носили землю на траверзы, на валъ и на банкеты, чинили амбразуры и мерлоны; словомъ, здѣсь всюду обычно кипѣла таже

дѣятельность , какъ на бастіонахъ , во время бомбардированія.

Сообщеніе люнета съ Корабельной стороною было устроено въ тылу его.

Отъ задняго конца праваго фаса шла глубокая траншея, опускавшаяся съ холма въ каменные ломки , которыми достигала лощины разстилавшейся впереди куртiны , между бастіонами Корнилова (Малаховымъ-Курганомъ) и № 2-мъ. По этой лощинѣ можно было достигнуть выхода въ сказанной куртинѣ, такъ-называемой *Рогаткѣ*.

Вправо и влѣво отъ люнета протягивались глубокия наши траншеи. Первая шла почти до доковаго оврага ; вторая же , по направленію къ Килецъ-балкѣ. Въ этой послѣдней была расположена наша 4-хъ орудійная батарея , для противудѣйствія непріятельскимъ траншейнымъ батареямъ, направленнымъ на люнетъ. Впереди укрѣпленія, въ видѣ полукруга, распадавались наши ложементы, соединенные траншеєю.

Кстати скажу нѣсколько словъ и о ложе-ментахъ.

Происхожденіе нашихъ ложементовъ было почти случайное. По большей части они возникали безъ особыхъ распоряженій начальства. Люди, высылаемые изъ укрѣпленій для содер-

жаниа ночной цѣпи, чтобы защитить себя хотя нѣсколько отъ непріятельскихъ пуль, складывали мѣстами изъ камня тоненькія стѣнки, въ видѣ полукруга, и укрывались за ними. Но пули часто пронизывали эти утлыя защиты, а потому ихъ обсыпали снаружи землею, выбирая ее изънутри ложементовъ.

Въ такомъ видѣ ложементы представляли уже болѣе самостоятельности, не спасая однако отъ ядеръ и гранатъ.

Въ послѣдствіи у насъ обратили на ложементы особенное вниманіе, и придали имъ еще большую силу и назначеніе. Войска стали занимать ихъ потомъ не только днемъ, но и ночью. На ночь располагалась въ нихъ цѣпь, высылавшая впередъ свои секреты; а днемъ занимали ихъ штуцерные, человека по 4—5-ти въ каждомъ.

Но положеніе нашихъ удальцовъ въ ложементахъ, въ продолженіи дня, надо признаться, было не завидное. Ложементы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были удалены отъ укрѣпленій на значительное разстояніе, саженой на 200, и сначала не имѣли ни какого сообщенія даже между собою. Въ лѣтніе дни, съ трехъ часовъ утра до одиннадцати вечера, подъ жгучимъ южнымъ солнцемъ, среди тысячъ опасностей,

проводили почти цѣлыя сутки почтенные герои-труженники.

Непріятель былъ крѣпко золъ на эти *стрѣлковыя ямы*, какъ онъ называлъ наши ложементы, и порой не умолкаемо громилъ ихъ ядрами и гранатами, рѣдко, впрочемъ, попадавшими, по малой цѣли ложементовъ для артиллерійскаго огня.

Въ противномъ же случаѣ, когда выстрѣлъ попадалъ въ самый ложементъ, то уже тогда разлеталась въ дребезги вся эта непрочная защита, и уцѣлѣвшимъ стрѣлкамъ приходилось перебѣгать въ ближайшій сосѣдній ложементъ, подъ настоящимъ свинцовымъ дождемъ. Положеніе редутовъ: Селенгинскаго и Волынскаго, окруженныхъ, подобно Камчатскому лунету, постоянною огненною бурей, было тѣмъ болѣе критическое, что при слабомъ своемъ вооруженіи, сравнительно съ громившими его непріятельскими батареями, они были предоставлены почти одной собственной оборонѣ.

Батареи съверной стороны и бастіонъ № 2-й хотя и могли дѣйствовать по чернымъ редутамъ, и вообще на Сапунъ-гору, но, по значительному разстоянію, нельзя было надѣяться на успешное дѣйствіе ихъ артиллеріи.

Еще въ апрѣль непріятельскія работы про-

тивъ нашихъ редутовъ значительно усилились. Сильныя батареи, съ трехъ сторонъ, обложили ихъ, но приводя въ порядокъ свое вооруженіе, не открывали еще огня. Сознавая слабость нашихъ редутовъ, сравнительно съ окружающими ихъ осадными батареями, можно было также сознать близкій конецъ упорной, геройской обороны этихъ передовыхъ укрѣпленій.

Наступила минута, когда храбрость должна была уступить силъ.

Въ три часа по-полудни 25-го мая, усиленная канонада загремѣла противъ Корабельной стороны. Самый сильный огонь непріятели сосредоточенъ былъ противъ передовыхъ нашихъ укрѣпленій. Сначала люнетъ и редуты отвѣчали смѣлой и частой пальбою, но черезъ нѣсколько часовъ выстрѣлы ихъ стали рѣже, и наконецъ, къ вечеру, замолкли совершенно. Безъ преувеличенія можно сказать, что *тучи* чугуна врывались въ амбразуры, врзывались въ мерлоны, срывая и засыпая ихъ.

Подобное бомбардированіе продолжалось всю ночь.

Ни какія сверхъестественныя усилія не могли, въ теченіи ночи, исправить все сдѣлан-

ныя и безпрестанно возобновляемыя поврежденія.

Утро 26-го мая, озарило лишь одинъ развалины передовыхъ нашихъ укрѣпленій. Брустверовъ, въ обѣихъ редутахъ и даже въ Камчатскомъ люнетѣ, почти не существовало. Это были, просто, понагроможденные въ безпорядкѣ кучи земли, туровъ, фашинъ, мѣшковъ съ землей, досокъ, брусевъ и всякой всячины. Платформы были разбиваемы бомбами, бросаемыми непріателемъ съ ожесточеніемъ; подбитая, по большей части, артиллерія сброшена съ мѣста, и до половины засыпана землею. Гарнизонъ, не имѣвшій, какъ говорится, свободной минуты, чтобъ вздохнуть, кое-гдѣ лѣпился за уцѣлѣвшими остатками вала; о банкетахъ нечего и говорить!

Непріатель непрерывно продолжалъ бомбардированіе этихъ развалинъ.

Съ полудня, однако, оно было поутихло, но часа черезъ два возобновилось съ новой силою.

Передъ вечеромъ, часовъ въ шесть съ половиною, начался штурмъ сказанныхъ редутовъ и люнета.

Понятно, что сопротивленіе многочисленно-

му врагу было невозможно; храбрость должна была уступить силъ.

Три французскія дивизиі , при двухъ баталіонахъ стрѣлковъ , кромѣ резервовъ и охотниковъ, отъ всѣхъ полковъ Франціи, бросились тенерь на штурмъ.

Самъ Пелисье находился въ траншеѣ , ниже редута Викторіи. Преслѣдуя слабыя остатки гарнизона нашихъ передовыхъ укрѣпленій, непріятель захватилъ , находившуюся въ тылу редутовъ, небольшую Забалканскую (Колокольцова) батарею и увлеченный успѣхомъ бросился черезъ Килень-балку на Корабельную сторону.

Бастіонъ № 1-й, возвышавшійся на крутизнахъ надъ самимъ почти килень-балкскимъ мостомъ, почему и могъ дѣйствовать по непріятельскимъ колоннамъ за Килень-балку, не могъ обстрѣливать картечью самага моста. Уже нѣсколько зуавовъ перебѣжало мостъ; еще моментъ—и непріятель ворвался бы на 1-й бастіонъ. Но въ эту минуту , изъ-за бастіона вылетѣла легкая № 5-го батарея 11-й бригады, спустилась съ высоты и картечью отбросила непріятеля съ моста. Въ то же время , съ другой стороны, на рейдъ , явился пароходъ Владиміръ и открылъ губительный огонь

по неприятелю. Подоспѣвшіе наши баталіоны бросились черезъ мостъ, ударили въ штыки на Французовъ и заставили ихъ отступить.

Забалканская батарея взята была нами съ бою.

Генераль-лейтенантъ Хрулевъ, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, вновь назначенный начальникомъ лѣвой половины оборонительной линіи, по получившій это назначеніе только за часъ съ небольшимъ до нападенія неприятеля на люнетъ и редуты, находился однако уже на Корабельной сторонѣ и принималъ начальствованіе.

Ординарецъ генерала, прапорщикъ Сикорскій, только-что успѣлъ прибыть на Корнилова бастіонъ для занятія помѣщенія генералу, который намѣревался прибыть сюда въ слѣдъ за нимъ, какъ неприятель повелъ уже штурмъ.

Генераль-маіоръ Заливкинъ принесть большую пользу въ это время своими энергическими распоряженіями. Несмотря на томившую его болѣзнь, съ трудомъ позволявшую ему ходить, онъ, при первой вѣсти о штурмѣ, чтобъ не терять времени, поскакалъ на неосѣдланной лошади къ резервамъ и направилъ ихъ къ оборонительной линіи.

При первомъ извѣстіи о нападеніи неприятеля

ля, Хрулевъ поспѣшно прискакалъ на мѣсто дѣйствія и, съ подоспѣвшими резервами, лично повелъ войска въ штыки и отбилъ Камчатскій люнетъ. Но вскорѣ вновь понахлынули цѣлыя толпы упорнаго непріятели.

Уже смеркалось. Наши, видя необходимость уступить превосходнымъ силамъ непріятели, отодвинулись отъ люнета, два раза переходившаго изъ рукъ въ руки.

Адмиралъ Нахимовъ, верхомъ прїѣхавшій на Камчатскій люнетъ, за нѣсколько минутъ до его штурма, не успѣлъ, обойдя укрѣпленіе, проѣхать до половины траншеи, соединяющей люнетъ съ корабельной стороною, какъ непріятель повелъ штурмъ. Услыхавши выстрѣлы, залпомъ раздавшіеся изъ небольшого числа уцѣлѣвшихъ орудій люнета, адмиралъ вернулся на штурмуемое укрѣпленіе, и въ общей свалкѣ едва не былъ взятъ въ плѣнъ. По обыкновенію, на немъ были эполеты и орденъ св. Георгія 2-го класса. Матросы едва выручили своего отца-адмирала, бросившись на непріятели съ банниками и ганшигами, которые уносили они съ прочей принадлежностью, отъ заклепанныхъ орудій люнета.

Французы, въ жару минутнаго своего успѣха, зарвались было даже до самаго Малахова-

кургана; но все подобные смельчаки уже не вернулись назадъ.

Англичане, которые должны были занять ложементы * у каменоломни, впереди 3-го бастиона, соревнуя Французамъ, безумно бросившимся на Малаховъ-курганъ, кинулись на 3-й бастионъ ** и потеряли такую же участь, какъ и Французы.

Во все время настоящего штурма, я оставался въ городъ, не имѣя ни какихъ порученій, и смотрѣлъ на дѣло, вмѣстѣ съ цѣлою толпою зрителей, съ крыши Николаевской казармы.

Видъ боя днемъ не такъ эффектенъ, какъ ночью.

Цѣлыя облака пороховаго дыма и поднимающейся земляной пыли отъ разрыва бомбъ, гранатъ и рикошетировавшихъ ядеръ, застилали корабельную сторону. Было что-то грозно-величественное, когда наши пароходы развели пары, и густой, черный дымъ длинной полосой сталъ надъ рейдомъ, когда нѣкоторые изъ нашихъ линейныхъ кораблей, залпами цѣлымъ бортомъ, загудѣли по неприятелю, такъ что

* L'ouvrage des carrières.

** Grand redan.

потряслся даже огромные своды Николаевской казармы.

Ординарцы постоянно привозили къ Начальнику гарнизона; но отъ нихъ трудно было чего-нибудь добиться о ходѣ дѣла. Вообще, если и получались какія-либо свѣдѣнія о боѣ, то они были недостаточны, туманны и сбивчивы: первый признакъ неудачи съ нашей стороны.

Наконецъ, вотъ прискакалъ одинъ ординарецъ, съ радостною вѣстью, что люнетъ взятъ нами обратно. Былъ восьмой часъ въ псходѣ.

Веселый говоръ зажуужжалъ въ толпѣ и имя генераль-лейтенанта Хрулева перелетало изъ усть въ уста.

Только на другой уже день дошли до насъ достоверныя вѣсти объ участи редутовъ и люнета.

Храбрый генераль-майоръ Тимофѣевъ командовалъ войсками по ту сторону Кленъ-балки, всеми уважаемый, всеми любимый, генераль, подававшій большія надежды и особенно отличившійся при большой нашей вылазкѣ изъ Севастополя 24-го октября 1854 года, смертельно былъ раненъ въ голову осколкомъ бомбы, и вскорѣ умеръ.

28-го, въ полдень, началось перемиріе, для уборки тѣлъ, и продолжалось до 6-ти часовъ

вечера. Сначала, парламентарскій флагъ выставили союзники, а потомъ отвѣтно появился онъ съ нашей стороны на Малаховомъ-курганѣ и 3-мъ бастіонѣ.

Огромныя толпы нашихъ и непріятелей собрались на позорище битвы.

Со стороны непріятелей пріѣзжали даже кавалькады какихъ-то амазонокъ и людей въ статскомъ платьѣ.

На здѣшнемъ боевомъ мѣстѣ, подобныя мирныя фигуры казались чѣмъ-то необыкновеннымъ.

Я также пришелъ сюда посмотреть на новое для меня зрѣлище.

Зеленѣющее, испещренное красивыми южными полевыми цвѣтками, пространство земли между Малаховымъ-курганомъ и холмомъ, на которомъ находился Камчатскій люнетъ * и далѣе по ту сторону Килень-балки, около редутовъ **, покрыто было тѣлами, изковерканными, измозженными.

Особенное мое вниманіе привлекъ одинъ молодой, чрезвычайно красивый собою Французъ

* Камчатскій люнетъ, вмѣсто: «Mamelon Vert» — переименованъ былъ Французами по взятіи его: въ Redoute Brancion.

** Селенгинскій и Волинскій редуты были также переименованы изъ ouvrages Blancs, въ ouvrages Lavarande.

офицеръ, убитый картечною пулею въ голову. Порядочная дыра во лбу его, надъ правымъ глазомъ, какъ бы нарочно, отчетливо высверленная, ясно указывала родъ смерти убиитаго. По какому-то случаю мундиръ и даже рубашка Француза были разстегнуты. На груди его, съ различными амулетами, висѣлъ медальонъ съ изображеніемъ молодой, красивой женщины.

Можетъ быть, то была его невѣста!...

Я снялъ этотъ медальонъ и вручилъ его какому-то французскому генералу, небольшого роста, толстенькому и живому. Послѣ я узналъ что это былъ Брюне (Brunet).

Убитыхъ непріятелей было множество; не легко достался имъ люнетъ!

Со стороны нашей и союзниковъ высланы были цѣпи, опредѣлившія нейтральное пространство.

Странно было видѣть людей, за нѣсколько времени до этого сражавшихся между собою на смерть, а теперь сходящихся и разговаривавшихъ весело и непринужденно, какъ бываетъ между добрыми знакомыми.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня происходила слѣдующая сцена.

— Что, братъ-мусью, на сапоги-то мои смотришь? а? спрашиваетъ нашъ егеръ одного зуава, съ любонитствомъ его осматривающаго.

Последній что-то отвѣчаетъ по своему.

Ловя смыслъ отвѣтной фразы, со свойственной русскому солдату смысленностью, и подхватывая въ ней знакомое себѣ по звукоподражанію слово: «*bottes*», нашъ егеръ не лезетъ за словомъ въ карманъ, и тотчасъ же возражаетъ Французу, какъ бы появивши его совершенно:

— Ну, *боты* такъ *боты*; по нашему же: сапоги. Полякъ тоже говоритъ: «боты». А знаешь, камрадъ-мусью, для чего Государь далъ намъ такіе *буиѣ*—крѣпкіе сапоги? Чтобъ крѣпче было становиться на ногу, когда маршируемъ; вотъ такъ: разъ, два, три; разъ, два, три... поясняетъ онъ, маршируя.

Французъ улыбается.

Возлѣ нихъ собралась уже порядочная кучка любонитныхъ.

— А вотъ вамъ, продолжаетъ егеръ, указывая на сандалинъ зуава, *пантуфли*-то эти даны, чтобы лучше было, того, на утекъ, *лататы* задавать, говоритъ онъ, сопровождая сказанное выразительной мимикой, подбирая

полы своей шинели и показывая видъ, какъ бы убѣгаетъ.

За выходкой этой послѣдовалъ общій взрывъ смѣха, какъ нашихъ, такъ и непріятелей, появившихъ, какъ казалось, весь оттѣнокъ разговора, точно рѣчь шла на ихъ родномъ языкѣ.

Между прочимъ никто и не примѣтилъ, какъ французскій генераль съ однимъ офицеромъ подошли сюда и были свидѣтелями всей продолжки молодца-егеря.

Когда послѣдній кончилъ, генераль этотъ подошелъ къ нему, спросилъ у него фамилію, записалъ къ себѣ въ бумажникъ и подарилъ разскащику двадцати-франковую монету.

Я прошелъ далѣе. Подойдя поближе къ небольшой группѣ, состоявшей изъ двухъ французскихъ офицеровъ и одного нашего, я различилъ въ нашемъ офицерѣ штабсъ-капитана П*, большого весельчака.

Два французскіе офицера, съ которыми онъ разговаривалъ, были юные поручики, какого-то «régiment de ligne».

Я предчувствовалъ, что П* непременно выкинетъ какую-нибудь шутку. Французы сами напросились на нее.

Одинъ изъ поручиковъ спросилъ П*, не

знаетъ ли онъ фамиліи командира батареи на 5-мъ бастионѣ, изъ которой такъ особенно часто допекаютъ ихъ капральства «les bouquets», какъ выразился Французъ.

— «Это я, къ вашимъ услугамъ. Capitaine Thadet», отвѣтилъ П*.

Въ сущности же онъ даже не числился на 5-мъ бастионѣ; при томъ же, былъ не артиллеристъ.

Импровизированную же фамилію свою «Тадэ», произвелъ онъ вѣроятно отъ своего имени: Фаддѣй.

При отвѣтѣ П*, со стороны французовъ, посыпались любезности.

— Мы вообще замѣтили, продолжалъ другой Французъ, поручикъ, что вы болѣе всего угощаете насъ бомбами и bouquet'ами передъ вечеромъ.

— Ah! c'est que je vais goûter alors l'eau de vie: je dine à cette heure:

Французы приняли что за чистую монету.

И долго потомъ, когда упомянутая батарея 5-го бастиона (слыхомъ не слыхавшая ни о какомъ Capitaine Thadet), бросала порой, передъ вечеромъ, капральства, слышался изъ французскихъ траншей противъ этого бастиона крикъ;

«Capitaine Thadet, va prendre de l'eau de vie, hourrraaa, capitaine Thadet!»

Но вотъ, бѣлые флаги скрылись, и опять, по прежнему, завизжали ядра, засвистали бомбы, зажужжали пули... а съ ними зарыскала смерть по Севастополю.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several lines of a document or report.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several lines of a document or report.

Перемѣны въ городѣ послѣ 26 мая. — Неудавшаяся поѣздка. — Я отправляюсь на бастіонъ, на постоянное тамъ пребываніе. — Нѣсколько словъ объ адмиралѣ Нахимовѣ. — Июньское бомбардированіе. — День 5 іюня. — Я отправляюсь на Малаховъ курганъ. — Бѣглый взглядъ на укрѣпленіе Малахова кургана. — Штурмъ 6 іюня.

Со взятія люнета и редутовъ, въ городѣ, кромѣ Николаевской площади, почти не было безопаснаго мѣста.

Куда залетали прежде развѣ только ракеты, появились теперь и бомбы и ядра. Екатерининская улица видимо пустѣла, торопливо выселяясь или на сѣверную сторону, или въ Николаевскую казарму. Но рынокъ, находившійся въ началѣ Морской улицы, близъ седьмаго бастіона, кишилъ людомъ по прежнему, не смотря на частое посѣщеніе его различными артиллерійскими снарядами и даже пулями. Последнія, впрочемъ, были еще случайныя — *шалыныя*. Весь городъ становился на совершенно боевую ногу. Огненный ураганъ

осады захватывалъ уже весь его отдаленные, мирные дотоль уголки. Грустно, тоскливо стало новилось на душѣ при видѣ всеобщей гибели и разрушенія; нельзя было выпскасть мѣста, гдѣ бы свободно можно было дохнуть, забыться хотя кратковременно ото всего окружающаго. Рейдъ также началъ обстрѣливаться сильнѣе: ядра стали ложиться у самаго Михайловскаго укрѣпленія.

Линія нашихъ кораблей отодвинулась по направленію къ бонамъ. На пристани сѣверной стороны стало окальчивать людей, какъ и на бастіонахъ.

Одинъ знакомый мнѣ офицеръ былъ назначенъ къ отправленію изъ Севастополя въ Петербургъ, съ какимъ-то важнымъ порученіемъ. Мать, сестры, братъ ждали его тамъ... Но смерть раньше всѣхъ подготовила ему встречу! И гдѣ же? не на бастіонѣ, на которомъ бывалъ онъ сотню разъ; не въ бою, въ которомъ онъ вдавался въ самый жаркій огонь; а на пристани сѣверной стороны, при послѣднемъ шагѣ отъ ужасовъ Севастополя; въ виду почтовой тройки, которая чрезъ нѣсколько минутъ должна была умчать его къ почестямъ, мирной жизни и родному семейству.... Едва успѣлъ мой несчастный знакомый вый-

дти изъ перевозившаго его катера и ступить нѣсколько шаговъ по сѣверной сторонѣ, какъ ядро выбрало его одного изъ цѣлой толпы народа и оторвало ему обѣ ноги.

29 мая, какъ теперь помню, былъ особенно хорошій день. На небѣ ни облачка, кромѣ, развѣ, дымныхъ облаковъ отъ высоко рвавшихся бомбъ. Черное море, тихо плескавшееся у береговъ—страдальца Севастополя, стлалось мелкой рябью и, съ самой дали, пригрѣтое южнымъ солнцемъ, переливалось чисто голубымъ, гдѣ-гдѣ позлащеннымъ цвѣтомъ. Свѣжій вѣтерокъ вѣялъ съ моря, едва помахивая верхушками сильно благоухающихъ акацій и сирени. Въ самой природѣ все было далеко отъ ужасовъ и смерти... все чаровало, все казалось созданнымъ на благо и нѣгу для человека... Въ этотъ день приходилось мнѣ вѣхать, по порученію своего батарейнаго командира, въ нашъ бригадный штабъ на Меккензіеву гору. Заранѣе отправилъ я на пароходъ, на сѣверную сторону, свою верховую лошадь; самъ же остался ожидать только присылки отъ батарейнаго командира необходимыхъ бумагъ, съ которыми долженъ былъ вѣхать.

Съ истинно дѣтскимъ удовольствіемъ помышлялъ я о пріятности предстоявшаго мнѣ

пути, въ совершенной безопасности, на чистомъ свѣжемъ воздухѣ, среди безконечной зелени, горъ, цвѣтовъ и лѣсу. Мы давно уже отвыкли думать о завтрашнемъ днѣ, день, проведенный спокойно, казался вѣчностью; можно себя представить, какъ радовался я перспективѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ впереди, какъ жаждалъ я сбросить хотя на время пыль и прахъ севастопольскаго ада.

Скоро, очень скоро рушлись мои мечты о поѣздкѣ. Съ досадой внутренне сознался я, что лучше уже было бы не загадывать напередъ, по-крайней-мѣрѣ избавился бы неприятности обманутаго ожиданія.

Вмѣсто бумагъ, съ которыми приходилось мнѣ ѣхать на Меккензіеву гору, получилъ я бумагу, опредѣлявшую мнѣ: отправляться на бастіонъ, и притомъ на неопредѣленное время, быть можетъ—до самаго *конца* осады.

Неожиданность эта произошла въ слѣдствіе внезапно полученнаго отъ главнокомандующаго приказанія: отправить на нѣкоторые бастіоны, для усиленія ихъ обороны, нѣсколько легкихъ полевыхъ орудій.

Серьезному своему назначенію я, впрочемъ, очень обрадовался. Давно уже хотѣлось мнѣ находиться на бастіонѣ постоянно. Между про-

чимъ, признаюсь—былъ здѣсь и маленькій расчетъ съ моей стороны.

Въ городъ во всякое время могло меня, убить или ранить, безъ всякой пользы; лучше же думалъ я, если уже мнѣ суждено быть убитому, пусть постигнетъ меня эта участь при исполненіи долга, въ первой предѣ непріателемъ линіи, нежели на прогулкѣ, во время сна, или гдѣ и какъ-нибудь еще хуже того.

Подобное моему назначеніе получилъ въ нашей батарее, кромѣ меня, еще одинъ офицеръ. Одному изъ насъ приходилось отправляться на Шварца редуть; другому же къ каземату 5 бастіона. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно принято: бросать жребій. Но я рѣшительно отказался какъ отъ жребія; такъ и отъ собственнаго выбора, что весьма любезно предлагалъ мнѣ товарищъ мой. Взамѣнъ его любезности, я также предоставилъ ему право выбора...

— Когда такъ, отправляйтесь же на Шварца редуть, сказалъ онъ, и пеняйте на самого себя; шутиливо отвѣчалъ онъ мнѣ.

Шварца редуть, дѣйствительно, признавалъ весь Севастополь за весьма опасное мѣсто, но я ни мало не жалѣлъ о томъ, что отказался отъ выбора.

Вообще между военными людьми считается

не хорошимъ дѣломъ напрашиваться куда бы то ни было: у насъ въ Севастополь этотъ взглядъ разделяемъ былъ всеми. Были даже мистики своего рода, положительно утверждавшіе, что судьба всегда жестоко наказываетъ *напрашивающихся*.

Въ обычный часъ передвиженій войскъ въ Севастополь—о сумеркахъ, прибылъ я съ четырьмя орудіями на мѣсто новаго своего назначенія. Вѣренный мнѣ дивизионъ назначался для обстрѣливанія Шварца-редута, на случай штурма. Траверзъ, на который должно было вскатывать моп орудія, находился у самой горжи редута, на примыкавшей къ нему батарее, крайней лѣво-фланговой 5 бастіона, сообщавшейся съ редутомъ посредствомъ блиндированнаго хода.

Выполнивши все, что требовалось сдѣлать тотчасъ же, по приходѣ на бастіонъ, отправился я въ блиндажъ къ командиру батареи, лейтенанту А*, чтобы познакомиться съ тѣмъ, въ чьихъ владѣніяхъ находился я съ моею командою.

Не на одно дежурство собрался я теперь на бастіонъ, а потому не мѣшало поустроиться немного; послѣ чего, обыкновенно, становится какъ-то легче, даже въ самыхъ тяжелыхъ слу-

чаяхъ жизни. Съ переходомъ отъ обыкновенной жизни къ бастіонной, человекъ псвольно становится мрачнѣе. Съ подобнымъ настроеніемъ, усилившимся во мнѣ еще болѣе по случаю неудавшейся загородной поѣздки, сходплъ я въ блиндажъ, по крутой лѣсенкѣ. Небольшое офицерское отдѣленіе полно было офицеровъ; тамъ пили чай и веселымъ хоромъ, довольно стройно, пѣли какую-то пѣсню; съ перваго разу, казалось, италіанскую. Прислушавшись, я увѣрился, что это происходило отъ сочетанія въ ней словъ италіанскихъ съ русскимъ.

Пѣсенка, о которой говорю, была въ большемъ ходу на 5-мъ бастіонѣ и пѣлась довольно часто; впрочемъ, по случайному впечатлѣнію, произведенному ею въ то время на меня, я запомнилъ ее съ разу. Заговоривши о ней, даю мѣсто и ей самой.

Вотъ она:

Полно прѣсть *Chiara mia*
Брось свое веретено,
Въ Санъ-Луиджи прозвонили
Къ *Ave Maria* давно.

У сосѣдняго фонтана
Собралися веселыхъ рой
Всѣхъ *Transtewer*'скихъ красавиць,

Лишь тебя нѣтъ, ангелъ мой.
Слышишь — строятъ инструменты,
Всѣ такъ веселы, мой свѣтъ,
Звуки бубна, мандолины,
И бряцанье кастаньетъ.
Поскорѣй, въ нарядъ воскресный,
Нарядись, моя краса;
Что, готова? — О, рег Вассо,
Какъ ты дивно-хороша!...

Нечего говорить о томъ, что и пѣсня, и живая ея музыка произвели на меня сильное впечатлѣніе.—Да и вообще говоря, что за диво было человѣку, втянувшемуся въ Севастопольскую жизнь, изнуренному однимъ и тѣми же, суровыми впечатлѣніями, поддаться обаянію и простенькой пѣсенки, но рисовавшей свѣтлыя картины жизни безмятежной, полной тихихъ радостей и веселья, которыя скорѣе представлялись чѣмъ-то фантастическимъ, нежели обыкновенною дѣйствительностью.

Я напился чаю по радушному угощенію цѣлой компаніи; говорю цѣлой, потому что по незатѣйливости бастіоннаго хозяйства А*, угощать меня пришлось почти каждому: тотъ предложилъ мнѣ свой стаканъ, допивши его, другой далъ чайную ложечку, кто блюдечко, а кто безъ церемоніи наложилъ мнѣ въ стаканъ

сахару, ближе къ нему бывшаго, нежели ко мнѣ; нанившись чаю, вышелъ я изъ блиндажа на батарею. Нанѣвъ пѣсенки все звучалъ въ моихъ ушахъ, хотя её и перестали уже пѣть; такъ всё и чудилось веселое гулянье, итальянская природа и транстеверянки съ черными волосами. Оглядѣвъ свои орудія и прислугу, въ которой одного человѣка я уже недосчитывался, остановился я у ближней амбразуры, прислонясь къ орудійному станку. Ночь была темная, но тихая. Батарея наша молчала. Всѣ ея орудія, наведенныя какъ для штурма, таили въ своихъ огромныхъ жерлахъ тяжелую картечь; даже скорострѣльные трубки поставлены были въ запалахъ. Зажженные фитили, воткнутые въ землю, каждый у своего орудія, свѣтились какъ заостренный и раскаленный уголь; прислуга и прикрытіе бодрствовали на своихъ мѣстахъ.

Было тихо. Лишь изрѣдка залетала непріятельская бомба или ядро, да проносились пули, то жужжа или тихо гудя, то жалобно завывая, то вдругъ звеня, какъ струна, или отрывисто пощелкивая, попадая во что нибудь твердое. Въ глубинѣ батареи, длинной, тонувшей во мракъ, вереницей тянулась смѣна прикрытія на Шварца редутъ. Безпрестанно выдѣ-

лялись оттуда темныя фигуры , всё яснѣе и яснѣе опредѣлявшіяся по мѣрѣ приближенія ихъ къ освѣщенному образу , на который , какъ на единственную свѣтлую точку батарей , глаза мои устремлялись сами собою.

Теплящіяся у божницы восковыя свѣчи бросали вокругъ причудливый матовый свѣтъ , полуобрисовывая лишь , на ночномъ фонѣ , энергическія , спокойныя лица подходящихъ молиться солдатъ . Освѣняя себя крестнымъ знаменіемъ , каждый изъ нихъ творилъ краткую молитву , иногда тихо , иногда во весь голосъ , а потомъ задумчиво отодвинувшись назадъ , совершенно терялся во мракъ .

Вѣроятно я былъ свидѣтелемъ не одной послѣдней молитвы , не одной исповѣди . Многіе изъ тѣхъ , кто появлялся теперь на свѣтломъ кругу , образованномъ слабыми лучами теплящихся у образа свѣчей , многіе должны были исчезнуть , за эту ночь , съ лица земли , и пропасть для цѣлаго свѣта , какъ пропали они предо мною , отходя въ темноту отъ свѣтлаго круга . Долго глядѣлъ я на мелькавшіе предо мною закалённыя серьезныя лица защитниковъ Севастополя ; вдругъ возлѣ меня раздались такія слова :

« А вѣдь здѣсь не ладно — кабы того... »

Затѣмъ говорившій выразительно крикнулъ. — Я оглянулся: близь меня, на поворотной платформѣ того же орудія, у котораго я стоялъ, сидѣлъ матросъ, раскуривая трубочку. — «А что такое?» спросилъ я его оглядываясь.

«Да вонъ какъ садить пули-то; этта абразура, значить, не хорошее мѣсто.» И я дѣйствительно услышалъ частое поцелкиваніе въ амбразуру, и по занавѣсивавшему её тросовому щиту*. Прежде я полагалъ, что тамъ копошатся рабочіе.

— А вотъ ты же сидишь, замѣтилъ я матросу.

«Мы вѣдь здѣшніе...» возразилъ онъ, спокойно продолжая себѣ кейфовать, съ трубочкой во рту. — Въ это самое время подошелъ ко мнѣ А*, и съ первыхъ словъ также предупредилъ меня, что я стою не на *хорошемъ* мѣстѣ. — На этотъ разъ я инстинктивно отодвинулся отъ амбразуры.

— Здѣсь у меня бомбическое, добавилъ А*, такъ французъ и зарится подбить мнѣ его; и

* Щиты эти сплетены были изъ корабельныхъ веревокъ (тросу.) Занавѣшивая ими амбразуры, защищались отъ штуцернаго огня, весьма губительнаго; въ особенности въ послѣдній періодъ осады.

ночью часто стрѣляетъ по немъ , думая , что мы починаемъ. Вчера вотъ , продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: лучшаго комендора моего прихлопнуло на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ вы прежде стояли. Да, частенько похлопываетъ здѣсь, прибавилъ онъ.

Лейтенантъ А* былъ средняго роста, прекрасно сложенный, молодой и очень красивый собою брѣнствъ. Впрочемъ, постоянная жизнь на бастіонѣ, гдѣ онъ находился съ самаго начала осады, разрушительно на него дѣйствовала: А* похудѣлъ, пожелтѣлъ, словомъ опустился. Немного походивши вмѣстѣ по батарее, мы разошлись: А* пошелъ осматривать работы, на своей батарее, я же въ блиндажъ. Никого тамъ не было. Не смотря, что А* самъ, безъ моей просьбы, пригласилъ меня раздѣлить съ нимъ его помѣщеніе , я , лучше теперь осмотрѣвши блиндажъ, призадумался о возможности воспользоваться радушнымъ его приглашеніемъ. Двѣ кровати, между которыми стоялъ въ головахъ небольшой столикъ , занимали все пространство. Надъ одною висѣла флотская полусабля съ «Анной за храбрость»; надъ другою пѣхотная , съ тѣмъ же украшеніемъ. Очевидно, съ А* помѣщался еще кто-то , и вторая кровать не гуляла.

— Викторъ Александровичъ! Викторъ Александровичъ здѣсь?.. прокричалъ кто-то сверху входа; и не дожидаясь отвѣта, тяжело и шумно сбѣжалъ по лѣсенкѣ. Это былъ мичманъ П*, помощникъ А*, очень молодой человекъ, еще безусый, но полный, высокій и очень недурный собою. Я уже познакомился съ нимъ, при первомъ моемъ приходѣ въ блиндажъ.

— Знаете-ли что, обратился онъ ко мнѣ, не хотите ли помѣститься со мною; я живу отдѣльно, здѣсь, на этой же батарее. Третьяго дня убило кондуктора, который жилъ со мною, такъ вотъ на его мѣсто и милости просимъ.—Я искренно поблагодарилъ его за приглашеніе, которому, признаться, очень обрадовался. Даже, грѣшный человекъ, не сильно пожалѣлъ о убитомъ. Сейчасъ же П* повелъ меня осмотрѣть общее наше жилище. Оно было въ родѣ конуры, и состояло изъ двухъ отдѣленій, тѣсныхъ и низкихъ до того, что ходить въ нихъ надо было принагнувшись. Въ первомъ, у внутренней стѣны, на лавкѣ, постлана была постель П*; на супротивъ се стоялъ столкѣ; во второмъ же, кромѣ необходимаго мѣста для прохода, все пространство занимали двѣ лавки, прилаженные у смежныхъ

стѣнъ. Одна изъ этихъ лавокъ и назначалась въ мое владѣніе. Другая же принадлежала кондуктору, завѣдывавшему письменной частью батареи. Это второе отдѣленіе, не смотря на чрезвычайно малый размѣръ его, поддерживалось внутри двумя столбиками, подпиравшими досчатый потолокъ, удерживавшій насыпь траверза. Сквозныя окошечки, прорѣзанныя въ наружной стѣнкѣ cadaго отдѣленія, служили для проуска свѣта и воздуха.

Немедля велѣлъ я застлатъ свою лавку принесенными съ квартиры принадлежностями моей постели, и съ удовольствіемъ улегся на ней, размышляя о треволненіяхъ кончающаго дня. П* куда-то ушелъ; моего сожителя, кондуктора Севастопольской инженерной команды, также не было. Уже дремота начала одождать меня. Вдругъ я невольно соскочилъ и инстинктивно началъ разстегиваться. Казалось, тысячи булавокъ прогуливались по мнѣ. Въ первую минуту я не могъ даже хорошенько сообразить весьма простой тому причины. Судорожно зажегши свѣчу, отсрнулъ я свое одѣяло и моя догадка оправдалась совершенно: предо мною запрыгала, заскакала цѣлая орда такъ называемыхъ *черкесовъ*.

— Викторъ Александровичъ приказали про-

спть васъ къ нимъ на ужинъ-съ, — басомъ проговорилъ кто-то возлѣ, почти испугавши меня. Я оглянулся, все держа еще въ рукахъ свѣчу, и увидѣлъ усатую, обросшую густыми бакенбардами физиономію какого-то матроса. «Кто такой Викторъ Александровичъ?» съ досадою спросилъ я его. — «Командиръ нашей батареи — лейтенантъ А*,» опять пробасилъ тотъ-же лѣсъ волосъ, казавшійся теперь немного удивленнымъ. — «Хорошо, сейчасъ буду,» отвѣтилъ я, и переодѣвшись, отправился въ блиндажъ къ А*. Скажу кстати, что матросы не величали своихъ офицеровъ: «его благородіемъ», а просто звали по имени и отчеству.

Вся ужинающая компанія была въ сборѣ, ждали только меня. О постигшемъ меня на новосельи сюрпризѣ, умолчать я не смогъ, и повѣдалъ предъ всѣми свое горе, вызвавшее единодушный веселый смѣхъ. «Вы, вѣроятно забыли посыпать вашу простыню персидскою ромашкой,» замѣтилъ мнѣ наконецъ А*. Дѣйствительно, мнѣ, которому доводилось, во время дежурствъ своихъ на бастіонѣ, ночевать постоянно на чужихъ, устроенныхъ уже постеляхъ, не пришло въ голову остеречься отъ внутренняго врага бастіоновъ, допекавшаго здѣсь хуже пуля. Въ пользу мою тотчасъ же

была сдѣлана складчина, и меня вдоволь снабдили спасительнымъ персидскимъ снадобьемъ. До самаго разсвѣта никто не ложился спать. Мы, съ П*, сѣиграли между прочимъ въ шахматы. А* составилъ партію въ преферансъ. Уже въ четвертомъ часу утра разбрелись мы на покой. Не раздѣваясь, какъ и всѣ, по общепринятому обыкновенію на бастіонахъ, заснулъ я уже спокойно на своемъ ложѣ, и проснулся на другой день лишь въ десять часовъ утра. Мнѣ кажется, я проспалъ бы еще болѣе, еслибъ не разбудилъ меня одинъ изъ моихъ взводныхъ фейерверкеровъ, докладывавшій о только-что подбитомъ орудіи непріятельскою бомбою; двое моихъ солдатъ были ранены.

Подъ вечеръ посетилъ нашу батарею адмиралъ Нахимовъ, часто обходившій бастіоны. Всегда твердый, спокойный, какъ ангель-утѣшитель являлся онъ морякамъ, готовымъ въ огонь и въ воду, по одному мановенію своего отца-адмирала. Вліяніе Нахимова на матросовъ было неограниченное. Въ него вѣровали они, и мощный рычагъ для нихъ былъ: слово Нахимова. Во время мартовскаго бомбардированія, въ одинъ день, непріятель особенно сильно сталъ громить 4-й бастіонъ: всего *разворотили*, какъ поразительно вѣрно выражались моряки.

Донесли Нахимову, что нѣтъ силъ исправить поврежденія. Онъ тотчасъ прїѣхалъ туда самъ.

— Что это за страмъ-съ! съ гнѣвомъ обратился онъ къ матросамъ:—шесть мѣсяцевъ-съ учать васъ подъ огнемъ строиться и исправляться. Пора бы-съ присноровиться , сметку имѣть.

— Ради стараться!... Будетъ сдѣлано! дружно вскричали матросы, у которыхъ всё закипѣло. И дѣйствительно , они исполнили почти невозможное.

Не забуду также слѣдующаго случая , которому я самъ былъ свидѣтель.

26-го мая , въ то время , какъ непріятель бросился на штурмъ редутовъ и Камчатскаго люнета, одна матроска, стоя у дверей своего домика; на взрыдъ плакала.

— Чего , баба , разревѣлась... спросилъ ее проходившій матросъ.

— О-о-охъ! сердешный ты мой , какъ не плакать-то головушкѣ моей бѣдной, сынокъ-то мой на Камчатскомъ! а вишь ты... што тамъ за страсти!...

— Ээ... баба! Да вѣдь и Нахимовъ тамъ.

— И вправду! Ну, слава-жъ тѣ Господи! проговорила матроска, будто оживившись и крестясь весело.

На видъ, Павелъ Степановичъ былъ угрюмъ и серьезенъ, особливо во время осады Севастополя. Рѣчь его была отрывиста, но вмѣстѣ ясна и опредѣлительна. Иногда одного мѣткого слова его достаточно было, для уразумѣнія самаго сложнаго обстоятельства. Одѣтъ онъ былъ теперь, по обыкновенію, въ сюртукъ съ эполетами и Георгіемъ. Адмиралъ былъ выше средняго роста, но держался немного сутуловато. Сложенный плотно; лицомъ румяный, онъ казался совершенно здоровымъ, въ сущности же Павелъ Степановичъ страдалъ, какъ отъ давнишняго своего недуга, такъ и отъ контузии *, полученной имъ въ Севастополь, о которой онъ не хотѣлъ и думать и только разъ какъ-то проговорился.

Всѣ матросы радостно высыпали на встрѣчу своего любимаго адмирала. Въ то время, когда адмиралъ проходилъ по нашей батарее, неприятельское ядро подбило одно орудіе; двадцати-четырехъ фунтовую пушку-карронаду, стоявшую на кремальерѣ; Нахимовъ тотчасъ же подошелъ къ ней и приказалъ снять занавѣсившій амбразуру щитъ. Одинъ изъ матро-

* 26 мая, во время штурма редутовъ и Камчатскаго люнета, Нахимовъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ спину.

совъ , работавшихъ около подбитаго орудія , тотчасъ же полѣзъ исполнять приказаніе , но снялъ напередъ фуражку предъ адмираломъ.

— Я ему дѣло говорю дѣлать, а онъ-съ фуражку ломаетъ, съ досадою сказалъ Нахимовъ. А все-таки молодецъ, прибавилъ адмиралъ, видя, что матросъ , не смотря на посылавшіяся на него пули , сталъ снимать щитъ со стороны непріятеля. Со вниманіемъ осмотрѣвши направление амбразуры и позицію непріятеля, адмиралъ пошелъ далѣе , сказавши ласково матросу: когда дѣло велеть дѣлать , пустяками заниматься нечего-съ.

Съ 3-го іюня непріятель открылъ канонаду по лѣвой половинѣ нашей оборонительной линіи; у насъ же на правой половинѣ все было спокойно. Даже обычная перестрѣлка шла очень вяло. Вотъ уже 4-е и 5-е іюня, огонь на лѣвой половинѣ все не прекращается , а у насъ все тишина. Начиная съ перваго іюня, весь дни стояла сильная жара; въ особенности 5-го. Солдаты и матросы лѣниво дремали, прикурнувши гдѣ кто могъ, подъ тѣнью. Только и раздавался на батарее голосъ сигнальнаго, изрѣдка лѣниво прокрикивавшаго: пу-у-шка, а еще лѣнивѣе: ма-а-ркс-ла. Казалось, сама смерть за-

лѣнчилась; и на нашей батарее , пока, не было ни одного убитаго.

Пробило три часа по полудни. Я читалъ одинъ изъ нашихъ журналовъ , сидя у входа въ своей блиндажикъ , на картечи для бомбоваго орудія. П* также сидѣлъ возлѣ , и то тянулъ лимонадъ чрезъ соломинку, съ наслажденіемъ, то напѣвалъ любимую свою: «La donna e mobile»... Комендоръ, родомъ изъ татаръ, по-прозваніи Шамай , сообщалъ мичману свои похождения въ городъ, гдѣ онъ отбывалъ какой-то изъ своихъ магометанскихъ праздниковъ, и откуда только что вернулся. По площадкѣ батареи важно прохаживался рьяный пѣтухъ , изрѣдка гонявшійся за двумя-тремя курицами, принадлежавшими, какъ и онъ, къ хозяйству офицеровъ. На доскѣ, у большаго блиндажа, грѣлся на солнцѣ котъ, жмуря глазами. Мухи смертельно надоѣдали, зарясь и на насъ всѣхъ, и на пѣтуха съ его гаремомъ, и на самаго кота, который, скалясь, щелкалъ иногда зубами, какъ собака, желая поймать особенно докучавшую ему муху. Зной нагонялъ такую тоскливую лѣнь , что , казалось , и выстрѣлъ лѣниво звучалъ, и бомба просвистывала лѣниво; лѣниво стрѣляли штуцера; летали лѣниво пули.

Вдругъ отъ непріятели изъ лощины, удари-

ли три раза картечью по нашей батарее и, какъ по сигналу, началась страшная канонада. Декораціи перемѣнились! Въ мигъ все было у насъ по мѣстамъ. Бомбовое орудіе, находившееся близъ нашего блиндажика, рывкнуло первымъ, за нимъ прогрохотали прочія орудія; далѣе подхватила слѣдующая батарея, принявъ весь 5-й бастионъ, за нимъ слѣдующій, далѣе-далѣе и весь Севастополь задымился, загудѣлъ, затрясся. Первые минуты бомбардированія всегда бывали особенно гибельны.

Комендоръ Шамай, за минуту передъ тѣмъ весело балагурившій съ мичманомъ, былъ убитъ въ шагъ отъ меня первымъ же непріятельскимъ ядромъ, влетѣвшимъ на батарею; оно вырвало ему грудь. Еще одно ядро, ворвавшееся въ ближайшую амбразуру, на-поваль убило двухъ солдатиковъ.

Въ это самое время кто-то судорожно схватилъ меня за руку, я оглянулся, предо мною стоялъ товарищъ мой, назначившій себѣ стоянку у каземата 5-го бастиона. Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ, но спокоенъ. Я полагалъ уже, что онъ сильно раненъ, не объясняя себѣ блѣдность его ни чѣмъ инымъ, потому что онъ дѣйствительно былъ храбрѣйшій человекъ. Въ этихъ мысляхъ хотѣлъ я уже спросить его,

куда онъ раненъ; но онъ предупредилъ меня, первый начавши говорить. «Я пришелъ проститься съ вами, сказалъ онъ мнѣ, особенно странно произнося слово: «проститься»; — я отираюсь со своимъ орудіями на Малаховъ-Курганъ... Прощайте же однако, меня ждутъ... пора...» торопливо сказалъ онъ, и поцѣловавшись со мною, что также было довольно необыкновенно съ его стороны, скорыми, но твердыми шагами пошелъ отъ меня и скоро скрылся въ свирѣпствовавшемъ вокругъ хаосъ огня, дыма и пыли.

Выбравши себѣ удобное и по возможности прикрытое мѣсто, я сталъ наблюдать за полѣтомъ снарядовъ и, по просьбѣ лейтенанта, присматривать за порядкомъ. Въ прицѣливаніе я не вмѣшивался, потому что камендоры сами отлично наводили свои орудія, зная ихъ въ совершенствѣ. Больше обращалъ я вниманіе на пальбу разрывными снарядами, какъ требующую тщательнаго заряжанія и которая, конечно, не могла быть хорошо знакома морякамъ во всѣхъ ея тонкостяхъ. Безъ труда различилъ я, что бомбовыя орудія батареи дѣйствовали удивительно. Они стрѣляли рѣдко, но за то каждый ихъ выстрѣлъ попадалъ въ цѣль и сильно вредилъ непріятелю. Выстрѣлами изъ

нихъ, на моихъ глазахъ, совершенно были разрушены одна за одной четыре непріятельскія амбразуры, которыя тотчасъ же и были заложены Французами. Отличительная черта настоящаго іюньскаго бомбардированія состояла въ сильномъ вертикальномъ огнѣ, при слабой только поддержкѣ прицѣльнаго, — слабой сравнительно съ прочими бомбардированіями.

Къ вечеру подплылъ къ Александровской батарее англійскій пароходъ-фрегатъ, стрѣлявшій залпами по рейду и городу, съ цѣлью, вѣроятно, поражать наши резервы. По ракетѣ съ этого парохода-фрегата, большинство непріятельскихъ батарей давало по городу мортирный залпъ, въ совокупности съ залпомъ цѣлымъ бортомъ фрегата. Ракеты боевыя, и съ зажигательнымъ составомъ, цѣлую ночь безпрестанно были бросаемы въ городъ, въ огромномъ количествѣ. Бомбардированіе стоило зваться адскимъ, но рѣшусь сказать, со стороны непріятеля оно было ошибочно въ томъ смыслѣ, что, какъ вспомогательное средство для штурма, оно не могло ему принести выгодныхъ результатовъ.

Съ октябрьскаго бомбардированія по мартовское, непріятель удостовѣрился, что вредить севастопольскому гарнизону безнаказанно можно

вертикальнымъ огнемъ по небольшому числу мортиръ въ Севастополь. Усилившись мортирами въ мартовское бомбардированіе, непріятель имѣлъ ощутительный перевѣсъ надъ нами: мы теряли несоразмѣрно много людей. Съ этого времени стало замѣтно у союзниковъ рѣшительное преобладаніе навѣснаго огня надъ прицѣльнымъ. Вѣроятно, непріятель хотѣлъ поколебать этимъ стойкость гарнизона.

Поощряемый свѣдѣніями о нашей потерѣ людьми, непріятель еще болѣе увеличилъ количество мортиръ къ настоящему іюньскому бомбардированію, и оно, главнымъ образомъ, состояло изъ вертикальнаго огня. Но если цѣль бомбардированія должна была заключаться не въ одномъ истребленіи нѣсколькихъ тысячъ народа *, но въ скоромъ обезоруженіи верковъ, въ приведеніи ихъ въ негодность къ рѣшительной минутѣ штурма, то она далеко не выполнила своего назначенія. Въ предштурмной бомбардировкѣ; притомъ кратковременной, каковѣ была настоящая, перевѣсъ вертикальнаго огня былъ совершенно неумѣстенъ. Для

* Тѣмъ болѣе, что цифра севастопольскаго гарнизона, при небольшомъ колебаніи, постоянно была одинакова, по случаю возможности безостановочнаго пополненія убылыхъ.

пораженія брустверовъ необходимы длинныя орудія; дѣйствуя изъ нихъ, можно только рассчитывать сбить орудія, разрушить амбразуры, засыпать ровъ. Тогда навѣсный огонь удваиваетъ свою пользу: поражая войска, онъ мѣшаетъ починать верки.

3-го и 4-го іюня полки наши таяли подъ страннымъ мортирнымъ огнемъ непріятеля, но укрѣпленія повреждались мало, или по-крайней-мѣрѣ на столько, что была возможность исправить ихъ за ночь.

5-го прицѣльный огонь чрезвычайно усилился въ связи съ навѣснымъ, такъ-что многіе бастіоны были сильно повреждены; но это положеніе продолжалось лишь до вечера. Со времени же открытія огня съ непріятельскаго парохода-фрегата, подошедшаго къ Александровской батарее на пушечный выстрѣлъ, союзныя батареи сосредоточили свой огонь большею частью по городу. Цѣлыя тучи бомбъ, ракетъ, каленыхъ ядеръ преимущественно перелетали черезъ бастіоны, падали въ Корабельную слободку, морской госпиталь, Екатерининскую улицу, Театральную и Николаевскую площади.

Словомъ непріятель не напрягъ всѣхъ своихъ усилій противъ самихъ бастіоновъ, а увлекшись мыслью поражать наши резервы, далъ

намъ возможность исправить наши поврежденія въ ночь на 6-е іюня.

Весьма также полезно было для насъ предусмотрительное распоряженіе начальника артиллеріи Севастополя, полковника Шейдемана (нынѣ генераль-маіоръ), приказавшаго, видя ошибочное направленіе бомбардированія отвѣчать на огонь непріятеля по возможности рѣдко, отодвигая орудія къ мерлонамъ. Чрезъ это непріятель также вдался въ ошибку, полагая, что наши орудія подбиты имъ, и мы оттого слабо ему отвѣчаемъ *.

Предъ началомъ штурма непріятель прекратилъ канонаду по лѣвой половинѣ совершенно. Это была огромная ошибка, тѣмъ болѣе важная, что разстояніе отъ непріятельскихъ траншей до рва нашихъ бастіоновъ всюду было не менше 100 сажень. Въмѣсто того, чтобъ штурмовать подъ впечатлѣніемъ усиленной канонады, но давши своимъ орудіямъ бóльшій уголь возвышенія, такъ что снаряды его стали бы падать въ городъ далеко за бастіонами, непріятель мгновенно прекратилъ огонь. Маневръ этотъ не могъ провести севастопольцевъ. При томъ же за часъ до штурма, находившійся въ

* Bazancourt: L'expédition de Crimée.

секретъ, предъ бастіономъ № 1-го, генераль-адъютанта князя Горчакова полка подпоручикъ Хрущовъ далъ знать, что весьма значительныя части непріятельскихъ силъ сосредоточены въ Килень-балочномъ оврагъ.

Въ слѣдствіе этого, войска наши, занимавшія бастіоны, приготовлены были къ занятію предварительно опредѣленныхъ имъ мѣстъ. Все говорило, что непріятель готовится на штурмъ; къ каждому утру мы всегда готовы были къ штурму и ждали его съ нетерпѣніемъ.

Въ ночи бомбардированіе на самыхъ бастіонахъ, какъ я замѣчалъ, уже немного поутихло—но-крайней-мѣрѣ ослабился прицѣльный огонь. Усталый, избитый камнями, разлетающимся во все стороны при каждомъ почти ударѣ ядра, я немного задремалъ, сидя въ блиндажѣ у А*. Нашъ же съ П* блиндажикъ совершенно разрушила лахматка, *разрѣшившаяся* притомъ, какъ послѣ оказалось, на моей постель и еще на подушку. Только что я началъ немного забываться, какъ кто-то сталъ будить меня; я тотчасъ вскочилъ. Предо мною стоялъ одинъ изъ фейерверкеровъ моего дивизіона и передалъ мнѣ только что полученное приказаніе отъ нашего батарейнаго командира отиравляться мнѣ на Малаховъ-Курганъ.—Да вѣдь тамъ ***,

возразилъ было я, вспомня о товарищѣ, который приходилъ ко мнѣ въ началѣ бомбардированія попрощаться. «Ихъ благородіе изволили-съ Богу душу отдать, прервалъ меня фейерверкеръ. Въ лѣвой бокъ ядромъ хватило-съ, ажно сабля-съ ни вѣсть гдѣ дѣлась», заключилъ онъ, крикнувъ и, повернувшись на лѣво-кругомъ, вышелъ на верхъ. Довольно счастливо; безъ особенной потери, пробрался я на Малаховъ-Курганъ, на указанную батарею и, явившись къ начальнику отдѣленія, капитану 1-го ранга Керну, тотчасъ же размѣстилъ свои орудія на заранѣ приготовленныхъ барбетахъ.

Корниловскій бастионъ имѣлъ почти овальное очертаніе. Большимъ своимъ діаметромъ подавался онъ къ корабельной сторонѣ и къ непріятелю. Укрѣпленіе это было сомкнутое и окруженное со всѣхъ сторонъ рвомъ и брустверомъ долговременныхъ профилей (по-крайней-мѣрѣ очень большихъ). Внутренность бастиона изрѣзана была траверсами для защиты отъ продольныхъ выстрѣловъ непріятеля, облегающаго бастионъ почти полукружіемъ. Большая часть изъ этихъ траверзовъ служила также и блиндажами для матросовъ и прикрытія; между ними оставались довольно узкіе проходы. Отъ гласисной ба-

тарей * до развалинъ башни было открытое пространство, такъ называемая *чёртова* площадка. Мѣстность позади бастиона, къ городу, спускалась еще круче, нежели къ сторонѣ непріятеля. Корниловскій бастионъ былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что, кромѣ командованія городомъ, командовалъ еще надъ всеми верками корабельной стороны.

Вотъ уже третій часъ утра въ началѣ! Непритель сталъ бить залпами. Молва о штурмѣ неясно стала носиться по бастиону. Распоряженія начальства быстро слѣдовали одно за другимъ. Орудія заряжены были картечью и наведены. Прикрытіе зорко сторожило за непріателемъ на банкетахъ. « Хозяинъ » Малахова-Кургана, капитанъ 1-го ранга Кернъ, наблюдалъ за каждымъ уголкомъ своего грознаго хозяйства и, просто, не сходилъ съ банкета. Его энергическія распоряженія въ особенности оказались дѣйствительными для исправленія поврежденій на Курганѣ, причиненныхъ за ночь. При работахъ въ одной амбразурѣ перемѣни-

* Двухъ-ярусная башня, построенная на Малаховомъ-Курганѣ, имѣла круглый гласисъ, почему передняя часть Корниловскаго бастиона, построенная на этомъ мѣстѣ, получила полукруглое очертаніе и сохранила названіе: *батарея гласиса*.

лись три смѣны рабочихъ, но всё же амбразура была исправлена. Кернъ самъ присутствовалъ при этой работѣ. Я нарочно вслушивался въ разговоры солдатъ, чтобъ узнать ихъ мысли насчетъ ожидаемаго штурма, они съ охотой ждали его и общее ихъ мнѣнiе было такое: «коли идти *ему* на штурму, такъ уже пускай идетъ поскорѣй»; причемъ энергически поругивали *его* за трусоватую медленность. Что до меня, то какая-то неестественно судорожная радость овладѣвала мною. Я былъ какъ бы въ ожиданiи какого-то праздника и находился въ крайне напряженномъ состоянiи, — подъ впечатльнiемъ грознаго величiя ожидаемой страшной, кровавой развязки, къ которой съ обѣихъ сторонъ готовились столько времени! О смерти же и въ мысляхъ не было! лишь отъ внутренняго, невольнаго волненiя вдругъ, порой, какъ электрическiй токъ, пробѣгала по всему составу моему нервическая дрожь.

Разсвѣтъ уже брежжиль; третiй часъ былъ въ исходѣ. Въ Севастополь благовѣстили къ заутренѣ. Вдругъ сверкнула заря! и огненный снапъ бомбъ поднялся изъ бывшаго Камчатскаго люнета. Въ тотъ же мигъ заигралъ рожокъ у непрiятеля и принятый сигналъ мгновенно пропелся по всемъ непрiятельскимъ тран-

шеямъ вокругъ нашей линіи. Не успѣлъ еще отзвучать послѣдній рѣзкій тонъ его, какъ уже начался штурмъ!...

Ревъ орудій и заливавшаяся трескотня ружейной пальбы слились въ одинъ непрерывный, ужасающій вой-гулъ. Прикрытіе, стоявшее по банкетамъ въ три шеренги, вскочило на брустверь, мгновенно выросши на немъ грозной, оплотной стѣною, и безъ крика «ура», въ мертвомъ молчаніи, открыло убійственный огонь. Это движеніе было такъ обще, такъ единодушно, что и я также вскочилъ на брустверь съ банкета, на которомъ стоялъ въ то время. «Картечь» невольно скомандовалъ я въ тотъ же мигъ своимъ орудіямъ, быстро соскакивая къ нимъ. На всемъ протяженіи непріятельскихъ траншей передъ Малаховымъ-Курганомъ, быстро двигалась густая, чернѣвшаяся лавина штурмующаго непріятеля. Офицеры, съ саблями на-голо, бѣжали впереди. Впечатлѣніе было поразительное! казалось, сама земля породила всѣ эти бурныя полчища, въ одно мгновеніе густо усыявшія совершенно пустынное до того времени пространство. Мнѣ помнится, что многіе поэты сравниваютъ разныя сраженія съ напоромъ волнъ, разбивающихся объ утесы; — сравненіе совершенно подходитъ къ настоящему

случаю. Громада непріятелей дрогнула, взволновалась на одномъ мѣстѣ, будто закипѣла на нѣсколько мгновсній, и вдругъ, отхлынула назадъ, причемъ огонь нашъ, въ особенности ружейный, увеличился до невѣроятной степени. Смѣшавшійся непріятель отступилъ въ доковую балку и въ свои траншеи, гдѣ устроясь вновь, два раза пытался подойти ко рву бастиона, но два раза происходила съ нимъ таже остановка, тоже колебаніе на мѣстѣ и потомъ быстрое отступление. Приведенный въ совершенное разстройство, онъ бѣжалъ въ свои траншеи. Нѣкоторые изъ непріятелей зарвались, конечно, въ своемъ стремленіи до самаго рва бастиона, но подобные смѣльчаки были или перебиты, или забраны въ плѣнъ.

Въ то самое время, когда непріятель дрогнулъ, капитанъ 1-го ранга Кернъ случился вблизи меня съ какими-то двумя офицерами и генераломъ. «Теперь, ваше превосходительство, я совершенно спокоенъ, сказалъ онъ, обращаясь къ генералу:—непріятель ничего уже не сдѣлаетъ намъ, хотя бы онъ бросался еще нѣсколько разъ, что вѣроятно и исполнить. А мы, продолжалъ онъ, напьемся чаю въ антрактахъ. Эй! вели ставить самоваръ!» приказалъ онъ одному изъ своихъ ординарцевъ.

И дѣйствительно , къ третьей непріятельской атакѣ , я увидѣлъ Керна на банкетѣ со стаканомъ горячаго чая : капитанъ преспокойно попивалъ его , куря сигару и одобряя порой солдатъ.

Не буду описывать въ подробности все видѣнное и почувствованное мною въ этотъ страшный день 6 іюня. Во-первыхъ , впечатлѣнія мои какъ-то смутны , вѣроятно потому , что новость и поражающая грандіозность зрѣлища поглотили меня всего , и при всей жадь боя , при всемъ желаніи наблюдать , сдѣлали меня неспособнымъ къ правильному наблюденію. Сверхъ того , надо было глядѣть за своими орудіями , за своей прислугѣй , — мысль о тяжелой ответственности отбивала охоту глядѣть по сторонамъ. Помню только гулъ и трескъ повсюду , волны непріятели , нѣсколько разъ подбѣгавшія почти ко рву укрѣпленія , пыль и дымъ направо и налево , тревожные , на лету схваченные и неизвѣстно кѣмъ переданные слухи о томъ , что Французы прорвались за батарею Жерве , что генералъ Хрулевъ выбиваетъ ихъ оттуда , что непріятельскія колонны залегли во рву втораго бастіона.... Всего переслушать было нѣкогда , нѣкогда даже было глядѣть по направленію къ другимъ бастіонамъ.

Мнѣ кажется , что подобной напряженной работы , подобныхъ нервныхъ колебаній , человеку не подѣ силу долго выдерживать. Къ счастью, кризисъ длился не долго.

Въ шесть часовъ утра приступъ былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ; около полудня, огонь осаждающаго стихъ на всей линіи. Мы отдохнули. Радостное чувство овладѣло всѣми, послѣдній солдатъ , изъ числа только-что прибывшихъ въ Севастополь, понималъ, что всѣмъ намъ довелось совершить что-то необыкновенное. На курганъ прибыло много лицъ съ соседнихъ укрѣпленій; разспросы, рассказы, анекдоты, замѣчанія о штурмѣ слышны были повсюду. Кто рассказывалъ о томъ, какъ Хрулевъ молодецки кричалъ ротѣ Севскаго полка: «благодѣтели, за мною!» Кто описывалъ, во всей кровавой подробности, рукопашный бой въ домикахъ и развалинахъ за батереей Жерве , кто сообщалъ исторію о томъ , какъ нѣсколько пьяныхъ Французовъ , убѣжденныхъ въ томъ, что Севастополь уже взять , было схвачено нашими матросами въ одномъ изъ этихъ домиковъ. Больше я ничего не слышалъ, потому что отъ изнеможенія заснулъ, самъ не помню, гдѣ и какъ. Помнится, что я заснулъ превосходно, передъ усыпленіемъ , у меня мелькала

въ головѣ мысль: «все кончено, осада будетъ снята и мы отдохнемъ на славу.»

На другой день, въ шесть часовъ вечера, было перемиріе для уборки тѣлъ. Непріятель убиралъ своихъ убитыхъ до поздняго вечера, но все же не могъ убрать всѣхъ тѣлъ и просилъ насъ, чтобы тѣ тѣла, которыя остались вблизи нашихъ укрѣпленій, были погребены нами.

И такъ, давно жданный штурмъ Севастополя совершился, покрывши достойною славою его защитниковъ. Какъ молнія, понеслась радостная вѣсть о томъ къ Государю! По цѣлому свѣту, на землѣ и подъ водою, оживились, заговорили о ней всѣ телеграфы, разнося грозную, заслуженную славу Севастополя.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

SECRET

Faint, illegible text in the middle section, possibly a main body of text or a list.

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly a footer or concluding paragraph.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ.

Движеніе непріятеля послѣ 6-го іюня. — Генералъ Тотлебенъ раненъ.—Я возвращаюсь на прежній свой постъ у Шварца-редута.—Жизнь на бастионѣ.—Пріѣздъ въ Севастополь высокопреосвященнаго Иннокентія.—Смерть Нахимова.—Энергическое движеніе непріятельскихъ осадныхъ работъ и наше противодѣйствіе онымъ.—4-е августа.—Новое бомбардированіе.—Открытіе моста черезъ бухту.—Я возвращаюсь съ бастиона къ своей батарее — Перемены въ городѣ.—Волонтеры: отставной маіоръ Л*.—Два дня на сѣверной сторонѣ.—Послѣднее трехъ-дневное бомбардированіе, съ 24-го по 27-е августа.—Ополченцы.—26-е августа.—Непріятельскія метательныя мины.—Краткій обзоръ штурма 27-го августа. — Наши войска оставляютъ южную сторону Севастополя.

Послѣ знаменитаго дня 6-го іюня, непріятель, постсценно ослабляя свою канонаду, замолкъ почти совершенно. Въ Севастополь опять настала тишина, вплоть по 25-е іюня. Снова осаждающій и осажденный дѣятельно принялись за работы по устройству укрѣпленій и возведенію новыхъ батарей.

Шестое іюня вполне убѣдило союзниковъ , что разсчитывая на успѣшный штурмъ нашихъ верковъ, необходимо близко пододвинуться къ нимъ. И надо отдать справедливость, союзники выполнили это трудное движеніе съ рѣшимостью , большимъ упорствомъ и блистательною храбростью.

Французы начали подвигаться отъ своихъ прежнихъ работъ впереди Камчатскаго люнета и спускаться къ лощинѣ , проходящей между нимъ и Малаховымъ Курганомъ.

Англичане подавались впередъ , направляя свои работы на засыпки впереди 3-го бастиона и распространяя ихъ вправо и влѣво.

Спустя два дня послѣ штурма , къ общему сожалѣнію, былъ раненъ генераль-маіоръ Тотлебенъ , штуцерною пулею на вылетъ въ мякоть правой ноги, четвертью ниже колѣна.

Профессоръ Гюббенетъ, пользовавшій Тотлебена, предложилъ ему скорѣе выѣхать изъ города. Но генераль рѣшительно отказался. Тогда пріѣхалъ къ нему самъ главнокомандующій, и только послѣ усиленныхъ настояній, заставилъ его выѣхать въ хуторъ г. Саранданаки, на р. Бельбекъ.

Послѣ штурма, въ тотъ же самый день, къ вечеру , я возвратился на прежній свой постъ

у Шварца редута. Лейтенанта А* нашелъ я , къ моему удовольствію , цѣлымъ и почти не-вредимымъ; *почти*, потому что онъ былъ легко контуженъ въ руку, обстоятельство, на которое въ Севастополь не обращалось вниманія. Даже раненые, и подъ часъ сильно, оставались на бастіонѣ. «Ничего, присохнетъ», говаривали въ особенности матросы. «А вотъ, прибавляли они, ежели, оборони Богъ, руку, али, тамъ, ногу отхватить, ну, тогда, шабашъ! лечи дохтуръ». Много разъ случалось мнѣ слышать это *лечи дохтуръ!* прислушиваясь къ солдатскимъ бесѣдамъ.

И такъ, А* задѣло немного. За то П* былъ «веселъ и здоровъ.»

Батарея также приняла свой обычный видъ, лишь прислуга орудійная, да прикрытіе попеременнолось; нѣкоторыхъ людей, нѣсколькихъ жизней не стало; а впрочемъ, казалось, словно бомбардированія не было вовсе.

И зажили мы все по прежнему , потекла жизнь на бастіонѣ обычной чередою.

Ночи до самаго разсвѣта проводились , по обыкновенію, въ осмотрительной бдительности. Орудійная прислуга находилась непременно вблизи своихъ орудій , наведенныхъ по гласису и заряженныхъ передъ вечеромъ картечью, при-

крытіе не сходило съ banquetовъ. Цѣнь и секреты охраняли укрѣпленіе снаружи, зорко высматривая врага.

Отдыхали уже утромъ. Матросы, оставя дежурныхъ у орудій, отпраплялись соснуть, частью въ блиндажъ, частью въ разныя, подьланныя ими, норки и конуры на батарее. Прикрытіе сходило съ banquetовъ, кромь нѣкотораго числа штуцерниковъ. Одна половина прикрытія мѣстилась отдыхать на батарею же, не снимая, про всякій случай, аммуниціи, другая уходила на вторую линію, въ ближайшіе блиндажи. Для прикрытія нашей батареи, подобныя блиндажи были на Чесменскомъ редутѣ.

Мои артиллеристы также ухитрились устроить себя что-то въ родъ блиндажа, въ которомъ лишь можно было сидѣть, и то касаясь потолка головою.

Когда было тихо, не ожидалось ничего особеннаго, приходилось просыпать за полдень, по-аристократически. Напившись чая, я отпраплялся на прогулку, для моціона; въ тихое время — по бастіону, въ противномъ же случаѣ — по рву бастіона.

Подъ часъ затѣявалась у насъ «охота» на Французовъ*, которые, большею частью, на-

* Противъ 5-го бастіона были французскія траншеи.

прашивались на нее сами. Нервдко, вдруг выскакивалъ кто-нибудь въ непріятельской траншеѣ, снималъ свою шапочку, раскланивался, и высунувшись до половины, выстрѣливалъ изъ штуцера и быстро исчезалъ. Вслѣдъ за тѣмъ, раздавался штуцерный залпъ изъ траншеи.

— Выскочилъ, выскочилъ! вскрикивали все при появленіи Француза. Тотъ, кто имѣлъ подъ рукой штуцеръ, стрѣлялъ, правду сказать, рѣдко съ успѣхомъ.

На подобную любезность непріятеля, въ особенности, когда выскакивалъ непріятельскій офицеръ, всходилъ на банкетъ кто-нибудь изъ насъ, офицеровъ, бралъ штуцеръ и слѣдовалъ примѣру Француза. Мало-по-малу, присоединялись къ стрѣлявшему еще нѣсколько чело-вѣкъ офицеровъ, «отправлять Французовъ въ Балаклаву», какъ говаривали у насъ на бастіонѣ.

Иногда, если не предвидѣлось ничего особенно - угрожающаго со стороны непріятеля, хаживалъ я въ городъ навѣстить товарищей. Это путешествіе, «сон амоге», въ своемъ родѣ было оригинально: версты съ двѣ приходилось идти подъ огнемъ непріятеля. Но привычка, вторая натура, и мы, бастіонные жители, до того стали равнодушны ко всемъ страхамъ и

ужасамъ , такъ свыклись съ подобными прогулками въ городъ , что собирались на нихъ безъ малѣйшаго душевнаго волненія , порой для того только , чтобъ съѣсть лучше изготовленную котлетку , или выпить въ кондитерской чашку кофе или шоколаду . Последнее можно было бы приготовить даже и *дома* , то-есть на бастионъ , но почему-то именно хотѣлось выпить это въ кондитерской , какъ будто было это тамъ вкуснѣе , и для того стоило прогуливаться двѣ версты подъ пулями и ядрами .

При встрѣчѣ , на пути , съ окровавленными послылками не испытывалось уже , какъ бывало ,—какое-то невольно-непріятное , неловкое чувство , похожее весьма на страхъ . Теперь , равнодушнымъ взоромъ , смотрѣлось на подобное зрѣлище? порой даже и вовсе не обращалось на это вниманія ; какъ на что-то неизбежное , какъ на свистъ пуль .

Отправляясь въ городъ съ бастиона , сначала , помню , избиралъ я безопаснѣйшій : пулъ по *стѣнкѣ* , черезъ 5-й , 6-й и 7-й бастионы , спускался подъ восьмымъ на пересынку , у артиллерійской бухты и , оттуда , сейчасъ выходилъ на Николаевскую площадь . Но такъ какъ это было довольно далеко , то я избралъ другую дорогу , ставшую уже моимъ обыкновеннымъ пу-

темъ.—Правда, здѣсь было гораздо опаснѣе, но.... вѣдь ходили-же тутъ люди.... Самая опасная часть этого пути, была площадка, шедшая отъ нашей батареи и каземата 5-го бастиона, къ Чесменскому редуту. Пули, ядра и бомбы бороздили ее по всемъ направленіямъ, залетая даже съ 4-го бастиона, смотрѣвшаго нѣсколько во флангъ 5-му. Съ этой площадки выходили на Чесменскій редутъ, и спускались въ глубокую и довольно широкую траншею, въ которой находились блиндажи резервовъ прикрытія. Какъ пещерныя кельи, шли они, углубляясь по обѣимъ сторонамъ траншеи, выглядывая длинной версницей дверокъ, дверецъ и дверей, порой створчатыхъ, со стѣклами даже. Когда бы ни приходилось проходить этой траншеею, постоянно можно было видѣть ставившіеся въ ней, у дверей блиндажиковъ, самовары, самоварчики, или просто мѣдные чайники,—такъ что вверху траншей безпрестанно вился дымокъ, точно бомбы рвали тамъ по минутно.

Поднявшись изъ этой траншеи, и пройдя нѣсколько между совершенно разрушенныхъ домовъ и дворовъ, выходили на улицу, перпендикулярную къ Морской улицѣ, спускавшуюся возвышеніемъ отъ 5-го бастиона, и съ половинны

вновь подымавшуюся. Остальной путь лежалъ по Морской улицѣ, съ которой, не доходя до рынка, поворачивали направо, на широкую улицу, прямо ведущую къ Николаевской площади. Кромѣ Екатерининской и Морской улицѣ, названія прочихъ не доводилось мнѣ слышать за бытность мою въ Севастополь, а потому не опредѣляю ихъ теперь названіями.

Чась обѣда нашего на бастіонѣ зависѣлъ отъ того, какъ мы рано вставали, Я былъ въ компаніи съ А*.—Хозяйствомъ у насъ завѣдывалъ, воплощенная точность и аккуратность, подпоручикъ и сожитель лейтенанта по блиндажу. У него и хранились складчинныя деньги для стола. Провизія закупалась каждый день поутру на базарѣ. Не смотря на это, нѣкоторые запасы имѣлись на батарее постоянно; въ томъ числѣ и нѣсколько куръ. Держать же пѣтуховъ вошло даже въ моду; и нѣкоторые изъ насъ, начиная съ лейтенанта, завели себѣ по великолѣпному алектору. Ночью подымали пяталы такой крикъ, что онъ вѣрно былъ слышенъ въ лагерь у непріятелей. Солдатамъ и матросамъ въ особенности нравилась эта деревенская обстановка. У лейтенанта былъ отличный пѣтухъ, совершенно ручной, любимецъ цѣлой батареи. Матросы прозвали его «Пе-

лисеевымъ» (Пелисье). Однажды бомба такъ напугала «Пелисьева», что онъ въ паническомъ страхъ, съ ужаснымъ крикомъ и квоктаньемъ, перелетѣлъ черезъ брустверь и скатился въ ровъ. Одинъ молодой матросикъ, завидѣвши это, въ поныхахъ бросился за пѣтухомъ тою же дорогою, черезъ брустверь, не обращая вниманія на посылавшіяся на него пули.

Французы видѣли всю эту продѣлку изъ своихъ траншей, единодушно закричали и захлопали, сначала пѣтуху, а потомъ матросу.

Оригинально объдывали мы иногда, въ хорошую погоду, когда душно становилось въ сыромъ блиндажѣ. Столъ накрывался на площадкѣ батареи, возлѣ 5-ти пудовой мортиры, и всѣ мы усажившсь вокругъ, кто на пружинномъ креслѣ, какъ-то занесенномъ сюда изъ города, кто на картечной жестянкѣ, подложивъ на неё нѣсколько поддоновъ, кто на корь, и т. д., насыщались себѣ земными благами, подъ открытымъ небомъ, подъ музыку пуль и ядеръ.

Пули и осколки, случалось, падали промежъ насъ, но постоянно такъ счастливо, что никого не задѣвали.

Въ послѣдствіи одного нашего мичмана слег-

ка ранило за подобной трапезой, пулей въ руку.

Пища матросамъ варилась также на батарее. Провизія имъ ежедневно приносилась изъ ихъ экипажей.

Солдатамъ обѣдъ и ужинъ приносили изъ города, изъ ротныхъ артелей.

Общая наша съ матросами кухня состояла изъ неглубокой ямы, вырытой у одного изъ траверзовъ батареи. Кое-какая печь и маленькая плита, занимали всё пространство ямы. Какъ-то удивительно прилаженный надъ ними сводъ защищалъ, пожалуй, отъ пуль и осколковъ, но не отъ бомбъ. По этому намъ выдавались деньки, въ которые мы, по неволѣ, должны были сидѣть безъ обѣда. После обѣда, кто отдыхалъ, запасаясь свѣжими сплами для ночнаго бодрствованія, кто игралъ въ карты, шахматы и т. п., или занимался чтеніемъ. Утвердительно можно сказать, что чтеніе никогда не доставляло и не будетъ мнѣ доставлять такихъ наслажденій, какъ на бастионѣ. Здѣсь, при возбужденныхъ нервахъ, при жаждѣ умственнаго отдыха, какъ-то яснѣе усвоялъ себя человекъ все умное и поэтическое, вдаваясь порой въ совершенную иллюзію, очень часто по поводу произведеній, не-

способныхъ въ другое время произвести хотя часть такого впечатлѣнія.

Игра въ карты, во всевозможныя игры, шла на бастионъ постоянно.

Главное мѣсто нашихъ собраній было въ казематъ 5-го бастиона который находился отъ насъ черезъ одну батарею.

Внутри каземата помѣщался перевязочный пунктъ, для поданія раненымъ первой помощи.

Шумное и веселое общество можно было здѣсь встрѣтить во всякое время дня и ночи.

На 6-мъ бастионѣ въ казематѣ имѣлся рояль; и въ иной день устроивался здѣсь музыкальные вечера en forme; скрипка и кларнетъ приходили съ 4-го бастиона, а флейта съ 5-го. Сначала обыкновенно все шло чинно, солидно, какъ слѣдуетъ; съ важностью, со вниманіемъ выслушивалась даже классическая музыка; но мало-по-малу, не замѣтно, вдругъ какъ-то совершался переходъ, смотря по настроенію, или къ комаринской, или же къ какой нибудь заунывной нашей національной мелодіи. Разъ, на подобномъ вечерѣ устроился «bal masqué». Одинъ хорошенькій юнкеръ былъ одѣтъ въ женское платье, и весьма эффектно пропѣлъ подъ аккомпаниментъ инструментовъ, пѣсенку, начинавшуюся словами:

Кохайтэся чернобривы...

Неизвѣстно только, почему послѣ каждаго куплета хоромъ подхватывали всѣ какой-то венгерскій припѣвъ: «Сегемъ, легемъ нака-тана.»

На бастіонѣ мы ни въ чёмъ не терпѣли недостатка, даже въ самыхъ предметахъ роскоши. Были были только деньги!—А признать-ся, порядочное количество презрѣннаго металла требовалось даже на самое необходимое: цѣны на всё были очень высоки.*

На батарею къ намъ хаживали два разнощика почти каждый день по утру и передъ вечеромъ. Одинъ изъ нихъ былъ плотный мужичина, съ окладистой, рыжей бородою, говорилъ онъ густымъ басомъ. Какъ маленькій ножъ, болтался у его бока саперный нашъ тесакъ. На груди его красовалась, на георгіевской ленточкѣ, медаль: «за храбрость», да-

* Фунтъ хорошаго, бѣлаго хлѣба продавался по 10-ти коп. сереб.; стеариновыя свѣчи по 50-ти коп. сер. за фунтъ; сахару фунтъ по 60 коп. сер. (въ послѣдствіи понизилось до 40 коп. сер.); бутылка портеру стоила 3 руб. сер.—Шампанское же было рѣшительно по сибирской цѣнѣ, по 7—8 руб. сер бутылка; и т. д.

ваемая волонтерамъ, вмѣсто знака военного ордена. Онъ чрезвычайна былъ озлобленъ противъ Французовъ.

— Оскреткомъ, знаешь, хватилъ меня, проклятый французъ,—говорилъ онъ, проводя ладонью на широкому рубцу на своемъ лбѣ.

— Да почему же ты знаешь, что Французъ, а не Англичанинъ? спрашивалъ его кто нибудь изъ новоприбывшихъ.

— Почему? Самъ ходилъ на Француза, съ Степаномъ Лександрычемъ (С. А. Хрулевъ)—важно отвѣчалъ разнощикъ. Дѣло было такого сорту: десятаго марта наши вылазку дѣлали. Пришелъ я на курганъ съ корзиной—заказецъ былъ отъ охвицеровъ. Ну, а наши: «уру», кричатъ, такъ и заливаются, и заливаются: погнали, стало, француза. Резерфы-то проходятъ мимо, солдатики говорятъ: бери ружье, сходи-ка въ транчею: что тутъ сидишь безъ толку.... Бросилъ я корзину-то свою, ружье добылъ, да съ нашими-то въ транчею, въ транчею, слышишь, — къ нему прямо. Ну, а какъ въ *чувствіе* пришелъ, глянь-поглянь: въ шпиталь положили!

Въ жаркіе дни, которые стояли за весь июль мѣсяцъ, сильно одолевали на бастіонахъ мухи. Это былъ здѣсь нашъ второй внутренній

врагъ—дневной , не уступавшій въ количествѣ первому — ночному , извѣстнымъ *черкесамъ*. Оба они такъ допекали защитниковъ Севастополя , что объ нихъ стоить упомянуть. Стоило днемъ поставить на бастіонѣ влажную тарелку, какъ она въ мигъ густо чернѣла облепившими ее мухами.

Для раненыхъ, мухи были истиннымъ наказаніемъ. Нельзя не содрогаться, представляя себѣ тѣ мученія, которыя претерпѣвали отъ этихъ насѣкомыхъ, несчастные раненые, остающіеся на полѣ битвы, до уборки тѣлъ, которая замедлялась иногда до двухъ дней,— какъ то сдѣлали французы послѣ дня 26-го мая.

На бастіонахъ, посредствомъ такъ называемыхъ *камуфлетовъ*, уничтожали мухъ безпощадно. Когда въ блиндажѣ набиралось ихъ много, разсыпали по столу дорожки пороху, и дѣлали вспышку. Такимъ образомъ уничтожались мириады мухъ.

Какъ ни старались мы, бастіонные жители, разнообразить свою жизнь, какъ, наконецъ, ни свыклись мы до полного даже равнодушія, со всеми ужасами севастопольской осады, но, тянувшись долго, она наводила, порой такую отчаянную тоску, что, просто, смерть, въ тотъ часъ, казалась красна.

По воскресеньямъ и праздникамъ, почти всегда служили у насъ на батарее (какъ и на всѣхъ прочихъ) молебны.

Торжественное, благоговѣйное спокойствіе и величавость божественнаго служенія проливали на долго успокоительную отраду, заставлявшую позабывать наше трудное положеніе. «Кто на морь не бывалъ, тотъ Богу не маливался», говоритъ пословица, и смыслъ ея подходилъ къ положенію севастопольцевъ. Теперь не передашь словами всей торжественности иныхъ дней, на примѣръ 26 іюня, когда преосвященный Иннокентій совершалъ литургію въ Михайловскомъ соборѣ и благословлялъ войска, при торжественномъ пѣніи торжественнаго гимна: Спаси, Господи, люди твоя!

День этотъ невольно заронился въ память каждаго присутствовавшаго при богослуженіи, а черезъ два дни случился въ Севастополь другой, навсегда памятный, хотя горестный день для всѣхъ его защитниковъ.

28 іюня адмиралъ Нахимовъ былъ смертельно раненъ на Малаховомъ-Курганѣ.

Не буду распространяться о всѣхъ подробно стяхъ этого грустнаго событія, описанныхъ уже много разъ. Скажу только нѣсколько словъ о той минутѣ, когда былъ раненъ Нахимовъ.

Сопровождавшія ея обстоятельства переданы мнѣ лично завѣдывавшимъ Малаховымъ-Курганомъ, капитаномъ 1-го ранга Керномъ, который, въ то время, когда адмиралъ былъ ранено, стоялъ съ нимъ объ локоть. 28 іюня, не канунъ дня св. Апостоль Петра и Павла, когда Нахимовъ прибылъ на Малаховъ-Курганъ, у Керна, въ церкви, устроенной имъ въ башнѣ, шла вечерняя служба. Видя, что Павелъ Степановичъ долго застоялся на опасномъ мѣстѣ, высунувшись при томъ изъ-за бруствера, Кернъ, чтобъ отвлечь его отъ опасности, сказалъ ему, что въ башнѣ служба идетъ и неудобно ли будетъ адмиралу прослушать ее. Нахимовъ, какъ известно, отвѣчалъ: «я васъ недержу-съ». Спустя нѣсколько, адмиралъ собирался уже сойти съ банкета, какъ въ это время одна изъ нашихъ бомбъ, брошенныхъ съ кургана, попала въ ближнюю непріятельскую траншею, и разорвавшись тамъ, взбросила къ верху два растерзанныя непріятельскія тѣла.

— Экъ ихъ, знатно какъ подбросило! невольно воскликнулъ сигнальщикъ. При этомъ Нахимовъ вернулся назадъ и снова опершись локтемъ на банкетъ, сталъ смотреть въ трубу. Стоявшій возлѣ лейтенантъ Колтовской замѣ-

тилъ адмиралу, что въ него цѣляютъ; но Нахимовъ все не перемѣнялъ положенія и вскорѣ былъ пораженъ пулей въ високъ. Кернъ и съ нимъ нѣсколько офицеровъ, отнесли его на своихъ рукахъ въ блиндажъ, для подавнн ему первой помощи.

Надо было видѣть горе и отчаянн моряковъ, когда они узнали, что Нахимовъ смертельно раненъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ тому, какъ закаленные усачи глотали невольныя слезы. Не одинъ матросъ, не одинъ морякъ-офицеръ сбѣгалъ поразвѣдать и на сѣверную сторону, куда перевезли раненаго Нахимова, и на Малаховъ курганъ, гдѣ онъ былъ раненъ.

.

Какъ я уже говорилъ, непрнатель энергически сталъ подаваться впередъ.

Между нами и врагомъ загорѣлась трудная борьба. Къ несчастью, съ его стороны было много ввроятн на выигрышъ. Онъ могъ по произволу мѣнять мѣсто, пользоваться малѣйшимъ обстоятельствомъ: очень темною ночью, туманомъ, который весьма часто выпадаетъ въ Крыму; могъ прибѣгать къ различнымъ хитростямъ и т. д. Даже лунныя ночи болѣе покровительствовали врагу, потому что луна льетъ такой обманчивый свѣтъ на известкова-

то-холмистое мѣстоположеніе, какое вообще подѣ Севастополемъ, такъ скрадываетъ разстояніе, или увеличиваетъ всё, что чрезвычайно трудно примѣниться ко всему этому; тѣмъ болѣе, когда надо было улавливать моменты.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ, многое зависѣло отъ бдительности секретовъ и точности ихъ донесеній

Наконецъ, всё-таки, если непріятель замѣчалъ, что извѣстная наша батарея слишкомъ вредитъ его работамъ, онъ сосредоточивалъ по ней сильнѣйшій огонь.

Не смотря на все это, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, мы заставляли непріятеля подвигаться весьма медленно.

Сознавая, что дѣйствіе нашей артиллеріи вообще во всё время было очень хорошо, непріятель замѣтилъ, что никогда дѣйствительность его выстрѣловъ не была такъ велика, какъ въ продолженіе времени, начиная съ іюня мѣсяца. Эта страшная для Французовъ вѣрность нашихъ выстрѣловъ, заставила ихъ думать, что въ Севастополь прибыли особенно искусные артиллеристы, или получены новыя необыкновенно вѣрно стрѣляющія орудія. * Ни-

* Bazancourt: L'expédition de Crimée.

какихъ особенныхъ орудій не прибывало въ Севастополь; но дѣйствительно, съ послѣднихъ чиселъ мая стали назначаться на бастіоны полевые артиллеристы, которые и внесли конечно туда спеціальное знаніе артиллерійскаго дѣла.

Къ 4-му августа непріятель довелъ свои работы до такого пункта, дальше котораго трудно было двигаться впередъ, пока орудія севастопольскихъ укрѣпленій были цѣлы.

Настало 4-е августа.

Самымъ раннимъ утромъ этого дня получилась на нашей батарее, какъ и вообще на всѣхъ прочихъ, бумага, въ которой объяснялись наши намѣренія на этотъ день и то, что должно будетъ предпринять при различныхъ, могущихъ произойти случаяхъ.

Такъ, на примѣръ: по извѣстному сигналу, при удавшемся для насъ сраженіи, которое предпринимали наши войска въ этотъ день, батарея наша, въ свою очередь, должна была открыть канонаду по извѣстнымъ батареямъ непріятеля.

Мы — масса севастопольцевъ, не имѣвшая возможности входить въ кабинетныя соображенія вождей, полагали радостныя надежды на этотъ день 4 августа

Удача — на нашей сторонѣ, думали многіе; и какъ тяжелая мѣра, какъ страшный сонъ, сгинуть всѣ ужасы сева­сто­польской осады! по траншеямъ и батареямъ врага, несущимъ теперь смерть да смерть, можно будетъ свободно прогуливаться; осматривать всё это грозное, запретное теперь для насъ пространство... Да и мало чего не фантазировали многіе! Въ крайне напряженномъ состояніи были всѣ, оставшіеся въ Севастополь, и тревожно поглядывали на отдаленный, стелющійся, въ направленіи по Чёрной рѣчкѣ, пороховой дымъ, прислушиваясь къ глухимъ, отдаленнымъ перекатамъ сильно разгаравшейся пушечной пальбы. Нѣкоторые, въ особенности изъ числа много разсчитывавшихъ на настоящее дѣло на Чёрной рѣчкѣ, и роптавшихъ также, до этого, на наше бездѣйствіе, заранѣе были увѣрены въ нашемъ успѣхѣ и приготавливали даже шампанское, раскупорить которое собирались въ ближайшей покинутой непріателемъ траншеѣ.

Ждёмъ. Вотъ уже полдень! пора бы, думаетъ каждый, подавать сигналъ; и тутъ сомнѣніе невольно закрадывается на сердца. Вотъ два часа по-полудни; но всё нѣтъ никакихъ вѣстей! Уже пробѣло три часа; четвертый на исходѣ! и всѣ повѣсили головы, мысленно бо-

рять еще съ надеждой и съ силнѣе всё возрастающимъ сомнѣніемъ о нашемъ успѣхѣ.

Наконецъ , рѣшилось , узнали ! наши отступили.

Ни пламенное желаніе сразиться съ врагомъ , ни мужество , ни отчаянная храбрость нашихъ войскъ , возбуждая удивленіе даже въ самыхъ непріятеляхъ , ни что не помогло ! всё разбилось о случайность , о непреступную мѣстность . Вотъ что говорили о днѣ четвертаго августа люди знакомые съ дѣломъ .

Наступленію , съ нашей стороны , должно было послѣдовать *непремѣнно* .

Много имѣлось къ тому побудительныхъ причинъ ; между прочимъ , пламенно желали того войска . Севастопольская бойня , безъ конца длившаяся , привела всѣхъ участвовавшихъ въ ней , въ крайне напряженное состояніе , такое состояніе , что каждый охотно готовъ былъ согласиться на кровавый бой съ врагомъ , хотя бы и во сто разъ превосходнымъ въ своихъ силахъ , хотя бы находившимся на непреступнѣйшей мѣстности .

Наступленіе это могло быть произведено или изъ самаго Севастополя , или извнѣ его . Въ послѣднемъ случаѣ , единственный пунктъ былъ : Федюхины горы . Мнѣнія начальниковъ раздѣ-

лились. Многие представляли необходимость атаки на Федюхины горы; другие настаивали на атаку неприятеля изъ города. Предположение же, насчетъ того, чтобъ оставить Севастополь (хотя въ сущности и благоразумное)—по своей неожиданности, встрѣтило всеобщее сопротивление и болѣе прежняго еще возбудило желаніе сразиться въ открытомъ полѣ.

Всѣ остановились на одномъ мнѣніи—во что бы ни стало сразиться съ неприятелемъ; дѣло было рѣшено и назначенъ день его—на 4-е августа.

Начальники, говорившіе, что слѣдуетъ намъ атаковать неприятеля непременно изъ города, основывались на такомъ соображеніи: намъ слѣдовало рѣшительнымъ наступленіемъ овладѣть бывшимъ Камчатскимъ монетомъ, 24 орудійной батареей, Зеленой горой и наконецъ самымъ редутомъ Викторіи; вытѣснить неприятеля на оконечность Сапунъ горы, за Кленъ-балку и утвердиться на пространствѣ между Каменоломнымъ оврагомъ и Делаярдіевоу балкой. Успѣхъ этого, поясняли они, доставлялъ намъ ту выгоду, что всѣ осадныя дѣйствія неприятеля и его батарей противъ лѣвой половины сева-стопольской оборонительной линіи будутъ въ нашихъ рукахъ; что усилія его противъ правой

половинны будутъ парализованы, траншеи противъ 2-го отдѣленія будутъ продольно обстрѣливаться съ Зеленой горы, и союзники не дерзнутъ штурмовать 4 и 5 отдѣленіе, имѣя у себя во флангъ значительный отрядъ нашихъ войскъ. Федюхны горы и Чоргунъ очищаются сами собой. Дорога, спускающаяся съ Сапунъ-горы, самая санерная дорога, Инкерманскій мостъ— свободны. Непріятель, если онъ не успеетъ въ первый день выбить насъ изъ вновь занятой нашей позиціи, будетъ принужденъ сосредоточиться въ Балаклавъ и Камышь, не имѣя между этими двумя пунктами свободнаго сообщенія; ибо наша кавалерія, владѣя выходами на плоскости Сапунъ-горы, будетъ въ состояніи воспрепятствовать всякому движенію непріятельскихъ войскъ.

Войскъ, для подобной операціи, полагалось пужнымъ всего 65000.

Къ 4 августа, какъ я замѣтилъ уже, непріятель пришелъ своими работами на тотъ пунктъ, далѣе котораго трудно ему двигаться, пока орудія нашихъ укрѣпленій цѣлы. Съ 5 августа, начинается жестокое бомбардированіе по лѣвой половинѣ оборонительной линіи. Непріятель прибѣгнулъ ко всей своей матеріальной силѣ, на ней разсчитывая свой успѣхъ. Ожерельемъ ба-

тарей, вооруженныхъ орудіями огромнаго калибра, окружилъ онъ бывшій Камчатскій люнетъ. Эти батареи стрѣляли по фасамамъ Корнилова, 1, 2 и 3 бастіоновъ. Бывшій Селенгинскій редутъ вооружался орудіями, поражавшими тылъ *Рогатки*. Для большаго усиленія разрушительнаго дѣйствія прицѣльнаго огня, количество мортиръ у непріятели возросло до небывалаго числа, усиливши въ изумительной степени навѣсный огонь по гарнизону. При томъ, Пелисье ожидалъ присылки еще 400 мортиръ.

По весьма ограниченному количеству мортиръ въ Севастополь, нечѣмъ было отвѣчать врагу на его губительный навѣсный огонь. Стали по неволѣ изыскивать средства замѣнить ихъ длинными орудіями, посредствомъ рязнообразнаго употребленія элевационныхъ станковъ.

Даже—«голь на выдумки хитра»—на бастіонахъ придумали отчасти замѣнить недостатокъ мортиръ посредствомъ такъ называемаго устройства орудій: *напопа*. На нашей батарее дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: выбравши изъ числа подбитыхъ непріятеlemъ орудій, менѣе поврежденное, (какъ-то: съ разбитой немного дульной частью, или ровно отлетѣвшимъ цапфомъ), клали его въ вырытую на площадкѣ батареи яму, сообразную своею глубиною съ при-

даваемымъ орудію угломъ возвышенія. Грунтъ нашей батареи былъ каменистый, а потому орудіе сидѣло своей казенной частью просто, безъ подкладыванія бруса; что было-бы, конечно, необходимо при обыкновеніемъ грунтъ земли. Бомбы также замѣнялись порой соответствующихъ калибровъ брандскугелями, которыхъ очки (выключая конечно одного для помѣщенія трубки) плотно задѣлывались.

— Небось, не дадимъ наругаться надъ собой! говаривали матросы, выстрѣливая изъ орудія «наопѣ», или посылая непріятелю преобразованный въ бомбу брандскугель.

Съ 5 августа, безъ устали, день и ночь стали работать непріятельскіе артиллеристы, имѣя по двѣ и по три смѣны прислуги при своихъ орудіяхъ. Слѣдствіемъ этого бомбардированія было то, что непріятель быстро пошелъ впередъ, и наши верки приходили все больше и больше въ упадокъ, несмотря на огромную потерю людей при исправленіи ихъ. Можно сказать, что каждый туръ, ставимый нами въ амбразурахъ, стоилъ нѣсколькихъ жизней.

Въ теченіи ночи наши открывали страшную канонаду по работамъ непріятеля. По этому онъ началъ прибѣгать къ слѣдующему маневру: днемъ усиливаль огонь до-нельзя, выпуская не-

счетное количество снарядовъ и сосредоточивая пальбу главнымъ образомъ на нашихъ амбразурахъ, направленныхъ на его работы. Если ему и не удавалось подбить орудія, то онъ почти всегда сильно вредилъ нашимъ брустверамъ. Когда же ночью торопились у насъ исправленіемъ ихъ, траншеи союзниковъ двигались впередъ. Въ случаѣ, когда амбразуры наши, дѣйствующія по работамъ непріятеля, оставались цѣлы, то канонада и бомбардированіе доходили до крайней степени своего ожесточенія, начинаясь всегда ночью, послѣ перваго выстрѣла, направленнаго нами по вражымъ работамъ. Лишь сильный штуцерный огонь, открываемый нами съ бастіоновъ, при первомъ указаніи начавшихся непріятельскихъ работъ, удерживалъ быстрое стремленіе врага впередъ. Секреты наши доносили, что отъ подобнаго огня у непріятеля бываетъ много раненыхъ и убитыхъ. Но все-таки, хотя и медленно и съ огромными потерями, непріятель подавался впередъ съ каждой ночью.

Съ введеніемъ у насъ ружейной пальбы по работамъ непріятеля, мортирный огонь его успѣлся чрезвычайно, и потери въ людяхъ увеличились и у насъ.

При страшномъ разрушеніи и гибели на ба-

стіонахъ, наши всіми мѣрами старались удерживать непріятеля; но остановить его нельзя было.

Неумолкаемая канонада, непрерывное исправленіе батарей и неминуемое при этомъ пересыпаніе земли, совершенно разрыхлили и распылили почву. Ударъ одного ядра, взрывъ одной бомбы въ валу — портили его на большое разстояніе. Благодатью былъ бы для насъ теперь проливной дождь.

Не только реставрировать, но даже было трудно починять укрѣпленія.

Отъ непрерывной починки бруствера со стороны внутренней крутости, валъ хотя медленно, но подавался назадъ, * берма исчезала, а ровъ дѣлался шире и мельчалъ. Притомъ, чтобы мѣшать нашей починкѣ амбразуръ, непріятель устроилъ правильную пальбу изъ штуцеровъ. Днемъ онъ замѣчалъ наши поврежденія и ночью открывалъ по тѣмъ мѣстамъ губительный штуцерный огонь, какъ съ близкихъ такъ и съ дальнихъ траншей.

Увеличивающееся число его зигзаговъ дѣлало для насъ исправленіе амбразуръ почти невоз-

* Бомбовой погребъ въ исходящемъ углу 3-го бастіона, находившійся сначала около двухъ сажень отъ заложенія банкета, къ концу осады уперся въ валъ.

можнымъ, тѣмъ болѣе, что работы непріятеля были недалеки, и онъ почти всегда успѣвалъ открывать нашу починку.

Канонада и бомбардированіе непріятеля становились все грознѣе и грознѣе.

Союзники, убѣждаясь болѣе и болѣе, что главная сила Севастополя не верки, а грудь его защитниковъ, увеличивали число своихъ мортиръ.

Рабочіе наши тщетно напрягали свои усилія, чтобы къ утру за ночь исправить *все*. Безпрерывныя новыя поврежденія, земля, обратившаяся въ пыль, и напряженныя усилія непріятеля: не дозволять намъ исправиться, — увеличивали число нашихъ поврежденій, дѣлая невозможнымъ приведеніе бастіоновъ въ совершенный порядокъ.

Въ половинѣ августа непріятель былъ такъ близокъ, что не могъ уже двигаться летучей сапой и пошелъ тихой.

Въ это время французы были отъ 2-го бастіона саженьяхъ въ 45-ти, отъ Малахова кургана въ 50-ти; англичане же отъ 3-го бастіона саженьяхъ въ 65-ти.

Упорствомъ и удивительнымъ самоотверженіемъ 2-й бастіонъ успѣлъ остановить сану въ 20-ти саженьяхъ отъ себя.

Притомъ же бастионъ этотъ, лежавшій въ небольшой котловидной впадинѣ, могъ прямыми выстрѣлами бить голову сапы и мантелетъ. Последній часто загорался отъ выстрѣловъ нашихъ, по преимуществу легкихъ полевыхъ орудій, которыя ночью ввозили на барбетъ для стрѣльбы черезъ банкъ; но французскіе саперы, имѣя подъ рукой «*rompte foulante*», большою частію успѣвали заливать огонь, хотя и подъ усиленными по нимъ ружейными и картечными залпами нашими.

Передъ Малаховымъ курганомъ французы дошли на 12 сажень. Ложементы же ихъ, въ ночь съ 26-го на 27-е августа, выдвинулись подъ покровительствомъ адскаго бомбардированія, еще ближе.

Вліяніе мѣстности Малахова кургана главнымъ образомъ благопріятствовало этому.

Грунтъ кургана состоялъ изъ известковаго плитняка и мѣстами известковой глины. Впереди гласисной батареи, непосредственно за рвомъ, поднимался чуть замѣтный бугорокъ этой формациі, не вредившій дѣйствию нашихъ выстрѣловъ до того времени, пока непріятельская сапа не начала подниматься изъ ложины по покатости кургана. Теперь онъ сталъ оказывать вредное вліяніе, мѣшая пониженнымъ

нашимъ выстрѣламъ бить въ голову саны. Бу-
горокъ этотъ, или натуральный гласисъ Мала-
хова кургана, весь былъ изрытъ воронками
бомбъ и натуральными неровностями. Давая
всевозможный уголъ пониженія, срѣзывая ступь
амбразуры до-нельзя, невозможно было до-
стать до саны, у нѣкоторыхъ пониженныхъ
пунктовъ, которыми непріятель пользовался
весьма искусно. Такимъ образомъ вблизи оны
проходилъ уже съ меньшею опасностію: его
сана подвергалась только дальнимъ фланго-
вымъ выстрѣламъ 2-го и 3-го бастіоновъ, и не
вездѣ выстрѣламъ кургана.

Вообще лѣвая половина нашей оборонитель-
ной линіи, страдавшая отъ безпрерывной капо-
нады, не смотря на все принимаемыя мѣры,
представляла неутѣшительное зрѣлище: съ
амбразурами заваленными, безъ мерлоновъ,
опрокинутыхъ внутрь бастіона, или на поло-
вину скрытыхъ; съ траверсами, поваленными
въ разныя стороны; со рвами, засыпанными
на половину.

Уже не одни укрѣпленія и улицы города,
ближайшія къ оборонительной линіи, предста-
вляли видъ, отъ котораго сердце обливалось
кровью — весь Севастополь глядѣлъ могилою.
Угрюмѣе и угрюмѣе становились съ каждымъ

днемъ даже центральныя улицы—при взглядѣ на нихъ, невольно приходили на умъ описанія городовъ, опустошенныхъ землетрясеніемъ. Уныло смотрѣла Екатерининская улица, мѣсяць тому назадъ еще такъ оживленная и пышная, теперь пустынная, полуразрушенная, и еще разрушающаяся. Ни по ней, ни на бульваръ не видно уже ни одного женскаго личика, ни одного человека, который бы ходилъ свободно и беззаботно. Угрюмыя партіи войскъ, да фурштатскія телеги, да севастопольское «regretting mobile»—окровавленные посланки, сповали по мостовой, изрытой воронками бомбъ. На всѣхъ лицахъ лежала какая-то печаль тяжелаго ожиданія, усталости и изнуренія. Ходить въ городъ было пезачѣмъ, ни одного радостнаго слуха, никакого развлеченія тамъ нельзя было встретить. На бастіонѣ, несмотря на опасности, право, было какъ-то привѣтнѣе.

Въ настоящее время, по справедливости слѣдовало называть Севастополемъ Николаевскую казарму, въ которой сосредоточилась вся жизнь города. Здѣсь были и штабы, и канцеляріи, и госпитали, и казармы, церковь, присутственные мѣста, гостиницы, аптека, кондитерская, лавки и проч.; но отъ непріятельскихъ выстрѣловъ порой не спасали и своды казармы.

Чтобы дать понятіе, какъ обстрѣлялся теперь Севастополь, достаточно будетъ, если скажу, что штуцерныя пули стали поражать на самой Николаевской площади, безопаснѣйшемъ до толъ мѣстѣ въ цѣломъ Севастополь, *убъясницъ*, какъ прозвали ее, а также, конечно, и самую казарму.

При характеръ хода осады, грознѣе ставшемъ обрисовываться послѣ дня 6-го іюня, непременно требовалась скорая, постоянная и безостановочная переправа черезъ севастопольскій рейдъ. Но задача была весьма трудная: требовалось вышолнить много важныхъ условій. Большая часть считала это дѣло даже невозможнымъ. Между прочимъ, дѣйствительно казалось бы невозможнымъ устроить, и притомъ въ короткій срокъ, постоянный мостъ черезъ севастопольскій рейдъ, подверженный сильному (для моста) волненію и такъ называемой *толчей*, имѣвшій въ ширину на удобнѣйшемъ мѣстѣ для устройства моста около 450-ти сажень, на глубинѣ въ 14-ть сажень. Но честь и слава нашимъ инженерамъ, безъ того уже прославившимся за время осады Севастополя: въ 15-ть дней устроены былъ, по плану *

* Проектъ его былъ утвержденъ 23-го іюня

генераль-лейтенанта Бухмейера (начальника инженерной армии), бревенчатый, плывучий мостъ, на якоряхъ, черезъ рейдъ, между Николаевскою и Михайловскою батареями, шириною между перилами $2\frac{1}{2}$ сажени. Место это опредѣлилось какъ самымъ очертаніемъ береговъ рейда, такъ и тѣмъ, что оно было равно удалено отъ непріятельскихъ батарей у Кленъ-балки и Карантинной бухты и прикрыто городомъ отъ батарей на Зеленой горѣ; въ слѣдствіе этого мостъ мало терпѣлъ отъ непріятельскихъ снарядовъ. Вся оковка для него была изготовлена 15-тью батарейными походными кузницами, въ продолженіи трехъ недель.

15-го августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, мостъ былъ освященъ, и въ восемь часовъ утра открытъ для сообщенія.

Что же думали Севастопольцы, о вдругъ появившемся върномъ сообщеніи съ сѣвѣрною стороною? Пожалуй, кто нибудь подумаетъ, что въ ихъ головахъ бродила мысль объ отступленіи?

Смѣло скажу, что нѣтъ. Взбрести въ такую голову, пожалуй, все можетъ порой! Но если говорить про массу, про ея мысль, то защитники Севастополя далеки были отъ того, чтобъ отступать; даже думать не хотѣли объ от-

ступлений; несмотря на то, что, обороняя полуразрушенный Севастополь, въ сущности защищали лишь призракъ; имя безъ значенія. Напротивъ того, по видимому, все готовилось въ Севастополь къ отчаянной борьбѣ: припасали вторыя линіи, устроивали баррикады и собирались обратить въ цитадель каждый домъ, дать отпоръ изъ-за каждой развалины.

Какъ послѣ оказалось, непріятель также разсчитывалъ на осадную войну въ самомъ городѣ.

19 августа я былъ отозванъ съ дивизиономъ назадъ къ своей батарее. Мои орудія замѣнились на бастіонѣ небольшими карронадами. Вообще начальство по возможности старалось свозить съ бастіоновъ и съ самаго города все, что было по лучше; и это казалось очень натуральнымъ, когда брали въ соображеніе страш-

бастіонахъ не такъ уже были полезны, какъ прежде.

Не съ особенной радостью покидалъ я бастіонъ. Въ теченіе трехъ-мѣсячнаго, постояннаго пребыванія моего тамъ, я такъ свыкся съ жизнью на бастіонъ—сжился съ его обитателями, что, право, грустно было разставаться, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было: куда еще, въ какой уголъ Севастополя заброситъ судьба?

Первые мои шаги по разрушеннымъ улицамъ города произвели на меня ужасное впечатлѣніе, мнѣ стало тоскливо, какъ будто бы я проѣзжалъ около родительскаго дома, снелеп-пожаромъ.

Однако, по мѣрѣ удаленія отъ бастіона, въ душу стало проситься какое-то матеріальное, безотчетно уснокованное чувство. Вся мелочь быденной жизни рисовалась въ какомъ-то завлекательномъ видѣ. Съ какимъ, на примѣръ, удовольствіемъ предстояло мнѣ отужинать въ *квартирѣ* и, вдоволь наговорившись съ товарищами, *раздвигшись* улечься на постель, приготовленную какъ слѣдуетъ, и заснуть не въ тѣсномъ, душномъ блиндажикѣ, подъ немолчное жужжанье пуль, взвизги ядеръ и громовые разрывы бомбъ, а въ просторномъ, удобномъ помѣщеніи въ Николаевской казармѣ,

подъ мѣрное постукиваніе часоваго маятника, такъ и напоминающее залу роднаго дома; ожиданія мои напоминали собой мысли школьника, ѣдущаго изъ училища на каникулы. И я не ошибся—нашлась и квартира, и ужинъ, и чистая постель. Подъ сводами Николаевской казармы можно было въ постель подумать, что засыная—засынаешь не на вѣчный сонъ, а — дастъ Богъ, пробудншься на утро, какъ пробуждаются всѣ добрые люди по среди міра и тишины...

Всему настоящему какъ-то не вѣрилось, чудилось, что находишься среди какой-то необыкновенной жизни. И какъ радостно было пробужденіе! мнѣ рѣшительно казалось, что я не въ Севастополь, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ у помѣщика: вычищенное платье мое и чистое бѣлье лежало на стулѣ возлѣ меня; саногн, доведенные усердіемъ деньщика до степени зеркальности, скромно стояли рядышкомъ у моей кровати, самъ я лежалъ подъ одеяломъ...

— А что, раненыхъ нѣтъ?.. чуть не спросилъ я, вскакивая съ постели около полудня, ослѣпленный лучами солнца, которые ярко играли по всѣмъ предметамъ и на моемъ собственномъ лицѣ.

— Все ли благополучно? не удержавшись,

спросилъ я, замѣтивъ, что въ комнатѣ много народу.—Все благополучно, улыбаясь отвѣчали мои товарищи.

— А знаете, тутъ же сказалъ одинъ офицеръ, я сегодня былъ на 5 бастіонѣ, и вообразите, что ночью, въ блиндажикѣ П*, на мѣстѣ, гдѣ вы обыкновенно спали, убило гранатой пѣхотнаго офицера, наследника вашей постели.

— Судьба бережетъ васъ.... проговорилъ, подходя ко мнѣ и протягивая мнѣ руку нѣкто Л*.

Въ Севастополь, за время осады, много перебывало оригиналовъ, храбрецовъ, чудаковъ, патріотическихкихъ и «quasi» патріотическихкихъ феноменовъ. Но оригиналъ, о которомъ я собираюсь говорить, то есть Л*, былъ, кажется, оригинальнѣе всѣхъ. Еще въ іюнѣ, явившись разъ съ бастіона въ городъ къ товарищамъ, увидѣлъ я въ ихъ обществѣ какого-то господина лѣтъ сорока, въ солдатской шинели. Благодарное лице еге, бѣлыя, нѣжныя руки и небольшая нога, заставили меня, съ перваго мгновенія, примѣтить въ немъ что-то особенное. Товарищи мои поспѣшили представить насъ другъ другу, и я узналъ вскорѣ, что не знакомецъ этотъ тставной гусарской майоръ

Л*, и что побудительныя причины (неизвѣстно какія) заставили его отказаться на время отъ своего званія и принять званіе рядоваго, въ нашей батареѣ, какъ какъ онъ желалъ служить непрерывно въ артиллеріи: «У васъ по-крайней-мѣрѣ не надо таскаться съ ружьемъ», говорилъ Л*, когда его спрашивали о предпочтеніи, имъ оказанномъ артиллеріи. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ сына, который готовился уже поступить въ корпусъ. Л*, въ свою недолгую жизнь, вросель огонь и воду, находился въ двадцати разныхъ должностяхъ; занималъ мѣсто городничаго, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при —скомъ генералъ-губернаторѣ, производилъ нѣсколько трудныхъ слѣдствій, и каждый разъ съ большимъ усерхіемъ, какъ о томъ значилось и въ его формулярѣ. Л* былъ особенно хорошо рекомендованъ нашему батареинному командиру, а потому офицеры нашей батареи сейчасъ приняли его въ свой кругъ, какъ товарища. По временамъ, въ минуту болтливости, мы пытались было разспрашивать о подробностяхъ его жизни, причинахъ его появленія въ Севастополь, но онъ всегда отдѣльвался шутками; и наконецъ былъ оставленъ въ покоѣ.

Л* не на службу посланъ обыкновенно гу-

сарскую форму, потому что былъ въ отставкѣ съ мундиромъ; онъ также получалъ и пенсіонъ по чину майора; которымъ былъ награжденъ при отставкѣ. Все это показывало, что Л* не исключенъ изъ службы за что нибудь дурное.

Настроеніе духа его было какое-то необыкновенное, казалось, онъ чего-то искалъ, чего-то вѣчно ему не доставало.

Для него ничего не значило побывать на любомъ бастионѣ, въ любое время дня и ночи, подъ какимъ бы то ни было огнемъ. Онъ даже вызывался ѣздить туда вмѣсто другихъ, и всегда исполнялъ порученія скоро и точно.

Его звали обыкновенно по имени и отчеству: Густавомъ Ивановичемъ; и Густавъ Ивановичъ, за свое полнѣйшее презрѣніе къ опасностямъ, скоро сталъ извѣстенъ почти цѣлому Севастополю.

Иногда случалось, что его цѣлый день нигде не посылали; тогда ему самому ни сидѣлось, и вѣлѣвши осѣдлать своего *шкалика*— черненькую, маленькую, бойкую татарскую лошадку, онъ отправлялся разузнавать новости по бастионамъ.

Иногда при немъ, во время сильно разгорѣвшейся канонады, кто нибудь упоминалъ въ

разговоръ: а любопытно бы было знать, что дѣлается на такомъ-то бастіонѣ. Густавъ Ивановичъ, не говоря ни слова, вдругъ исчезалъ и черезъ нѣсколько времени появлялся уже съ требуемыми свѣдѣніями.

Вскорѣ все неволью полюбили Густава Ивановича. Да и нельзя было къ нему не привязаться; сверхъ своей храбрости и готовности на службу, онъ былъ превосходный хозяинъ, обладалъ сотнею дорованій, безцѣнныхъ при боевой жизни. Онъ мастерски устроивалъ хозяйство, заказывалъ разныя кушанья; настаивалъ водку какимъ-то неслыханными растеніями, варилъ кофе, дѣйствительно выходящій у него превосходнымъ. Онъ также смекалъ и въ медицину: вылечилъ одного офицера отъ сильнѣйшей лихорадки, и спасъ на сѣверной сторонѣ одного груднаго ребенка, заболѣвшаго воспаленіемъ кишокъ. Во время послѣдняго штурма, Густавъ Ивановичъ нѣсколько разъ побывалъ съ приказаніями на Малаховомъ Курганѣ, и удивляться нужно, какъ онъ отдѣлался только контузійей. Когда-же войска наши переходили на сѣверную сторону, онъ оставался всю ночь въ городѣ, и *башибузучничалъ* тамъ, всё истребляя и поджигая собственными руками. Я слышалъ, что онъ по-

лучилъ нѣсколько наградъ и между прочимъ знакъ военнаго ордена 4-й степени. Необыкновенный Густавъ Ивановичъ получилъ и награду необыкновенную: солдатскій орденъ, между тѣмъ какъ по чину онъ былъ майоромъ въ отставку!

Панившись чаю; я изъ любопытства пошелъ осматривать домъ, въ которомъ жили мы прежде. Онъ былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ бомбами, ядромъ и ракетами. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла когда-то моя кровать, какъ разъ въ головахъ, ракета просадила потолокъ и полъ. Уходя я взглянулъ и на домъ, который находился на смѣжномъ дворѣ. Тамъ тоже былъ всеобщій печальный видъ разрушенія... Красивая стеклянная галерея вся была разбита и обвалилась. А давно ли, въ майскіе вечера, когда еще въ здѣшній уголокъ долетали лишь раскаты севавтопольскихъ громовъ, а не самыя громы, собиралась здѣсь цѣлая семья, и мы слѣдили, какъ вотъ у этой колонки, обвитой миртомъ, садилась дѣвушка и читала или работала, вся обрамленная пышною зеленью и цвѣтами.

Носился слухъ, что вражій осколокъ не пощадилъ одну изъ прекрасныхъ ручекъ...

Страдая отъ контузіи въ голову, хотя и

лёгкой, но порой сильно мучившей меня, желая притомъ отдохнуть нѣсколько, послѣ трехмѣсячной жизни моей на бастіонѣ, я отпросился у своего батарейнаго командира поѣхать на два дня на сѣверную сторону, съ тѣмъ, конечно, что при малѣйшей тревогѣ тотчасъ же явлюсь къ батарее.

Съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ на какой праздникъ, собрался я туда. Густавъ Ивановичъ, рѣдко отъ чего отказывавшійся, и двое моихъ товарищей, свободные отъ службы, сопутствовали мнѣ, по моему приглашенію—отобѣдать вмѣстѣ на сѣверной у Томаса. Мнѣ казалось, что удовольствіе мое будетъ еще полнѣе, когда я раздѣлю его съ людьми, съ которыми судьба поставила меня въ близкія отношенія товарищества.

Все мы четверо выѣхали (даже это обстоятельство тѣшило меня теперь, точно я ни въстать какъ долго не видалъ своей верховой лошади, и сѣлъ въ сѣдло въ первый разъ послѣ какой нибудь продолжительной болѣзни); шагомъ проѣхали по мосту, по которому и не позволялось иначе ѣздить, и круной рысью направились по дорогѣ къ сѣверному укрѣпленію, вѣнчавшему въ этомъ направленіи сѣверную сторону. Отъ него было еще около двухъ верстъ

до балаганнаго городка , цѣли нашей повѣдки Городокъ этотъ основался было сначала осады у самой курной балки , гдѣ находилась такъ называемая сѣверная пристань. Мало-по-малу, съ увеличеніемъ досягаемости полета неприятельскихъ снарядовъ , подавался онъ далѣе и далѣе отъ рейда, внутрь сѣверной стороны, и такимъ образомъ отступая, отодвинулся наконецъ даже на двѣ версты отъ сѣвернаго укрѣпленія.

• Это былъ дѣйствительно «городокъ», съ двумя главными улицами, довольно правильно разбитыми; съ *заведеніями*, съ полиціей, съ рынками, съ магазинами, которые все были конечно на *главныхъ* улицахъ, и помещались здѣсь въ большихъ деревянныхъ балаганахъ, изъ которыхъ нѣкоторые стоили до 1000 р. с. У одного изъ подобныхъ балагановъ, отличававшегося всеми признаками порядочнаго жилья, мы остановили своихъ лошадей: это и была гостиница Томаса, въ которой даже имѣлись номера. Одинъ изъ нихъ, на мое счастье, оставался теперь свободнымъ, и я посвѣшилъ его занять. Признаться, намъ четверымъ было въ немъ тѣсненько, точно въ бастіонной конурѣ. Впрочемъ, выключая это обстоятельство, все имѣло здѣсь видъ обще-трактирный: тѣ же

неизбѣжныя у окна ситцевыя заставьски, дешевенькіе обои; ломберный столикъ у стѣны, и надъ нимъ зеркало; только кровать была безъ ширмъ, необходимой вообще принадлежности каждаго «номера».

Надо отдать справедливость Томасу, онъ былъ добросовѣстиве всѣхъ своихъ братій, и равно старался угодить каждому, не такъ, какъ знаменитый Александръ Ивановичъ, который смотрѣлъ въ глаза лишь однимъ штабнымъ.

Въ гостиницѣ Томаса можно было порядочно пообѣдать: поваръ у него былъ очень сносный; кондитеръ имѣлся также. Вина отпускались очень хорошія. Вообще, послѣ бастионной кухни, мнѣ просто казалось, что я у Дюссо.

Десертъ нашъ былъ натуральный: намъ подали сочный алешковскій арбузъ, персиковъ и мускатнаго винограда.

Все это, не смотря на военное время, было очень дешево.

Послѣ кофе пошли мы осматривать городокъ. Разнородный людъ кишилъ по его улицамъ и улочкамъ: солдаты и офицеры разныхъ полковъ и оружія, купцы, дѣти, татары, женщины, колонисты, *россейскіе* мужички въ ту-

лупахъ, не смотря на сильную жару, чиновники, полицейскіе, весь этотъ людской ералашъ былъ здѣсь въ безпрестанномъ приливѣ и отливѣ. Словомъ — ярмарка стояла здѣсь каждый Божій день.

Въ дальнихъ частяхъ городка были удивительно разнообразныя жилища, видѣлись и палатки, и балаганчики, и клѣтушки, и землянки, и даже что-то въ родѣ шкафовъ. И всюду жили, бѣткомъ было набито народу, который споваль съ лихорадочной дѣятельностью.

Вечеромъ я долго наслаждался, гуляя по берегу моря, и не замѣтно далеко отошелъ отъ городка. Севастополь въ отдаленіи казался еще грознѣе... по направленію его все гремѣло и гудѣло, горѣло, тряслось... и какой-то суевѣрный ужасъ невольнo охватывалъ всякаго при этомъ зрѣлицѣ.

На другой день я чрезвычайно пріятно провелъ время, повѣхавши на позицію подѣ Меккензіену гору, къ одному, хорошо знакомому мнѣ, полковому командиру, гдѣ и оставался до поздняго вечера. Какъ восхитителенъ показался мнѣ его балаганъ, заплетенный изъ зеленыхъ дубовыхъ вѣтокъ, еще необсохшихъ, пахучихъ, подѣ которымъ, въ глубинѣ, раски-

нута была палатка, изящно убранная коврами, принадлежностямъ туалета и щегольски поставленною кроватью. Вся эта обстановка навъвала особенно пріятное настроеніе.

На завтра, послѣ этого, такъ пріятно проведеннаго мною , дня, отправился я вечеромъ къ своей батарее въ Севастополь.

Вотъ уже и Михайловская батарея ; скоро что-то очутился я у нея, подумалъ я. Почти машинально я осадилъ свою лошадь, предъявляя у моста свой пропускной билетъ дежурному офицеру - онолченцу, и вотъ я опять въ севастопольской сфере. Не успѣлъ еще я проѣхать и десяти плотовъ *, какъ старыя знакомыя , бомбы , ядра , да ракеты , уже стали встрѣчаться. Сильнымъ порывистомъ вѣтромъ охватывають меня здѣсь. Узкос, длинное пространство моста, по которому ѣду, исчезаетъ во мракъ на обширной водной массѣ рейда , сильно колеблется подо мною , и заливаемое безпрестанно набѣгающими волнами, представляеть въ темнотѣ видъ , будто ѣдешь просто по волнамъ. Впечатлѣніе это еще болѣе увеличиваетъ раскидывающееся, сейчасъ же направо, раздолье Чернаго моря, враждебно чернѣюще-

* Мостъ состоялъ изъ 86-ти плотовъ.

еся, глухо рокочущее; зловѣщій говоръ несется отъ его далекихъ волнъ, и волны эти сплятся разметать, потопить мостъ.

Вдали, на мрачной безднѣ моря, свѣтятся огоньки, но и они смотрятъ не дружелюбно: это зіяетъ теперь огненными глазами вражья морская Сила. Прямо, на Николаевскомъ мыскѣ, часовня мертвыхъ. Тѣсными рядами лежатъ въ ней мертвецы, иные одѣтые заботливою рукою товарища въ чистое бѣлье, иные еще въ своей кровавой одеждѣ. Въ сложенныхъ на груди, заострѣнныхъ рукахъ опочившихъ (у которыхъ таковыя были), вставлены были зажженные восковыя свѣчи, разливающія по всей этой могильной обстановкѣ страшно-упылый, гробовой свѣтъ, тускло, печально отвѣчивающійся на ближнихъ темныхъ волнахъ, шумно катящихся и набѣгающихъ къ берегу.

Въ часовню, видно, только что прибыла новая партія мертвецовъ: тамъ отбивалась панихида; и похоронное пѣніе, звуки пачи, урчаніе, грохотъ, взвизгъ и свистъ близко пролетающихъ снарядовъ смерти, говоръ Чернаго моря и ревъ адской канонады въ Севастополь, потрясающей воздухъ, сливались подъ покровомъ ночи во что-то грозно, грозно-ужасающее, величественное. Я поровнялся съ часовней мерт-

выхъ, но мнѣ хотѣлось проѣхать скорѣе мимо этого, раздрающаго душу, зрѣлища; я далъ шпоры своей лошади и выскакалъ на Николаевскую площадь.

.....
Наступали послѣдніе дни моей севастопольской жизни.... До сей поры, когда случится вспомнить объ этихъ дняхъ когда-нибудь ночью, на душѣ становится холодно и сонъ на долго отъ меня отлетаетъ.

Съ 24 августа началось новое бомбардированіе, имѣвшее свой особенный характеръ.

Неприятель открывалъ огонь періодически. Часа три-четыре, примѣрно, гремѣла самая усиленная, самая странная канонада, то залпами, то бѣглымъ огнемъ всѣхъ батарей; потомъ на нѣсколько времени, неопредѣленно, слѣдовала пауза: орудійный огонь прекращался совершенно, но штуцерный лился со всѣхъ траншей.

Въ продолженіе этой небольшой тишины, казавшейся мертвенною въ потрясенномъ органѣ слуха, осаждающій совершенно уснѣвалъ починять свои поврежденія, потому что его заботой было лишь исправленіе амбразуръ, мы же должны были очищать ровъ (работа весьма копотливая), починять амбразуры, мерлоны и

траверзы , необходимые для защиты прикрытія , которое должны были мы держать на бастионахъ въ надлежащемъ количествѣ , ожидая безпрестанно штурма. За короткимъ отдыхомъ слѣдовалъ опять грохотъ сотни орудій и дѣло разрушенія продолжалось.

Совершенный хаосъ смерти происходилъ въ Севастополь , или лучше , на мѣстѣ бывшаго когда-то Севастополя ; по истинѣ это была , какъ выразился преосвященный Иннокентій , *купила огненная*.

Земля дрожала , небо багровѣло , стонали окрестности , по которымъ далеко прокатывались грозные раскаты бѣшеной канонады. Для того , кто не былъ въ Севастополь въ это время , все описанія бесполезны , оттого я буду коротокъ въ передачѣ моихъ воспоминаній.

Человѣческій умъ не можетъ себя представить всего вынесеннаго защитниками города до послѣдняго роковаго дня. Подъ гнетомъ этихъ небывалыхъ ужасовъ , человекъ возвышался до невѣроятной рѣшимости , до крайней , насильственной энергіи , до самозабвенія. Въ чадѣ смерти и крови , еще можно было жить какою-то насильственной , горячею жизнью.

86,000 снарядовъ (70,000 ядеръ и 16,000 бомбъ и гранатъ) было вынуждено непріателемъ

по Севастополю въ день 24 августа. Не было уже никакой возможности исправлять окопы и потому ограничивались насыпкою на пороховые погреба.

Брустверы, обрушиваясь заваливали рвы, мерлоны разсыпались; должно было безпрестанно расчищать амбразуры; артиллерійская прислуга гибла во множествѣ и едва успѣвали замѣнять се.

Потеря въ это время была чрезвычайная. Едва успѣвали выносить раненыхъ; убитыхъ оставляли на мѣсть.

Къ орудіямъ стали ставить даже ополченцевъ.

Калужскому и Курскому ополченію выпало на долю примкнуть къ числу защитниковъ Севастополя. «Родимые, родимые пришли», говорили солдатки; такъ звали они порой ополченцевъ. •

Проходя разъ по Николаевской площади, я увидѣлъ группу пѣхотныхъ солдатъ и ратниковъ. Они покуривали трубочки и всѣ глядѣли въ сторону укрѣпленій. Я попросилъ огня у одного изъ солдатиковъ и заговорилъ съ нимъ о чемъ-то. «А что, каковы ополченцы?» спросилъ я его между прочимъ.

— Ничего, ваше благородіе, отвѣчалъ пѣхотинецъ: — ополченный, извѣстно, человекъ свѣжій, онъ недавно сюда пришелъ, на слободѣ

прогуливался. Нашему-то брату, продолжалъ онъ, отымая трубочку ото-рта и отилевываясь: тепереча трехъ фунтовъ хлѣба не съестъ, а тому-то пя-я-ти мало! Нашего задънетъ, такъ на перевязку и тащись; а того два-три раза хватить и ни почемъ! Вотъ что, народъ свѣжій! заключилъ солдатикъ.

Слова солдатика подтверждались его изнуреннымъ лицомъ; отъ тревоги, передвиженій, бессонныхъ ночей, ежечасной опасности, люди теряли аппетитъ.

Уже суда начали загораться на рейдѣ. Высоко выкидывался при этомъ, стоявшій по нѣскольку часовъ, столпъ дыму и пламени; онъ поднимался подъ самыя облака своими извивающимися длинными-длинными языками. При такомъ заревѣ, подъ вечеръ, при громъ пальбы, море, городъ и морской берегъ глядели до того страшно, что самыя закаленные люди чувствовали холодъ подъ сердцемъ.

25 августа, только что занялась заря, пробудился въ Севастополь вчерашній адъ, а севастопольскіе усыпальницы, — часовни мертвыхъ, стали наполняться и наохлаждаться....

26-го не прекращавшійся по всей линіи огонь производился непріателемъ залпами и временно

усиливался то противъ праваго , то противъ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи.

Утромъ въ этотъ день, не довольствуясь еще неизвѣрно-разрушительною силою своего бомбардированія, непріятель сталъ бросать на Малаховъ-Курганъ разрывныя бочки, такъ называемыя *метательныя мины* (mines de projection). Снарядъ этотъ назначался для разрушенія амбразуръ и мерлоновъ. Онъ состоялъ изъ боченка , скрѣпленнаго желѣзными обручами и наполненнаго шестью пудами пороха. Огонь сообщался посредствомъ «англійскаго сосиса», пропущеннаго сквозь поддонъ и нижнее дно боченка. Для метанія его , въ задней сторонѣ траншеи, непріятель вырывалъ камору, которой давалъ наклоненіе въ 45° ; въ камору помѣщался зарядъ, прикрываемый щитомъ, на который и ставился боченокъ.

Въ началъ третьяго часа по полудни загорѣлся и горѣлъ до самаго разсвѣта , фрегатъ «Коварна»—бывшее жилище Н. В. Берга, состоявшаго за время осады при главномъ штабѣ, писателя, который подарилъ намъ извѣстные «Десять дней въ Севастополь».

Вечеромъ былъ страшный взрывъ на Графской пристани. Непріятельская ракета попала

въ порохъ, который, въ числѣ 500 * пудовъ, перевозили съ сѣверной стороны. Сила этого взрыва была ужасная! Николаевская казарма на нѣсколько мгновений озарилась какъ бы огромнымъ электрическимъ солнцемъ, вся затряслась и задрезжала стекла, посыпавшимися изъ всѣхъ ея оконъ.

Тяжелаго калибра орудія, лежавшія на пристани, были взброшены какъ палочки и, падая, придавили нѣсколькихъ человекъ.

Въ теченіе ночи огонь непріятеля былъ сравнительно слабѣе, но онъ загорѣлся съ прежнею силою въ утро 27 августа. Непріятель открылъ бомбардированіе какъ и въ прежніе дни, залпами изъ всѣхъ орудій; но многія батареи наши, занимаясь исправленіемъ поврежденій, не отвѣчали ему. Въ этотъ день былъ сѣверный вѣтеръ, онъ бушевалъ сильными порывами, взметывая пыль по всей окрестности.

Въ восемь часовъ утра непріятель сдѣлалъ три выстрѣла каменометными фугасами, не болѣе какъ въ двѣнадцати саженьяхъ отъ контрэскрапа лѣвой части *мачисной* батареи; но они не нанесли намъ значительнаго вреда: край воронки далеко не дошелъ до рва.

* Взорвало только 200 пудовъ.

Къ девяти часамъ утра, съ маяка дали знать о сборъ войскъ въ передовыхъ непріятельскихъ траншеяхъ передъ Малаховымъ Курганомъ, и у насъ сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія на случай штурма.

Къ одиннадцати часамъ утра, бомбардированіе достигло до неимовѣрной степени ожесточенія; паузъ не было. Оно значительно стала усиливаться на правомъ флангѣ и ослабѣвать на лѣвомъ.

Около трехъ четвертей двѣнадцатаго часа, орудійный огонь противъ Малахова Кургана, 1, 2, 3 бастіоновъ совершенно затихъ; только продолжался, съ тою же губительною силою для прикрытія, огонь мортиръ и штуцерныхъ. Многіе полагали, что это сдѣлалъ непріятель *паузу*; генераль-маіоръ Буссау былъ такого же мнѣнія и дозволилъ отдохнуть войскамъ, находившимся на Малаховомъ Курганѣ.

Но на бастіонѣ № 2, генераль-маіоръ Сабашинскій не велѣлъ сходить прикрытію даже съ банкетовъ, вполне предчувствуя штурмъ, въ ожиданіи котораго, справедливо требуется предпринимать энергическія мѣры, а не полумѣры.

Въ началъ перваго часа по-полудни, вдругъ всѣ непріятельскія батареи сверкнули, зады-

мились сжатыми бѣльсоватыми облаками дыма, вмигъ ставшаго стѣнами, и одновременно разразились тремя оглушающими залпами, метнувшись по Севастополю ураганъ металла. Вслѣдъ за тѣмъ, не успѣла еще перелопатиться масса брошенныхъ бомбъ и гранатъ, какъ раздалась смутные крики, бой барабановъ и рѣзкіе тоны непріятельскихъ сигнальныхъ рожковъ, то подхватываемые порывами вѣтра, то относимые имъ. Съ долгимъ и непрекращающимся крикомъ, кинулись Французы на исходящіе углы Корнилова и 2-го бастіоновъ и на Куртину. Все первое движеніе ихъ было совершенно сокрыто отъ насъ дымомъ. Полускрытый бастіонъ № 2-го мгновенно былъ занятъ Французами, которые оттѣснили баталіоны Олонцакаго полка и, заклепавъ часть орудій, уже достигли Ушаковой балки и 2-й оборонительной линіи. Легкія полевые орудія, какъ здѣсь, такъ и на *Рогаткѣ*, одни изъ здѣшней артиллеріи встрѣтили непріятеля.

На исходящій уголъ Малахова кургана кинулись главные и лучшія колонны французовъ. Всего 12 сажень разстоянія надо было имъ пробѣжать (по проэкціи было меньше того); дѣло совершилось въ полъ-минуты. Головная колонна непріятеля ворвалась въ бастіонъ у

льваго плечнаго угла такъ быстро, такъ неожиданно, что даже полевья орудія не успѣли встрѣтить врага картечью.

Зуавы и вольтижеры, взбѣжавши на курганъ съ замѣчательной быстротой, распустили трехцвѣтное знамя на башнѣ.

Все бросилось у насъ къ брустверу, сталкиваясь въ поныхахъ съ непріателемъ лицомъ къ лицу. Большинство орудій на курганъ было подбито; нѣкоторыя дали по выстрѣлу, но уже тогда, когда амбразуры наполнились штурмующими.

Чтобъ приложить фитиль (орудія были прежде заряжены) къ затравкѣ, сперва надо было пробиться сквозь передовыхъ смѣльчаковъ, вскарабкававшихся на орудія и вырывавшихъ фитиль изъ рукъ артиллеристовъ. За то, если удавалось поспѣть во время и зажечь трубку, сплошная масса живаго тѣла, заслонявшая амбразуру, вся подгибалась, падала и разбрасывалась въ стороны. Но на мѣсто убитыхъ становились новые стрѣлки и зуавы—мѣсто около выпаливащаго орудія уже было сравнительно безопаснымъ.

За минуту передъ началомъ штурма, къ генераль-маіору Буссау приведена была поручи-

комъ Юни *, команда солдатъ георгіевскихъ кавалеровъ, которымъ ордена хотѣль раздать самъ начальникъ. Уже изъ блиндажа выходилъ адъютантъ, чтобъ предварить команду о скоромъ выходѣ генерала, какъ въ это самое время непріятель устремился на штурмъ. Адъютантъ тотчасъ бросился назадъ съ докладомъ. И онъ и генераль поспѣшно выскочили изъ блиндажа. У самаго выхода изъ него адъютантъ былъ убитъ пулей въ грудь. Нѣсколько человекъ непріятелей были уже въ десяти шагахъ. Генераль-маіоръ Буссау, едва успѣлъ крикнуть поручику Юни, указывая на башню, чтобъ онъ со своею командою скорѣе занялъ ее, и въ то же время былъ взятъ въ плѣнъ набѣжавшими французами. Когда его уводили съ кургана, онъ былъ убитъ, говорятъ, нашею же пулей. Поручикъ Юни, на лету подхвативъ приказаніе генерала, инстинктивно кинулся къ башнѣ и успѣлъ занять ее предъ самымъ носомъ французовъ. Заваливши входъ въ башню, въ которой засталъ онъ нѣсколькихъ человекъ, не успѣвшихъ еще оттуда выскочить, Юни отбивался отъ окружавшаго со всехъ сторонъ непріятеля до-тѣхъ-поръ, пока наши не стали

* Модлинскаго резервнаго пѣхотнаго полка.

отступать. Непрiятель, сильно претерпѣвавшій * отъ мѣткого огня изъ башни, два раза посылалъ парламентаря къ заставшимъ тамъ храбрецамъ, но Юни постоянно отвергалъ все предложенiя непрiятеля, свято исполняя отданное ему приказанiе, и сдался, какъ я уже сказалъ, только тогда, когда Малаховъ курганъ окончательно былъ занятъ непрiателемъ.

Какъ муравьи полззли французы на Малаховъ курганъ, завидя свое знамя на башнѣ, заняли всю верхнюю оконечность кургана, прорвались къ развалинамъ башни и, заставши здѣсь, открыли частую ружейную пальбу по строившемуся гарнизону.

Прагскiй полкъ, сначала вытѣсненный ворвавшимся непрiателемъ, снова ударилъ въ штыки со сводной командой изъ матросъ и разныхъ другихъ охотниковъ. Завязалась одна изъ тѣхъ ужасныхъ рукопашныхъ свалокъ, когда цѣлыя толпы перемѣшиваются въ крайнемъ опьяненiи боя, поражая другъ друга желѣзомъ, камнями, деревомъ, что ни попадетъ подъ руку, душа другъ друга за горло, царапаясь и кусаясь въ звѣрскомъ изступленiи.

Нѣсколько минутъ продолжалась подобная

* Bazancourt: L'expédition de Crimée.

отчаянная схватка. Командиръ полка, полковникъ Фрейндъ, былъ раненъ, большая часть бывшихъ офицеровъ перебита; а между тѣмъ непріятельскія свѣжія массы, слѣдомъ за своею цѣпью, все валили и валили впередъ, со всѣхъ сторонъ взлѣзая по обсыпавшемуся брустверу.

Французскіе саперы устроили три накидные мостика черезъ ровъ гласисной батареи. Въ это время, во рву сидѣли французскіе музыканты и играли маршъ. Я думаю рѣдко приходилось играть и слышать маршъ при такой обстановкѣ и въ такія минуты!

Мѣстность Малахова кургана много способствовала удачѣ непріятеля, въ то же время чрезвычайно затрудняя наши подступы. Горжевой валъ и ровъ, какъ на смѣхъ, были въ прекрасномъ состояніи. Застѣвши за всевозможными траверсами, число которыхъ еще болѣе было увеличено за послѣднюю бомбардировку, французы не бросались въ штыки, но поддерживали только жестокой ружейный огонь, бывший на выборъ. Потерявши всѣхъ офицеровъ, и каждую секунду тая подъ свинцовымъ дождемъ, остатокъ гарнизона съ кургана отступилъ—частью на батарею Жерве, частью за проходъ, ведущій къ корабельной сторонѣ, ко-

торый французы стали задѣлывать, и въ ожиданіи резервовъ столпился у него, мѣшая, по крайней-мѣрѣ, деплоировать непріятелю съ кургана.

При первой вѣсти о штурмѣ, храбрый и неутомимый лейтенантъ Вульфертъ, съ самаго начала осады все время проживавшій на Малаховомъ курганѣ, тотчасъ же далъ знать генераль-лейтенанту Хрулеву. Хрулевъ былъ уже на пути: по тревогѣ онъ и его свита вскочили на лошадей, потому что штурма давно ждали, и лошади держались осѣдлыми. Первымъ дѣломъ Хрулева, когда ударили тревогу, было взглянуть на Малаховъ курганъ, на которомъ, при неудачѣ нашей, долженъ былъ выкинуться синій флагъ. Флагъ-штокъ этотъ и былъ поднять, но его сбиль непріятельскій выстрѣлъ послѣ чего сигналъ не былъ возобновленъ, неизвѣстно уже по какой причинѣ.

Не видя на курганѣ условнаго синяго флага, генераль-лейтенантъ Хрулевъ сказалъ: «Ну, Малаховъ держится»; и за тѣмъ поскакалъ ко 2-му бастіону, на своей исторической бѣлой лошади. Шлиссельбургскій Егерскій полкъ двинулъ онъ на поддержаніе 2-го бастіона, но какъ непріятель тамъ былъ уже отбитъ генераломъ Сабашинскимъ, то полкъ расположился

на второй оборонительной линіи, между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастиономъ.

Увидѣвши однако вскорѣ, что непріятель отбить отъ 2-го бастиона, а Малаховъ курганъ занять, генераль-лейтенантъ Хрулевъ быстро поворотилъ къ послѣднему. По той дорогѣ, которую избралъ теперь Хрулевъ, нельзя было подъѣхать къ самому кургану, а потому генераль и всѣ сопутствовавшіе ему офицеры снѣжились. Съ Ладожскимъ егерскимъ полкомъ двинулся Хрулевъ въ горжу Корнилова бастиона. Французы кинулись къ горжевому валу, и подняли бѣглый огонь на убійственной дистанціи. Моментъ былъ торжественный: схвативши съ своей груди висѣвшій на ней серебрянный образъ, Хрулевъ поцѣловалъ его и поднявши его кверху въ лѣвой рукѣ, крикнулъ по обыкновенію, своимъ всегда потрясающимъ солдатское сердце голосомъ: «Благодѣтели, за мной, впередъ!» Въ это самое время непріятельская штуцерная пуля разбила ему большой палецъ лѣвой руки.

Безстрашно бросились наши войска, направленные своимъ любимѣйшимъ генераломъ, и вмигъ вынеслись на курганъ.

Превозмогая страшно-мучительную боль, опасаясь оказать свою рану передъ войсками, въ

настоящую рѣшительную минуту генераль-лейтенантъ Хрулевъ превозмогалъ себя еще нѣсколько мгновеній; но, вопреки его воли, смертная блѣдность разлилась по его лицу, чувствуя, что упадетъ, онъ обратился къ находившимся возлѣ него офицерамъ: подпоручику Сякорскому и инженеръ-поручику Эвертцу, и отрывисто сказалъ въ полъ-голоса: «поддержите!»

Послѣ того какъ генераль-лейтенантъ Хрулевъ отправился на перевязочный пунктъ, поведенныя имъ войска на Малаховъ курганъ, занявшіе шагъ за шагомъ все пространство кургана до послѣдняго длиннаго поперечнаго траверза-блиндажа, но потерявшія трехъ своихъ Начальниковъ *, послѣдовательно принимавшихъ начальствованіе послѣ генераль-лейтенанта Хрулева, пришли въ пассивное положеніе: остановились и затѣяли съ непріателемъ перестрѣлку. При этомъ даже вышелъ вотъ какой случай: въ одномъ мѣстѣ, на нижнихъ рядахъ туровъ траверза, по одной его сторонѣ стояли французы, а по другой наши, и такъ, на разстояніи лишь широты траверза, не болѣе какъ 3-хъ

* Генераль-маіоръ Лысенко тяжело раненъ; потомъ генераль-маіоръ Юферовъ убитъ; а затѣмъ тяжело раненъ генераль-лейтенантъ Мартинау.

саженъ , вели перестрѣлку , будучи по поясъ открыты.

Флигель-адъютантъ Восйковъ, благородный, храбрый молодой человекъ, въ пылу мужественнаго порыва, увѣщевая солдатъ отбить курганъ, вскочилъ на одинъ изъ траверзовъ, и въ тотъ же мигъ упалъ мертвый.

На площадкѣ (чертовой) стояла главная масса непріятельскихъ стрѣлковъ, обстрѣливавшая изъ-за траверзовъ все узкія тропинки между траверзо-блиндажами , продольнымъ огнемъ. Вдругъ раздались голоса на правомъ флангѣ и въ тылу нашихъ: непріятель, занявъ часть прилегающей къ кургану батареи *Жерве*, съ криками торжества пользъ на брустверъ праваго фаса кургана, несовершенно еще занятый. Истинно засышаемая пулями войска наши ежеминутно тѣрявшія цѣлыя толпы товарищей , должны были отступить къ саперному блиндажу, то-есть очистить двѣ трети кургана. Здѣсь блеснула еще надежда на возможность удержаться ; но французы побѣжали по правому брустверу на горжевой, и по нашимъ войскамъ отъкрылся непрерывный огонь съ фронта, тыла и праваго фланга. Притомъ силы непріятеля все увеличивалась, и онъ напиралъ все сильнѣе и настойчивѣе , принимая все мѣры , напрягая

всѣ усилія для овладѣнія Малаховымъ курганомъ.

— Malakoff! c'est la clef d'or, справедливо рѣшали французскіе офицеры, вникавшіе въ ходъ осады.

Войска наши отодвинулись наконецъ къ подошвѣ кургана, столпившись въ громадной, но безпорядочной, массѣ. У самаго же прохода постоянно держалась, отстрѣливаясь, какая-то сводная толпа, изъ разныхъ охотниковъ. По мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, французы, опасаясь новой атаки, поспѣшно баррикадировали главный проходъ, набрасывая въ него туры, вырванныя изъ амбразуръ и траверзовъ, трупы, говорятъ — даже раненыхъ.

Послѣ этого напрасны были всѣ усилія къ отбитію кургана. Кучи убитыхъ завалили узкій путь въ горжѣ, французы укрѣпились и привели новыя подкрѣпленія, однако и послѣ этого, инженеръ подполковникъ Генерихъ, съ двумя ротами саперъ, проникъ въ горжу укрѣпленія, но держаться въ ней не было возможности, и его геройскій подвигъ послужилъ только къ лишней потерѣ.

Еще одно удивительное явленіе, которому я самъ лично былъ свидѣтелемъ, когда, по порученію начальника артиллеріи, отпраплялся на

2-й бастионъ. У подножія Малахова кургана четыре матроски, подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, такъ и лившемся съ кургана, разносили воду и квасъ стоявшимъ здѣсь войскамъ, и подавали помощь раненымъ.

Не знаю уцѣляли онъ. Объ этихъ безстрашныхъ женщинахъ было доведено до свѣденія Государя Императора.

Часть батареи Жерве оставалась въ нашихъ рукахъ, часть въ непріятельскихъ.

У *Рогатки* непріятель также было прорвалось, но храбрый Сѣвскій полкъ вынесъ его оттуда на штыкахъ.

Не буду сообщать другихъ подробностей послѣ дѣла штурма, то, что я знаю, давно известно всякому, въ хаосъ моихъ личныхъ воспоминаній не нахожу я ничего еще несказаннаго прежде меня. Мало времени имѣлъ я для наблюденій и было ли то истощеніе силъ или слѣдствіе скорбнаго чувства, испытаннаго мною въ этотъ ужасный день, я не находилъ въ себѣ ни какой воспріимчивости на впечатлѣнія.

Когда наши отодвинулись отъ кургана, и на немъ окончательно развернулся французскій императорскій орелъ, пароходы наши, батареи сѣверной стороны и легкая полевая артиллерія, открыли по кургану густую пальбу, направляя

выстрѣлы на развѣвающееся тамъ непріятельское знамя, мелькавшее въ дыму, и замѣтное со всѣхъ пунктовъ.

Двѣ полевыя конныя французскія батареи выскакали было къ бастиону № 2-го, но рѣшительно были сметены нашими выстрѣлами. На бастионъ № 2-го, непріятель, отбитый при первой его атакѣ, генераломъ Сабашинскимъ, бросался на штурмъ еще до пяти разъ, но всякій разъ безъ успѣха.

Около пяти часовъ по-полудни взорванъ былъ пороховой погребокъ, на примыкающей съ лѣвой стороны къ Малахову кургану батареѣ по куртнѣ, также занятой непріятелемъ; гулъ и трескъ отъ громаднаго взрыва разнесся по всей линіи и, какъ потомъ говорили многіе, повергнулъ въ панический ужасъ непріятеля, французамъ показалось, что мы начали подрывать бастионы; цѣлыя толпы бросились назадъ, къ своимъ траншеямъ. Рассказываютъ, что съ бывшаго Камчатскаго люнета, на которомъ все время штурма находился самъ Пелисье, нещадно ударили въ бѣглецовъ картечью. Этими мгновеніями замѣшательства, какъ говорятъ иные, можно было бы воспользоваться, но участь города была рѣшена, и къ чему бы послужили еще нѣсколько дней отчаянной рѣзни, при

средствахъ, которыми, располагалъ непріятель, при смертной близости его подступовъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Полевая артиллерія сильно пострадала при штурмъ лѣвой половины оборонительной линіи. Напримѣръ, въ 5-й легкой 17 артиллерійской бригады, всѣ офицеры до одного, начиная съ командира батареи, капитана Глазенапа, были перебиты или переранены. Въ число первыхъ палъ подпоручикъ Николай Григорьевичъ Бѣлавинъ, молодой человекъ, подававшій большія надежды, добрый и благородный товарищъ, счастливый женихъ прекрасной дѣвушки... Штуцерная пуля поразила его прямо въ сердце. И сколько другихъ храбрыхъ людей легло на вѣки, и сколько женъ, невестъ и матерей до сихъ поръ еще плачутъ о жертвахъ послѣдняго штурма... Когда подумаешь обо всемъ этомъ, то по временамъ кажется, что весь день 27 августа не есть дѣйствительность, а какой-то горячечный бредъ, ужасный сонъ, что-то фантастическое и существующее лишь въ моемъ воображеніи.

Заговоривъ о своихъ полевыхъ артиллеристахъ, не могу не вспомнить здѣсь о полковникѣ Якимахъ (нынѣ генералъ-маіоръ). Въ послѣдніе дни осады онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, исполняя должность помощника на-

чальника Артиллеріи Севастополя. Подъ страшнымъ огнемъ бомбардированія, съ удивительнымъ хладнокровіемъ обходилъ онъ по бастионамъ каждый день, утромъ и подъ вечеръ, покуривая сигару, какъ бы въ обыкновенное мирное время — гдѣ-нибудь на гуляньѣ. За угрюмую, серьезную наружность полковника, прозвали его въ Севастополь: «мрачнымъ полковникомъ».

Главнокомандующій самъ прибылъ ко 2-й линіи укрѣпленій, противу Малахова кургана, и съ рыцарской отвагой болѣе получаса оставался здѣсь, возлѣ дома Тулубѣева, несмотря на страшный огонь непріятеля. Видя, что курганъ занятъ большими массами французовъ, за которыми находились сильные резервы, князь убѣдился, что овладѣніе вновь бастиономъ Корнилова потребовало бы еще огромныхъ жертвъ; а такъ какъ онъ уже принялъ нѣмѣреніе очистить городъ, то и рѣшился воспользоваться отбитіемъ приступа на всѣхъ прочихъ пунктахъ и утомленіемъ атакующаго, для выполненія своего въ высшей степени труднаго плана. Генераль-лейтенанту Шепелеву приказано, не предпринимая нападенія на Корниловъ бастионъ, непремѣнно воспренятствовать непріятелю дебушировать оттуда въ городъ, удерживая за

нами до ночи раззоренныя строенія, на сѣверной покатости кургана находящіяся, что и было исполнено, несмотря на весь усплія французъ выдвинуться впередъ изъ-за горжи. Непріятель, изнуренный событіями дня и ночи, по всей вѣроятности проведенной безъ сна, въ приготовленіяхъ штурма, наступалъ слабо; со взрывомъ пороховаго погребя, о которомъ говорилъ я выше, въ немъ совершенно утвердилось та мысль, что на всѣхъ путяхъ къ городу устроены мины.

Около пяти часовъ по-полудни стали развозить приказаніе: съ сумерками начать очищеніе Южной стороны Севастополя.

Участь Южной части Севастополя совершалась.

Есть невозможное и для героевъ!

По приказанію начальника артиллеріи, я ѣздилъ съ передками на 4-й бастионъ, за полевыми орудіями.

Тамъ какъ и вездѣ, шли грустные, унылые сборы. Моряки, выкунавшіе до сихъ поръ цѣною крови каждое поврежденіе на бастионъ, старались все разрушить передъ отступленіемъ: приводили въ негодность орудія, рубили станки, заваливали блиндажи, устроивали приводы

къ пороховымъ погребамъ , которые вскорѣ должны были взлетѣть на воздухъ, и прочее.

Каждый сознаетъ, какъ тяжело, тяжело было покидать севастопольское боевое пепелище, послѣ столькихъ жертвъ и усилій... послѣ *trexсотъ сорока девяти* дней, исполненныхъ страданія, опасности, подвиговъ, изнуренія, и смѣло скажемъ, многихъ радостныхъ часовъ, многихъ отрадныхъ впечатлѣній , которыхъ уже болѣе не испытаешь теперь, посреди мирной и обыденной жизни.

Когда я проѣзжалъ, возвращаясь со снятыми мною орудіями съ 4-го бастіона, по Николаевской площади , тамъ выстраивалась партія плѣнныхъ, которыхъ собирались переправить на Сѣверную. Мое вниманіе привлекла отдѣльно стоявшая группа Французовъ, съ которыми разговаривали нѣсколько нашихъ офицеровъ. Здѣсь былъ между прочимъ и французскій полковникъ, взятый въ плѣнъ на Шварца редутѣ, небольшого роста, уже съдой, но чрезвычайно пріятный мужчина. Возлѣ него стояли двое также французскихъ офицеровъ: маленькій лейтенантъ, все осматривавшій и ощупывавшій себя: не раненъ ли онъ; и высокій здоровенный лейтенантъ, съ огромной черной бородой. Онъ весь дрожалъ, еще не успокоившись отъ ярост-

ныхъ ощущеній штурма, и угрюмо поводитъ на всѣхъ глазами, на лбу его былъ большой кровавой ушибъ, набившійся пескомъ.

Къ этому французу подошелъ какой-то ополченецъ-офицеръ.

— А что, мосье капитанъ, спросилъ ополченецъ француза, указывая на его лобъ:—это avec la pierre?

— Je n'en sais rien, отвѣчалъ Французъ, и только тутъ, дотронувшись до раны рукой, догадался о томъ, что раненъ. Вотъ въ какомъ настроеніи духа были и наши и непріатели въ ужасный день штурма. — Bah, une misère, прибавилъ Французъ, и не думая о ранѣ, заговорилъ съ полковникомъ.

— Такъ-съ! произнесъ ополченецъ, отходя отъ Француза.

Въ это время лейтенантъ разговаривалъ съ русскими офицерами, и проѣзжая мимо группы, я услышалъ очень умную фразу, сказанную однимъ изъ нашихъ: «Оба штурма ваши—большая ошибка, говорилъ русскій офицеръ Французу:—для перваго, вы были отъ насъ слишкомъ далеко, а для втораго слишкомъ близко».

Бушевавшій съ утра вѣтеръ, утихъ къ вечеру. Но расколыхавшаяся бухта ходила ши-

рокой, сильной зыбью, и большой мостъ сильно бросало.

Съ изумительнымъ порядкомъ, медленно, печально очищали наши войска южную сторону Севастополя. Скопление народа на берегу у моста, по которому затруднительно шла теперь переправа, было неизбежно.

Волненіе въ бухтѣ все не переставало, и у насъ справедливо опасались, чтобы не разорвало мостъ; а потому были предприняты всевозможныя предосторожности. Въ девятомъ часу не стали уже пропускать по мосту артиллерию: для арміи можно было наконецъ пожертвовать нѣсколькими орудіями. Деньщики также засуетились было здѣсь съ офицерскими запряженными повозками, но ихъ окончательно прогнали, заставивши самимъ же, во избежаніе всякаго соблазна, потопить привезенное ими добро въ бухтѣ. Такимъ образомъ всѣ мы вывели изъ Севастополя изъ своихъ вещей, только то, что было на насъ. И севастопольскій дневникъ, какъ въ Лету, кануль въ съдой Понтъ-Евксинскій.—Переправа раненыхъ началась съ 4-хъ часовъ, тотчасъ послѣ отдачи главнокомандующимъ приказанія очищать Южную сторону. Изъ Николаевской казармы, безпрестанно съ носили на пристань

койки, на которыхъ лежали закутанными страдальцы. Отсюда на параходахъ и шаландахъ перевозили ихъ на сѣверную.

Въ девятомъ часу вечера я стоялъ съ тремя орудіями своей батареи, шагахъ въ двадцати-пяти отъ моста, заслоненный отъ него непроницаемой массой столпившагося здѣсь войска. Сзади со всѣхъ сторонъ окружали и напирали безпрестанно все подходящія войска, такъ что мнѣ съ моими орудіями ни съ мѣста нельзя было сдвинуться. Я велѣлъ отпречь выносы, потому что въ нихъ, при давкѣ, которая неминуемо происходила теперь, порой могли попасть люди, и тогда лошади начали бы бить. Стоя здѣсь, уже около часа, я не зналъ, что отдано уже приказаніе не пропускать болѣе черезъ мостъ артиллерію, и спокойно выжидалъ удобнаго момента, чтобъ двинуться на мостъ. Вдругъ какой-то генераль на сѣрой лошади, сопровождаемый двумя жандармами, также верхами, сталъ прорываться къ мосту возлѣ моихъ орудій, «Гарголь не зъвай!» крикнулъ я уносному фейерверкеру головного орудія, «Слушаю-съ, будьте покойны;» отвѣтилъ тотъ, и какъ только съ нимъ поровнялся послѣдній жандармъ, юркнулъ за нимъ со своимъ орудіемъ, затѣмъ слѣдующія два орудія,

вслѣдъ за которыми повхалъ уже я. Маневръ этотъ былъ выполненъ нами такъ живо, что находившійся у переправы генераль, будучи чѣмъ-то отвлеченъ въ это время, успѣлъ лишь замѣтить, какъ взвѣзжало на мостъ послѣднее мое орудіе.

— Гдѣ офицеръ, какъ смѣли ослушаться! Назадъ, назадъ! крикнулъ онъ грозно. Подъѣхавши къ генералу (въ темнотѣ я не могъ различить, кто это былъ именно), я объяснилъ ему все, и успѣлъ даже истинно вымолить позволеніе продолжать переправлять свои орудія, изъ которыхъ первое было уже почти на половинѣ моста. При томъ же, на мое счастье, волненіе казалось, какъ бы поутихло.

Я не помнилъ себя отъ радости, что успѣлъ спасти свои орудія.

Выносы впереди; за ними шагахъ въ двадцати орудія, которыя также держали одно отъ другаго интервалъ шаговъ въ сорокъ — пятьдесятъ, такимъ образомъ тащились мы шагомъ, составляя также часть знаменитаго историческаго отступленія.

Радость моя скоро прошла, хотя орудія мои были уже въ безопасности. Въ такія минуты позабудешь все орудія на свѣтъ. Мы ѣхали тихо, мостъ казался безконечнымъ. Ночь бы-

ла совсѣмъ черна, сзади насъ, въ отдаленіи, начали уже раздаваться громовые взрывы — прощальные вздохи *многострадальнаго* Севастополя. По обѣ стороны моста лежала мрачная, зыблющаяся мгла, а направо на рейдѣ еще мелькали темныя громады нашихъ, уже утопающихъ линійныхъ кораблей, пароходы шумно, съ пыхтеньемъ, сновали по всѣмъ направленіямъ, выкидывая огнистые снопы искръ въ клубахъ густаго, чернаго дыма; въ докахъ горѣлъ кранъ, какъ огромный погребальный факелъ; люди шли тихо, сами лошади ступали робко по зыблющемуся полузатопленному мосту, сердце щемил и глухая боль, и жалость, и тоска. Впечатлѣніе этихъ минутъ невыразимо словомъ.

Вотъ я въѣзжаю уже на сѣверную, съ послѣднимъ шагомъ черезъ мостъ, завершается мое севастопольское поприще, и рука невольно творить крестное знаменіе.

По окраинамъ Севастополя, затонувшаго во мракъ ночи, съ конца въ конецъ его, чаще и чаще забѣгали огненные змѣйки *, чаще стали

* Для произведенія взрывовъ употреблялось весьма

взлетать, по направленіи къ укрѣпленіямъ, багровые столбы пламени, взрывы стали слышнѣе и ближе къ окраинѣ южной стороны, пожары, едва показывавшіеся при моемъ переходѣ черезъ бухту, разгорѣлись и слились въ одно зарево.... Багровымъ огнемъ занялось все небо—начались послѣдніе вздохи Севастополя. Того, что мы видѣли въ эту ночь, никогда не передасть и не въ состояніи передать ни перо, ни слово человеческое. Для всѣхъ насъ, бывшихъ севастопольцевъ, она до-сихъ-поръ передъ глазами, забыть ее также невозможно, какъ и описывать ее въ нашихъ замѣткахъ.

Е. Р. Ш—ОВЪ.

20 сентября 1857 года.

простое средство : просто насыпали дорожки пороху по землѣ.